

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2018 ТОМ 10 № 3

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования

Заместитель главного редактора
Е.А. Попова, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН

Ответственный секретарь серии
А.А. Куделин, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН

Члены редколлегии

Абтахи Бехруз, профессор университета имени шахида Бехешти (Иран), директор Научного представительства Ирана в России и странах Средней Азии

Абу аль-Хассан Мусса Багри, профессор Каирского университета

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философии, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Родригес-Фернандес А.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Востока и Запада МПГУ

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Терзич С., профессор института истории Сербской Академии наук и искусств, посол Сербии в РФ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института Востоковедения РАН

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2312-8127 (Print) ISSN: 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология
Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода).

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, «Восток–Запад»: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Заикина*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Всеобщая история»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Подписано в печать 14.06.2018. Выход в свет 28.06.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 8,77. Тираж 500 экз. Заказ № 831. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2018 VOLUME 10 NUMBER 3

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor

E. Popova, Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Executive Secretary

A. Kudelin, Ph.D. in History, Assistant Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Members of Editorial Board

Abtahi Behruz, Ph.D. in Science, Professor Shaheed Beheshti University (Iran), director of the Scientific Mission of Iran in Russia and Central Asia

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Rodriguez-Fernandes A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of the modern and contemporary history of the Moscow State Pedagogical university

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Terzich S., Ph.D. in History, Professor of the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia's Ambassador to the Russian Federation

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (online); 2312-833X (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on World history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

Rudn Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The Journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from Ancient Times to Modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical science and Archeology.

General Journal Sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies etc. In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2018

СОДЕРЖАНИЕ

АНТИЧНЫЙ МИР

- Гвоздева И.А.** Принципы организации пространства и аграрная структура Древнего Рима 219
- Булычева Е.В.** Роль должностных лиц полиса в организации аренды священных земель в Аттике (IV в. до н. э.) 229
- Дарвин А.Л.** Происхождение спартанских царей от Геракла 237

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Казарницкий А.А., Панасюк Н.В.** Краниология и археология восточноманьчжурской катакомбной культуры – перспективы анализа встречаемости признаков 250
- Баринова Е.Б.** Этнокультурные контакты средневекового населения Восточного Приаралья по данным археологических исследований XX века 261

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Китинов Б.У.** Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии 270
- Понька Т.И., Сибарани Д.М.Н., Куклин Н.С.** Индонезийские подходы к восприятию международных отношений и мировой политики 282
- Теплов А.В., Бельченко А.С, Кузьмина Г.В., Рекстар О.Д.** Борьба с коррупцией в Республике Индонезия 297

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

- Бабинцева Е.А.** Истоки взаимодействия России и Германии в области природопользования на примере лесного хозяйствования в XIII–XVIII вв. (Eng.) 311

CONTENTS

ANTIQUÉ WORLD

- Gvozdeva I.A.** Principles of Spatial Organization and Agrarian Structure of Ancient Rome 219
- Bulycheva E.** The Role of Officials Policy Organizing Rental of Sacred Land in Attica (IV Century B.C.) 229
- Darvin A.L.** Origin of Spartan Kings from Heracles 237

ARCHAEOLOGICAL STUDY

- Kazarnizki A.A., Panasyuk N.V.** Craniology and Archeology of the East Manych Catacomb Culture – Perspectives of the Analysis of the Consistency of Signs 250
- Barinova E.B.** Ethnocultural Contacts of the Medieval Population of the Eastern Aral Sea Region on the Data of Archaeological Research of the XX Century 261

ORIENTAL STUDIES

- Kitinov B.U.** Kalmak and Oirats: Toponym in the Religious History of the Peoples of Central Asia 270
- Ponka T., Kuklin N., Sibarani M.** Indonesian Approaches to Perception of the International Relations and Worldwide Policy 282
- Teplov A., Belchenko A., Kuzmina G., Rexstar O.** Anti-Corruption Policy of the Republic of Indonesia 297

YOUNGS SCHOLARS REPORTS

- Babintseva E.A.** The Origins of Interaction Between Russia and Germany in the Field of Nature Use in the Context of Forest Management in the 13th–18th Centuries 311

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-219-228

Принципы организации пространства и аграрная структура Древнего Рима

И.А. Гвоздева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ломоносовский пр., 27–4

В архаических обществах идея организации пространства всегда воплощалась в космогонии и сопровождалась сложным ритуалом. Римляне восприняли принципы пространственного мышления от этрусков, унаследовав от них также и ритуал. В античной традиции именно этот ритуал затенил главные идеи по делению пространства. Реконструкция жрецом небесного храма на земле в значительной степени зависела от его индивидуального восприятия этой задачи. Приспособив проекцию небесного храма к разделу именно земельного пространства, римляне постепенно стали избавляться от неопределенных элементов ритуала. Теперь основное внимание было сосредоточено на проведении главных осей, т.е. их ориентации по направлению стран света. Первой проводили линию, обозначающую Восток–Запад, второй перпендикуляр к ней – линию Север–Юг. Так был создан крест делителей замкнутого пространства., т.е. система координат.

Главным элементом теории римского деления пространства стал лимит – прямая линия, точно проведенная по географическим направлениям. Все лимиты (главные и параллельные им) точно определяли раздел земельных площадей. На практике римские землемеры именно лимитами тщательно размечали и точно делили площади. Эти принципы римляне использовали при организации земельного пространства в Италии и провинции.

Ключевые слова: лимитация (limitatio), лимит (limes), ориентация, храм (Templum), ритуал, землеустроение

Введение

Длительный период существования римской аграрной структуры в области землеустроения античные авторы рассматривали как межевание земель для сельскохозяйственных работ особыми делителями – лимитами, проводимыми по строго географическим направлениям.

В произведениях римских землемеров эта акция получила обозначение limitatio и в период Республики представляла собой раздел площадей лимитами только в одном направлении: они проводились с Севера на Юг или с Востока на Запад. Их точная ориентация позволяла строго контролировать раздел на земельные участки, предназначенные к передаче гражданам в собственность [10. Р. 32–34].

Но *limitatio* как способ межевания распространился в Италии в связи с выводом гражданских колоний на земли италиков в период формирования Римско-Италийского союза, т.е. не ранее III в. до н.э. Кроме того, лимитация была технически более сложной по сравнению с ранними способами межевания, такими, как лацины и прецизуры, образованными без раздела и расчета всей площади [2. С. 80–91]. Так, она не могла появиться в архаику, как считали некоторые авторы (Plut. *Rom.* 11; Varro. *LL.* V. 72).

Но когда произошло резкое сокращение фонда земель *Ager Publicus*, то потребовалось внедрение лимитации, позволявшей рассчитать и поделить площади любого размера на всем Апеннинском полуострове. Именно в этих условиях и сформировались важные принципы римского землеустройства: *limitatio* – для земель, предназначенных в собственность гражданам, а более простые способы межевания – для земель, используемых через аренду.

Античные же авторы сосредоточили свое внимание лишь на том, как римляне восприняли деление пространства от этрусков, и поэтому их восприятие межевания построено на этих традициях.

Действительно, римляне вслед за этрусками перенесли организацию космического пространства в область земледелия, выделив наиболее важные принципы: ограничение и раздел, что и определило римскую практику землеустройства. Поэтому науку *Disciplina Etruscae* можно считать наставницей римлян (SRF. I. S. 350). Согласно ей мировое пространство было населено богами, размещенными в определенном порядке, следовательно, весь космос, его проекция, а главное, его граница становились священными, в том числе и граница поля (SFR. I. S. 358) [13. P. 15–16]. Известный этрусколог К. Тулин подчеркивал, что именно идея святости границы поля уходит корнями в Этрусскую Дисциплину [15. S. 8–10]. Действительно, святость и неприкосновенность границ стала для римлян прочным фундаментом мирового порядка (Varro. *LL.* V, 65; Fest. *Lapis*; CAR. S. 11). Однако хочется отметить и мнение такого автора, как Фест, считавшего, что все учение этрусков сводилось в основном к составлению кодекса жрецов (SFR. I. S. 359).

Методы и материалы

Саму идею святости границ римляне воплотили в культе бога Термина. Именно он гарантировал неприкосновенность границы поля гражданина, наряду с топографическими реперами [11. S. 173; 4. С. 53–56].

В функции верховного бога Юпитера входило покровительство самому акту раздела полей, результат которого становился незыблемым для мира людей, в противном случае на головы нарушителей обрушивалась страшная кара (SFR. I. S. 358).

Термины после раздела полей подтверждали право частной собственности на землю, поэтому они должны были сохраняться длительное время. Эти знаки границ изготовлялись из прочных пород камня (SFR. II. S. 272–273;

Ovid. *Fast.* 2. 641). В трудах землемеров можно найти описание обряда постановки Термина. В нем соединились элементы кровавой жертвы (закалывали жертвенное животное) и бескровной (добавляли вино, плоды, травы). Завершением этой акции было украшение Термина тканями и венками (CAR. S. 105).

Важной рекомендацией при установке межевого камня было то, что он должен был стоять строго вертикально. Изменение положения Термина (даже если произошел его малейший наклон) могло служить основанием для пограничного иска (CAR. S. 30–31). Так на практике демонстрировались права частной собственности на выделенный участок [3. С. 249–268].

Действительно, римляне следовали *ratio mundi* этрусков (CAR. S. 149), но в отличие от своих предшественников они выделяли лишь те сведения о небесном храме (Templum), устройство которого они могли воспроизводить как проекцию на земле. Таким образом, реконструкция сакрального пространства становилась важнее ритуала.

Римские же агрономы по традиции считали, что на земле отражалась схема, точно по которой живет Templum (Varro. *LL.* VII. 7). Поэтому проекцию астрономического храма они видели как воспроизведение именно этрусской модели Templum (Plin. *NH.* XVIII).

Так как успех всегда связывали с восходом солнца, олицетворявшим рождение и начало жизни, то и положительная часть Templum располагалась на Востоке. Заход солнца – конец жизни, т.е. смерть, связывали с Западом. Задача конструирования Templum у римлян стала сводиться к проведению линии Восток–Запад. Если у этрусков эта линия была безымянна, то у римлян она обозначилась как *limes, itis* – лимит (линия раздела). Позднее лимитом могли называть любую разделительную линию. Делитель, проведенный по направлению Восток–Запад, у римлян получил обозначение *Decumanus* (CAR. S. 131–133).

Исследование проблемы

Итак, учение о Templum в римской дивинации было направлено на строительство храма на земле жрецами-авгурами. Часто такую реконструкцию Templum называли авгуральным храмом [13. Р. 85–86]. В римской практике эти принципы применялись при строительстве храмов (Fest. 285) и организации больших земельных площадей (CAR. S. 136–165) [15. S. 2–3, 31–33].

Наиболее сложной задачей для авгура было построить перпендикуляр к Декуманус для обозначения линии Север–Юг. Этот лимит получил название *Cardo* – ось Templum. Следовательно, Декуманус разделяла Templum на верх и низ, а Кардо – на правую и левую части [11. S. 163; 9. Р. 987].

Очевидно, что римляне стали развивать в проекции Templum ориентацию главных осей Декуманус и Кардо по странам света. Авгур чертил специальным жезлом на земле границу будущего храма [6. Р. 147; 14. Р. 75–76].

Но это пространство превращалось в *Templum* только после проведения ориентации его осей (Varro. *LL.* VII. 2. 6–13). В авгуральном храме определяли истинный меридиан, а также и локализовали его счастливую и несчастливую стороны (Varro. *LL.* I. 1; Plin. *NH.* II. 142; Fest. *Sinistra*). Так, в римской дивинации все же сохранялись и элементы этрусского ритуала. Именно эти моменты заслоняли у античных авторов главную идею проекции *Templum* на земле в Риме – ориентацию.

При *orientatio* основных осей храма, получивших в римском землеустройении обозначение *Decumanus Maximus* и *Cardo Maximus*, именно эта акция стала главной. Римляне, сосредоточив в межевании внимание на точности географического направления осей (в сокращении землемеры обозначали их *DM* и *CM*), постепенно отсекали ритуальные элементы.

Гигин Младший Громатик специально изучал реконструкцию авгурального храма (CAR. S. 150–156). Кроме того, этот автор провел исследование самой категории лимита – как делителя сакрального пространства (CAR. S. 133). Он также особо подчеркнул, что главные оси *DM* и *CM* создали крест делителей замкнутого пространства.

Гигин Громатик на схеме этрусского *Templum* показал, как пространство делится двумя временными циклами движения Солнца: суточным и годовым (CAR. S. 131, 152, 156). Именно он определил точку, через которую проходила *Cardo* – ось мира. Но ориентация *Templum* по Гигину Громатику у римлян всегда начиналась с определения линии Восток–Запад (CAR. S. 177). Этот вывод для практики межевания был чрезвычайно важен, т.к. бытовало мнение, что первой должна проводиться ось *Cardo* (Polyb. VI. 42; SRF. II. S. 152–157). Вероятно, некоторые авторы по-прежнему находились в плену этрусской дивинации. Однако необходимо заметить, что проведение главных осей зависело от того, куда был обращен взор жреца в момент проведения ритуальных действий (Cic. *Phil.* II. 10. 102), что ставило под сомнение точность определения ориентации в этрусском ритуале [7. P. 22–24].

Гигин Громатик убедительно доказал, что на практике первой может быть проведена только *Декуманус* по направлению Восток–Запад (CAR. S. 177). Этому автору принадлежит серьезный анализ римской практики ориентации. Он, правда, был вынужден признать, что землемеры иногда применяли и примитивные способы ориентации (в этом случае прибором засекалась только одна солнечная тень). Другой способ по определению двух теней также не гарантировал абсолютной точности. В обоих случаях не учитывался угол склонения Солнца (т.е. наклон земной оси и скорость движения планет). Для точного определения линии Восток–Запад Гигин Громатик рекомендовал третий способ, основанный на неоднократном засекании курса Солнца в разное время суток (CAR. S. 152–154; fig. 105–106a). Для этого землемеры вычерчивали проекцию трех солнечных лучей и решали геометрическую задачу, результаты которой «позволяют определить четыре стороны света во всякое время» (CAR. S. 153) [1. С. 74–88].

Римская практика ориентации в землемерении демонстрировала господство основного принципа землеустройства: удобство и рационализм межевания. Римляне продолжали использовать и простые способы ориентации, осуждаемые Гигином Громатиком, такие как на восходящее Солнце. Примеры ориентации этим «худшим» способом приводили Плиний Младший (Plin. *NH.* XVIII. 26. 4) и Книги Колонии (I.c. 209).

Гигин Громатик назвал «теоретическим» способом ориентации: DM на Восток–Запад, SM на Север–Юг. Но он же признавал и существование другого способа: *Cardo* – Восток–Запад, *Decumanus* – Север–Юг (в этом случае положение главных осей могло меняться) (CAR. fig. 102–106; CAR. S. 14, 135, 146). Такой способ зафиксирован в период гракханских реформ в Бруттии. Примечательно, что даже Август, проводивший в I в. до н.э. в этом районе ассигнации, не изменил ориентацию осей межевания (I.c. 209). Такой же способ, как в Бруттии, использовался и в некоторых районах Кампании. Подобные примеры межевания землемеры объясняли особенностями местных условий (CAR. S. 12).

Следовательно, «теоретический» принцип ориентации, восходящий к «Этрусской Дисциплине», применялся наряду с другими. Господствующим он стал только в эпоху Августа (CAR. S. 157). Но и тогда он не вытеснил более простые способы ориентации (CAR. S. 134). По мнению Э. Бодуэна, на небольшие отступления от теории римляне обычно шли под влиянием местных условий [5. P. 22]. Но даже когда «теоретический» принцип ориентации стал господствующим, некоторые отступления от него в Италии все же встречались [8. P. 26–27].

Результаты

Римские землемеры (аргименсоры) в первую очередь были авторитетными специалистами по ориентации на местности. Они пользовались простым прибором (грома), которым проводили все необходимые геодезические мероприятия. Такая работа на местности требовала много знаний и навыков от агрименсоров; в их сочинениях часто встречаются назидательные рекомендации по точному соблюдению всех нормативов геодезических измерений, и в первую очередь это касалось ориентации на местности.

С помощью громы землемеры задавали направление осей-делителей. Агрименсоры понимали, что даже малейшее отклонение от этих направлений могло нарушить форму единицы площади и исказить всю схему межевания. С особой тщательностью землемеры проводили главные осевые линии. Работа на местности проходила следующим образом: менсор по линии просмотра в отдаленную точку отсылал помощника, который там ставил мету; от дальней точки он двигался на менсора, держащего грому, устанавливая меты через каждые 12 футов, причем все колышки получали свои номера (SAR. S. 155). Разметка оси движением на инструмент не закрывала видимости и исключала

ошибку. От колышка к колышку линию на земле прочерчивали мелом, и у каждой меты сверяли направление по громе (SAR. S. 17). Приблизившись из точки Востока к громе (точка 0), помощник менсора отходил на наибольшее расстояние от громы в западном направлении. Также движением на грому проверялась линия от точки Запад. При межевании больших площадей грому переносили в крайнюю точку направления и пробивали осевую линию дальше. То же было в направлении Север–Юг.

На плоской поверхности параллельность линий обеспечивало умение землемеров пользоваться громой, на пересеченной было сложнее сохранить заданное направление и требовались большие навыки в геодезической работе. Фронтин разработал специальную задачу на проведение линии по впадине (SAR. S. 17–18). При замере холма задача менсора состояла в том, чтобы определить превышение точки над другими децемпедами (вертикалями) и подсчитать высоту по превышениям (SAR. S. 107). Римские землемеры проводили и горизонтальную съемку местности при измерении площадей по периметру. Труды агрименсоров раскрыли весь комплекс сложной, многотрудной и очень важной работы по подготовке крупных массивов земельных площадей к передаче в собственность.

Математика в Италии развивалась в зависимости от практических задач, возникающих на Апеннинском полуострове (Verg. *Aen.* VI. 849; Cic. *Tusc.* 1. 2. 5.). И у аграрных писателей, и у землемеров отрабатывались примеры по решению задач на измерение углов. Со своим простым измерительным прибором – громой римляне обходили все контрольные точки на плоскости (Col. 3. 13. 17; SAR. S. 3).

Подобными навыками владели агрименсоры, называемые также гротатиками, ведь как геодезисты они должны были обойти с инструментом все земли, предназначенные к межеванию. Кроме того, они также тщательно должны были измерить и обозначить земли, не идущие в ассигнацию, т.е. оставшиеся угольями: леса, выгоны, пастбища, бросовые и пахотные участки (SAR. S. 128, 166). Межевание земель требовало изучить все имеющиеся в Средиземноморье меры площади. В римском обществе это стремление познать землеустройство других народов проявилось у аграрных писателей. Уже Катон специально рассматривал *iugum*; Варрон, кроме римского и кампанского *vorsus*, изучал еще и испанский *iuga* и *scriptulum* как малую часть югера (Varro. *RR.* I. 10).

Сокращение земельного фонда к концу периода Республики вынудило усовершенствовать систему раздела, вывести ее из зависимости от условий местности, обосновать на полном расчете площади. Для этого необходима была жесткая схема разметки при ориентации осей по странам света. К рубежу III–II вв. до н.э. система координат все чаще применялась в римском землеустройении при межевании площадей.

Воплотив этрусское учение о *Templum* в строительстве авгурального храма, римляне перенесли эти принципы на землеустройство тогда, когда в Ита-

лии стала ощущаться нехватка земли, которую надо было очень точно распределять. Для этой цели необходимо было создать особую единицу площади, геометрически точно определенную. В конце периода Республики в римском землеустроении была создана такая единица площади – квадратная центурия. Она завершала разметку площади в системе координат. Опираясь на научное ориентирование, римляне на практике перешли к наибольшей точности при разделе земельных пространств.

Осваивая завоеванные в Средиземноморье земли, Рим учитывал не только условия этих местностей, но и их традиции землепользования. Именно на провинциальных землях проявилась гибкость римской политики внедрения принципов землеустроения. Так, при межевании колонии Arausion (в Галлии I–II вв. н.э.) было создано три межевых сетки. В первой из них (кадастр «В») *Cardo* проведена как горизонталь, т.е. имеет направление Восток–Запад. Во втором (кадастр «А») роль горизонтали выполняла *Decumanus*. В этом случае перед нами представлен «теоретический» вариант: *Decumanus Maximus* – Восток–Запад. В третьем варианте (кадастр «С») *Cardo* проведена как вертикаль [12. Р. 40, 173]. Тип кадастра «В» можно рассматривать как второй принцип, где «Карды на месте Декуманов, а Декуманы на месте Кардов» (CAR. S. 146; fig. 97, 97a).

Заключение

Так, и в Италии и в провинциях прослеживались как «теоретические» принципы ориентации пространства, так и некие отступления от них.

Римское учение о *Templum* выработало основные принципы деления пространства. Они были построены на введение лимита как главной разделительной линии. Первым стал лимит *Decumanus* по направлению Восток–Запад, а перпендикуляр к нему *Cardo* – по направлению Север–Юг. Эти оси создали крест делителей – основы решетки римского межевания, на котором была построена аграрная структура всего Средиземноморья. Значительно сократив этрусский ритуал при ориентации *Templum*, римские землемеры усилили точность этой акции. Именно их практическая деятельность по реконструкции авгурального храма на земле создало римскому государству фундаментальную основу в землеустроении при освоении земель Средиземноморья. Римляне, разумеется, переносили итальянский опыт межевания площадей в провинции, но тщательно изучали не только местные приемы деления земель на участки, но и организацию площадей больших племенных округов, и даже целых государств, опираясь в этой деятельности на наиболее важные принципы деления пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гвоздева И.А. Технические аспекты землеустройства в древнем Риме по трактатам землемеров // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1979. № 4. С. 74–88.
- [2] Гвоздева И.А. Ранние типы деления земельных площадей при организации сельской территории у римлян // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 1986. № 2. С. 80–91.
- [3] Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. Terminus – охранитель римских границ // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4. История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. Н. Новгород, 2014. С. 249–268.
- [4] Гвоздева Т.Б. Межевой знак в системе римского земельного права // *Аграрное и земельное право*. М., 2015. № 12 (132). С. 53–56.
- [5] Beaudouin E. *La limitation des fonds de terre dans ses rapport avec le droit de propriete*. P.: Larouze, 1894.
- [6] Bloch R. *The Etruscans*. L.: Thems & Hudson, 1965.
- [7] Bouché-Leclercq A. *Histoire de la divination dans l'antiquité*. Vol. 1–4. P.: Leroux, 1879–1882. Vol. 4. *Divination Italique*, 1882.
- [8] Castognoli F. *La ricerca sui resti della centuriazione*. Roma: Ed. di storia e letteratura, 1958.
- [9] Fraccaro P. *Agrimensura*. In: *Encoclopedia Italiana di scienza, lettere ed arti*. Vol. 1. Milano, 1929.
- [10] Morris J. *Shaping the Empire: Agrimensores, Emperors and the Creation of the Roman Provincial Identities*. Ph. D. diss.: University of Leicester, 2016.
- [11] Nissen H. *Das Templum*. B., 1865.
- [12] Piganiol A. *Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange*. P., 1962.
- [13] Rose H. J. *Ancient Roman Religion*. L., 1949.
- [14] Scullard H.H. *The Etruscan cities and Rome*. L.: Thames & Hudson, 1967.
- [15] Thulin C. *Die Etruskische Disciplin*. Vol. I–III. Göteborg, 1905–1908. Vol. III.

REFERENCES

- [1] Gvozdeva I.A. *Tehnicheskie aspekty zemleustrojstva v drevnem Rime po traktatam zemlemerov* [The Technical aspects of land management in ancient Rome, the tracts of land] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Serija 8. Istorija [Vestnik of Moscow University. Series 8. History]. M., 1979. №. 4. S. 74–88.
- [2] Gvozdeva I.A. *Rannie tipy delenija zemel'nyh ploshhadej pri organizacii sel'skoj territorii u rimljan* [Types of Early division of land in rural areas among the Romans] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Serija 8. Istorija [The Moscow University Herald. Series 8. History]. M., 1986. №. 2. S. 80–91.
- [3] Gvozdeva I.A., Gvozdeva T.B. *Terminus – ohranitel' rimskih granic* [Terminus – guardian of the Roman borders] // *Antiquitas aeterna*. *Povolzhskij antikovedcheskij zhurnal*. Vyp. 4. Istorija ponjatij, kategorial'nyj apparat sovremennoj istoricheskoy nauki i problemy (re)konstrukcii proshlogo [Antiquitas aeterna. Povolzhskiy journal of classical studies. Vol. 4. History of concepts of categorical apparatus of modern historical science and problems of (re)construction of the past]. N. Novgorod, 2014. P. 249–268.

- [4] Gvozdeva T.B. Mezhevoj znak v sisteme rimskogo zemel'nogo prava [Landmark sign in the system of Roman land law] // Agrarnoe i zemel'noe pravo [Agrarian and land law]. М., 2015. №. 12 (132). P. 53–56.
- [5] Beaudouin E. La limitation des fonds de terre dans ses rapport avec le droit de propriete. P.: Larouze, 1894.
- [6] Bloch R. The Etruscans. L.: Thems & Hudson, 1965.
- [7] Bouché-Leclercq A. Histoire de la divination dans l'antiquité. Vol. 1–4. P.: Leroux, 1879–1882. Vol. 4. Divination Italique, 1882.
- [8] Castognoli F. La ricerche sui resti della centuriazione. Roma: Ed. di storia e letteratura, 1958.
- [9] Fraccaro P. Agrimensura. In: Encoclopedia Italiana di scienza, lettere ed arti. Vol. 1. Milano, 1929.
- [10] Morris J. Shaping the Empire: Agrimensores, Emperors and the Creation of the Roman Provincial Identities. Ph. D. diss.: University of Leicester, 2016.
- [11] Nissen H. Das Templum. B., 1865.
- [12] Piganiol A. Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange. P., 1962.
- [13] Rose H. J. Ancient Roman Religion. L., 1949.
- [14] Scullard H.H. The Etruscan cities and Rome. L.: Thames & Hudson, 1967.
- [15] Thulin C. Die Etruskische Disciplin. Vol. I–III. Göteborg, 1905–1908. Vol. III.

Principles of spatial organization and agrarian structure of Ancient Rome

I.A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University
27–4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119991, Russia, GSP–1

In archaic societies the idea of the spatial organisation was embodied in the cosmogony and was accompanied by a complicated ritual. The Romans embraced the principles of spatial thinking from the Etruscans inherited from them also ritual. In ancient traditions, it is this ritual which have obscured the main ideas on division of space. Reconstruction of the heavenly temple on earth made by the priest largely depended on his individual perception of this task. Adapting the projection of the celestial temple to the spatial division, the Romans gradually began to get rid of the undefined elements of the ritual. Now it was focused on conducting of the principal axes, namely on their orientation towards the four cardinal points. First one held the line designating the East–West, then the perpendicular line North–South. Thus was created the cross of divisors with confined spaces, i.e. coordinate system.

The main element of the theory of the Roman spatial division was the limit – a straight line, just held on geographical areas. All limits (main and parallel) precisely defined section of land. In practice, the Roman surveyors carefully spaced and accurately divided areas with limits. These principles are used by the Romans in the organization of the lands in Italy and in the provinces.

Key words: spatial division with limits (limitatio), the limit (limes), orientation, temple (Templum), ritual

Информация об авторе / Information about the author

Гвоздева Инна Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва.

Gvozdeva Inna – PhD in Historical Sciences in Lomonosov Moscow State University.

E-mail: innagvozdeva@mail.ru

Для цитирования / For citations

Гвоздева И.А. Принципы организации пространства и аграрная структура Древнего Рима // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 219–228. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-219-228

Gvozdeva I.A. Principles of spatial organization and agrarian structure of Ancient Rome. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(3): 219–228. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-219-228

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.01.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-229-236

Роль должностных лиц полиса в организации аренды священных земель в Аттике (IV в. до н. э.)

Е.В. Булычева

Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., 6

Статья посвящена роли должностных лиц в процессе аренды священных земель в Аттике в IV в. до н. э. Священная земля, которая называлась теменном, поступала в аренду, что улучшало качество ее обработки. За процессом аренды следили должностные лица полиса – архонт-басилевс, демархи и фратриархи, а также представители религиозных организаций – оргеоны. Должностные лица наблюдали за порядком организации аренды, межеванием земель, процессом их обработки, поступлением доходов от аренды в полисную казну. О результатах своей деятельности они должны были своевременно докладывать власти полиса. Народное собрание полиса совместно с должностными лицами принимало решение по вопросу об организации процесса аренды священной земли. Все постановления следовало записать на каменную стелу и установить ее в центре святилища на всеобщее обозрение, что свидетельствовало об официальном характере сделки.

Ключевые слова: аренда, должностные лица, управление, демархи, фратриархи, Аттика, земля

Введение

В Древней Греции существовало весьма почтительное отношение к земле. Земля считалась основным видом собственности. Только граждане могли являться владельцами земли. Иноземцы, даже постоянно проживающие на территории греческого полиса, не имели права на владение недвижимостью [1. С. 250–251]. Сделки с земельной собственностью были одними из самых распространенных на территории Древней Греции. При этом все они проходили под тщательным контролем должностных лиц, которые следили за своевременным и правильным характером их осуществления. В IV в. до н. э. весьма распространенными стали земельные операции по аренде священных земель – теменов [1. С. 301]. В нашей статье мы рассмотрим вопрос о роли должностных лиц в организации аренды священных земель в Аттике IV в. до н. э. Область Аттика выбрана не случайно. Именно с этой территории до нашего времени сохранились надписи на камне (эпиграфический материал), посвященные сдаче в аренду земельных угодий разных храмов. Основными

арендодателями этих земельных участков являлись территориально-административные подразделения полиса – демы и фратрии, а также религиозные организации, в первую очередь оргоны [4. С. 25–26].

Методы и материалы

Материал надписей собран в ряде крупнейших зарубежных изданий. Прежде всего это собрание эпиграфических документов – *Inscriptiones Graecae*, который был впервые издан в Берлине в 1924 году. При ссылках на этот сборник в статье будет использовано общепринятое сокращение – IG. Кроме того, мы будем обращаться к тексту надписей, представленных в сборнике *Greek Historical Inscriptions*, изданном в Оксфорде в 2003 году. Сравнительный анализ эпиграфического материала Аттики и других областей греческого мира позволяет нам представить характер процесса управления арендой священных земель в Аттике IV в. до н. э.

Исследование проблемы

Тексты из Аттики дают некоторое представление о ходе проведения арендной операции, управлении процессом сдачи земли в аренду. Земельные сделки имели официальный характер проведения, условия соглашения фиксировались на стелах, которые устанавливались в специальных, посещаемых гражданами местах (в центре дема, у храма, театра и т. д.). При этом следует отметить, что процесс управления арендой частной земли отличался от контроля за организацией аренды священного имущества. По мнению Р. Осборна, это отличие объясняется прежде всего тем, кто выступал в качестве основных участников аренды и был заинтересован в этой сделке [7 С. 245]. В случае с частной собственностью на первый план выходят интересы богатых собственников, для которых аренда являлась возможностью получить огромный доход, собственную выгоду от этой сделки. Аренда священной земли была выгодна для коллектива граждан, но в ней был заинтересован и арендатор [3. С. 307].

Аренду храмовых земель в Аттике, имеющих общегосударственное значение, проводил в централизованном порядке архонт-басилей. Аристотель подробно сообщает: «Докладывает Совету также и басилей о сдаче в аренду священных земельных участков, причем заносит их на выбеленные таблички. Равным образом, и они (теменосы) сдаются в аренду на десять лет, а взносы делаются в девятую пританию; потому-то в эту пританию собирается наибольшее количество денег» (*Ath. pol.* 47. 4).

Данные эпиграфики свидетельствуют, что архонт-басилей устанавливает границы священных участков на Пеларгиконе, запрещает сооружать там алтари и требует своевременно выплачивать арендную плату (IG. I. 76, lin. 57–59).

В аттическом декрете 418/417 г. до н.э. об аренде святилища Кодра, Нелея и Басилы постоянно говорится о выполнении необходимых условий в соответствии с постановлением. Скорее всего, это установления, которые предлагал

Совет, опираясь на общепринятую практику (Arist. Ath. Pol. 47. 4). Возможно, что храмовая администрация предлагала правила проведения арендной сделки, исходя из особенностей земельных угодий, масштаба святилищ. Требование наносить все постановления на специальные выбеленные таблички тоже свидетельствует об официальном характере операции [9. Р. 121]. Найденные около Стои базилея фрагменты стел с надписями о сдаче в аренду священной земли, вероятно, являются этими установлениями [10. Р. 225].

Основное внимание обращено на передачу в аренду земельных участков, распределение территорий и назначение сроков аренды. Земельные участки сдаются в аренду от имени архонта-базилея. Он же отправляет хористов для того, чтобы определить границы земельных участков. При этом возникает вопрос о роли хористов. Они занимались установлением границ земельных угодий, распределяли обязанности по уходу за территориями. Судя по данным других контрактов, хористы также должны были вносить ежегодный отчет о результатах своей деятельности [2. С. 50–51]. О работе хористов часто сообщается в документах, свидетельствующих о пограничных спорах между государствами или об установлении границ одного определенного участка земли. Например, в одной надписи сообщается: «И афиняне установили границу священной земли, примыкающей к мегарянам» (Syll.³ 83. 54, 55).

В отношении разграничения священных участков имеются сообщения в знаменитых Гераклеяских таблицах из Лукании. В частности, в одной из таблиц сказано, что «они провели границу, измерили, установили межевые столбы и поделили на участки» священные земли Диониса и Афины (IG. XIV. 645).

Подобные мероприятия были важны в особенности в отношении священных земель, поскольку следовало проводить строгий контроль по возделыванию земель и легче было следить за небольшими по размеру территориями.

В некоторых случаях ход арендной сделки контролировался целой комиссией, куда входили базилей, иерофант, дадух и любой афинянин, кто пожелает. В частности, о таком совете идет речь в элевсинском декрете 352/1 г. до н.э. (IG. II².204, lin. 13–14). В документах более позднего периода (эллинистического и римского времени) сказано о том, что нарушитель правил святилища, в том числе условий аренды, обвиняется перед базилеем и советом (SEG. 1976–77. XXVI. 121, lin. 8–9).

Арендная операция в Рарии проводилась исключительно с помощью комиссии, в которую входили жрецы и другие служители храма (IG. II². 1672). Они строго регламентировали порядок аренды. Право окончательного решения принималось центральными органами власти. В большинстве случаев это было делом высшего должностного лица. В особых ситуациях решение принимала центральная власть в Афинах. Прежде всего это связано с расходами арендной платы, когда доход от аренды идет на организацию панафинейских игр [6. С. 41], а также проведение религиозных церемоний. В арендном контракте дема Плотей говорится о том, что сумма арендной платы устанавливалась на Совете дема, но управление дема может отступить от указаний, которые даны властью полиса (IG. II².1172, lin. 5–6).

В начале документов об аренде священных земельных участков встречаются формулировки, выражающие смысл официального постановления со стороны администрации. Как правило, в начале надписи имеется предписание: «постановлено (таким-то), демарх (такой-то предложил)» или «народное собрание постановило, демарх предложил». В связи с этим можно предположить, что постановление о сдаче земельных участков в аренду принималось различными инстанциями. В некоторых случаях решение о сдаче земельных участков в аренду принималось организацией (демом, оргеонами) вместе с высшим должностным лицом (например, демархом). Иногда требовалось специальное постановление народного собрания и демарха. Характерно, что всегда предполагалось участие высшего должностного лица. Постановление о сдаче в аренду земельного участка принималось с одобрения народного собрания.

Народные собрания созывались пританами, которые были в них председателями. Делопроизводством заведовал секретарь Совета, имевший немалое влияние на ход дел. Для всех дел требовалась «пробулевма» (предварительное решение Совета). Заседание начиналось с ее прочтения; закон не допускал вносить что-либо в экклесию без предварительного рассмотрения и отзыва Совета. Поэтому обычная формула вступления в постановления народного собрания, сохранившаяся в надписях, гласит: «Совет и народ решил в такую-то пританию, такой-то был секретарем, такой-то сказал», а затем следует текст самого предписания. Иногда обозначается имя архонта-эпонима (в самом начале или в середине вступления). Если к предложению сделаны были поправки или дополнения, то они вносились и назывались лица, которые их внесли.

В арендных контрактах имеются специальные предписания. Так, в договоре об аренде святилищ Кодра, Нелея и Басилы, говорится о постановлении Советом старейшин и народом (IG. I.²94, lin. 1–2). Далее в тексте сказано, при каком притане проводится сделка, кто является секретарем, также указано имя некоего гражданина Адосия, внесшего дополнительное постановление (lines. 3–5).

Как и в Аттике, в других областях греческого мира постановление о сдаче в аренду принималось Советом и народным собранием.

Первые строки знаменитой надписи с Делоса об аренде храмовых земель Аполлона содержали дату постановления и имя человека, который внес его на рассмотрение в народное собрание. Поскольку даже мелкие расходы храма Аполлона устанавливались в соответствии с постановлением народа (IG. XI. 2, 161 A. 44; 199, A. 57), то постановление по столь существенному вопросу явно исходило от Совета и народа Делоса. По-видимому, это происходило еще и потому, что святилище Аполлона было расположено на храмовой земле полиса, и, хотя собственность храма номинально составляла собственность бога, управление и контроль над храмовым хозяйством находилось в руках должностных лиц, избираемых полисом и подотчетных, в конечной инстанции, Совету и народному собранию.

В операциях по аренде священной земли основная ответственность за благополучное проведение арендной сделки возлагается на самую общественную

организацию – дем, фратрию или филу, которая сдает участок. При этом главную роль играют высшие должностные лица – демархи и фратриархи. Демарх созывал собрание дема, председательствовал в нем, наблюдал за исполнением постановлений, защищал интересы дема в местном собрании и Афинах, под его руководством приносили жертвы от имени дема местным богам. Демарх вносил основные предложения по аренде. В договоре тейтрасийцев демарх занимался вопросами распределения земельной собственности (IG. II², 1241, lin. 3–4).

В том же контракте речь идет о том, что демарх выступает в качестве свидетеля при внесении изменений в договор (там же).

Демарх также следил за поступлением доходов от аренды в общественную казну. Согласно декретам из Элевсина, средства, полученные от сдачи в аренду рудников, передавались в общую казну, а затем распределялись на общественные нужды (IG. II².204, lin. 13–14, 15–17). Демархи были ответственными за своевременную выплату демотами долгов по арендной плате. При этом, как свидетельствуют данные надписей, демарх должен был сообщать о проведенной операции в специальную инстанцию.

Задолженность, связанная с распоряжением общественным имуществом, фиксировалась полисными структурами. Например, в деме Эксоне демарх сообщал в центр о количестве долгов и заложенного имущества (IG. II².1196). Демархи были ответственными за внесение чрезвычайных налогов, которые уплачивали сами демы [5. С. 11–12]. Так, в договоре тейтрасийцев говорится, что чрезвычайные налоги выплачиваются демарху ((IG. II², 1241, lin 32–33). Решение о сдаче земельных участков в аренду принималось в соответствии с постановлением демарха. В большинстве договоров из Аттики первые фразы следующие: «При демархе Евтиппе. Постановлено тейтрасийцами», lin. 1–2) или «при архонте Антиппе, демархе Франионе» (принято решение о сдаче в аренду) (IG. II², 1241; IG. II.²2498, lin. 1–2).

Демарх должен был следить за составом арендаторов. В арендном постановлении тейтрасийцев именно демарх следит за тем, чтобы земля сдавалась в аренду достойному гражданину [5. С. 11].

Многие из демархов сами являлись арендаторами сданной в аренду собственности. По-видимому, они служили примером для других граждан полиса (участие в аренде было почетным делом). В документе об аренде рудника в Элевсине имеется указание на Мирокла, сына Евтидема, который был арендатором каменоломни в районе Элевсина (IG. II². 1191). Один из демархов, имя которого не сохранилось, принимал участие в аренде театра. При этом можно предположить, что он был состоятельным гражданином, поскольку ежегодная арендная плата составляла 300 драхм (IG. II². 1176, lin. 25).

За финансовой стороной сделки (системой доходов и расходов в процессе аренды) также следили специальные должностные лица – колаклеты. Они были казначеями при архонтах, следили за поступлением и выдачей денег из государственной казны. Функции и роль колаклетов в классический период не поддаются однозначной оценке. Ранее считалось, что в ходе преобразований

Клисфена их должность была отменена, а их функции перешли к аподектам и некоторым другим чиновникам [8. Р. 211].

Однако надпись об аренде Кодра, Нелея и Басилы свидетельствует о существовании колакретов в конце V в. до н.э. (источник датируется 418 г. до н.э.).

Во всех надписях об аренде священной земельной собственности содержится предписание управляющим сделкой – внести сведения об аренде на специальную стелу и поставить ее в общественном месте на всеобщее обозрение, как правило, в храме. Стела часто служила гарантией выплаты долга, поскольку на нее заносили имена тех, кто не выплатил в срок положенную арендную плату. Эти стелы были долговым документом в течение многих лет, до полной выплаты долга (IG. XI. 2, 162 A, lin. 36–37). В арендном договоре с о. Делос прямо сказано, что, если ни арендатор, ни сын поручителя не смогут заплатить, следует записать их имена и сумму долга на стелу (ID. 1416 B, I. 50–54). На Делосе за внесением сведений на стелу и ее установкой строго следили гиеропеи. В Афинах, скорее всего, этим занимались храмовые магистратуры, а также демархи или фратриархи. В ряде документов стелу устанавливали заведующие сделкой, в контракте тейтрасийцев это поручение возлагается на самих арендаторов. Места для постановки стелы выбирались по-разному (в зависимости от характера собственности, условий операции).

Результаты

Таким образом, сведения эпиграфики свидетельствуют о том, что аренда была под контролем государства или администрации общественных организаций, что зависело от характера сделки, статуса собственности, сданной в аренду.

Администрация не только следила за выполнением условий аренды, но и сама несла ответственность в ряде случаев. В документе об аренде Кодра, Нелея, Басилы сказано, что, если архонт-басилей нарушит что-либо, написанное в контракте, он платит штраф – 1000 драхм (IG. I². 94, lin. 18–20). В договоре эксонейцев предписано, что дем не имеет права продать землю или сдать ее в новую аренду до истечения 40-летнего периода (IG. II². 2492, lin. 15). В надписи об аренде земель с о. Делос речь идет об ответственности Буле. Оно должно записать, что арендатору следует заплатить поручителю гемиолион, подобно должникам. Если же Буле не запишет, пусть заплатит поручителю сумму в два раза большую той, которую он заплатил, то есть Буле строго требовалось следить за исполнением условий сделки и возмещением понесенного поручителем ущерба в двойном размере, если оно халатно относилось к своим обязанностям (ID.1416, стк. 42–46).

Заключение

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. За ходом аренды священной земли тщательно следили специальные должностные лица, которые выполняли ряд обязательств перед по-

лисом и святилищем. Аренда имела хорошо разработанную правовую основу, что свидетельствует о правовом регулировании земельных сделок в древней Аттике. Возможно, арендный договор представлял собой официальный документ, за выполнением условий которого тщательно следили специальные должностные лица, как представители полисной администрации, так и те, кто входил в управление административно-территориальных организаций.

© Булычева Е.В., 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреев В.Н. Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. // Античная Греция. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 247–326.
- [2] Блаватская Т.В. К историографии афинских хористов // Terra antique Balcanica. София, 1985. С. 45–57.
- [3] Булычева Е.В. Права и обязанности арендодателей священной земли в Аттике (IV в. до н. э.) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. М., 2017. Т. 9. № 4. С. 301–310.
- [4] Булычева Е.В. Экономическая деятельность оргеонов Аттики в IV в. до н. э. (по данным договоров об аренде и продаже земли) // Вестник Литературного Института им А.М.Горького. М., 2014. № 3. С. 24–33.
- [5] Булычева Е.В. Роль демарха в аренде священной земли в древней Аттике (IV в. до н. э.) // Вестник РГГУ. Серия. Филология. Культурология. Востоковедение. М., 2017. № 10 (31). Часть 1. С. 9–16.
- [6] Гвоздева Т.Б. Великие Панафиней в тени Олимпийских игр // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. М., 2011. № 2. С. 36–47.
- [7] Osborne R. The demos and the divisions in classical Athens // The Greek city from Homer and Alexander. Oxford, 1991. P. 245–309.
- [8] Rhodes P.I. The Athenian Boule. Oxford, 1972. P. 211.
- [9] Rosivach V.I. The system of public sacrifice in fourth century. Atlanta, 1994.
- [10] Walbank M.B. Leases of sacred properties in Attica. Hesperia. 1952. Parts I–IV.

REFERENCES

- [1] Andreev V.N. Agrarnye otnosheniy v Attike V–IV vv. do n.e. // Antichnay Greciy. M.: Nauka. 1983. T. 1. S. 247–326.
- [2] Blavatskay T.V. K istoriografii afinskih horistov // Terra antique Balcanica. Sofija, 1985. S. 45–57.
- [3] Bulycheva E.V. Prava i objazonnosti arendodatelej svjachennoi zemli v Attike (IV v. do n. e. // Vestnik RUDN. Serija: Vseobchaja Istorija. M., 2017. T. 9. № 4. S. 301–310.
- [4] Bulycheva E.V. Ekonomicheskay deajtelnost orgeonov Attiki v IV v. do n. e. (po dannim dogovorov ob arende I prodazhe zemli // Vestnik Literaturnogo Instituta im. A.M. Gor'kogo. M., 2014. № 3. S. 24–33.
- [5] Bulycheva E.V. Rol'demarha v arende svjashennoy zemli v drevney Attike (IV v do n.e) // Vestnik RGGU. Serija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie. M., 2017. № 10 (31). Chast'1. S. 9–16.
- [6] Gvozdeva T.B. Velikie Panafinei v teni Olimpiyskih igr // Vestnik RUDN. Serija: Vseobshaja istorija. M., 2011. № 2. S. 36–47.

- [7] Osborne R. The demos and the divisions in classical Athens // The Greek city from Homer and Alexander. Oxford, 1991. P. 245–309.
- [8] Rhodes P. I. The Athenian Boule. Oxford, 1972. P. 211.
- [9] Rosivach V. I. The system of public sacrifice in fourth century. Atlanta, 1994.
- [10] Walbank M.B. Leases of sacred properties in Attica. Hesperia. 1952. Parts I–IV.

The role of officials policy organizing rental of sacred land in Attica (IV century B.C.)

E.V. Bulycheva

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia

The article is devoted to the question of the role of officials in the process of a lease of sacred land in Attica in the fourth century B.C, the Holy land, which was called the temenos, was received in rent, which improved the quality of its processing. The process of renting was watched by officials of the Polis – archon-basilevs, demarchos and phratriarhos, as well as representatives of religious organizations – orgeones. Officials watched the order of the organization of rent, land surveying, the process of their processing, the receipt of rental income to the insurance Treasury. They had to report on the results of their activities in a timely manner to the authorities of the policy. The people's Assembly of the Polis together with officials took a decision on the organization of the process of renting the sacred land. All orders should be written down on a stone stele and to establish it in the center of a sanctuary on public display that testified to official character of the transaction.

Key words: rental, officials, management, demarchos, phratriarchos, Attica, land

Информация об авторе / Information about the author

Булычева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ.

Bulycheva Elena – PhD in Historical Sciences in Russian State University for the Humanities.

E-mail bulychevalena@yandex.ru

Для цитирования / For citations

Булычева Е.В. Роль должностных лиц полиса в организации аренды священных земель в Аттике (IV в. до н. э.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10 № 3. С. 229–236. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-229-236

Bulycheva E. The role of officials policy organizing rental of sacred land in Attica (IV century B.C.). *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(3): 229–236. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-229-236

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 22.03.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-237-249

Происхождение спартанских царей от Геракла

А.Л. Дарвин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Происхождение спартанских царей от Геракла является второстепенным толкованием мифа о «возвращении Гераклидов», который связывался в античной традиции (Тиртей, Пиндар, Геродот, Исократ, Эфор) с дорийским завоеванием части Пелопоннеса. Сам миф о «возвращении Гераклидов» представляет собой генеалогическую фикцию, которую сочинили в Аргосе и развили дальше в Спарте. Происхождение царских династий в Спарте (Агиады и Еврипонтиды) от Геракла было веским аргументом при оправдании прав на царский титул и исполнение функций верховного жреца общины. Власть спартанских царей за пределами Спарты могла быть оправдана исходя из их принадлежности к роду Геракла. Кроме того, эта принадлежность к потомкам Гераклидов являлась, прежде всего, важным пропагандистским средством для обоснования законности владения завоеванными землями в Лаконии и Мессении и проведения «проахейской» политики властями Спарты. Однако образ Геракла и его культ не имели первостепенного значения в религиозной жизни спартанского полиса. Небесными покровителями царей выступали «божественные близнецы» – Диоскуры (Тиндариды). Мнение о влиянии философско-этического образа Геракла (как главного кинического героя) на представителей царской диархии позднеклассического и эллинистического периодов также представляется очень спорным.

Ключевые слова: спартанские цари, Геракл, миф о «возвращении Гераклидов», Тиртей, Пиндар, Геродот, Исократ, Эфор, дорийское завоевание, пропагандистское средство, «проахейская политика» Спарты

Введение

Существование царской власти в Спарте, в отличие от остальных полисов Древней Греции, никогда не было поставлено под сомнение. Спартанская царская диархия сохранялась как самостоятельный фактор политической жизни почти весь период истории Лакедемона в виде независимого государства. Это прямо указывает на консервативный и религиозный путь развития спартанского общества [7. S. 25; 8. P. 301], для которого цари являлись живыми потомками поколения героев. В связи с этим нам хотелось бы обратиться к мифологическому обоснованию власти спартанских царей как потомков Геракла. Этот вопрос тесно связан с интерпретацией мифа о возвращении Гераклидов в Пелопоннес, который большинством исследователей считается не лишенным некоего исто-

рического ядра о дорийском вторжении и завоевании этой территории [20. P. 28]. Сам процесс дорийской миграции, археологические, исторические и филологические проблемы, связанные с ним, являются, пожалуй, наиболее спорными вопросами в греческой истории [20. P. 28; 1. С. 11–14]. Поэтому нам представляется целесообразным сосредоточиться лишь на анализе тех сообщений античной традиции, которые в какой-либо степени затрагивают происхождение и генеалогию представителей царской династии в Спарте.

Исследование проблемы

Одним из самых старых сообщений в греческой литературе в этом плане является фрагмент элегии Тиртея «Eunomia» (Tirtaeus fr. 2 = Strabo VIII, 4, 10 [362 с]). Он отражает, по крайней мере, тот факт, что спартанцы в VII веке до н. э. верили в предание, повествующее, как их предки под руководством царей, происходящих от Геракла, иммигрировали на Пелопоннес из Эринея, места в Дориде, на территории центральной Греции, и претендовали на власть в Пелопоннесе по праву наследования [20. P. 28; 13. S. 238].

Приблизительно столетие спустя (498 г. до н. э.) Пиндар в десятой Пифийской оде (Pind. Pyth., X, 1 ff.) восхваляет Спарту и Фессалию, так как в них правят родственные династии, происходящие от Гераклидов. Однако в первой Пифийской оде (470 г. до н. э.) он связывает завоевание Лаконии и, в частности, взятие Амикл с деятельностью не только рода прямого потомка Геракла – Гилла, но и рода Памфилов – истинных дорийцев, происходящих от Эгимия (Pind. Pyth., I, 61–66). В пятой Пифийской оде (462 г. до н. э.) Пиндар также говорит о потомках Гераклидов и Эгимия, которые живут в Лакедемонне, Аргосе и Пилосе, то есть в Мессении (Pind. Pyth., V, 69 ff.).

Таким образом, сообщения Пиндара имеют различия с аналогичными сведениями Тиртея о происхождении спартанских басилеев. У Пиндара Геракл тоже является предком спартанских царей, но он много больше говорит об Эгимии и роде Памфилов, являвшихся предками и законодателями не только спартанцев, но и эгинцев, аргивян и мессенцев. Однако, по мнению Е. Тигерштедта [20. P. 29], разница в сообщениях Тиртея и Пиндара меньше, чем мы можем предполагать, так как в найденном в 1918 году папирусе [20. P. 47], содержащем новый фрагмент стихов Тиртея (Tirtaeus. fr. 1), говорится о трех филах (Гиллеях, Диманах и Памфилах), на которые были разделены дорийцы. Поэтому, описывая связи потомков Гилла и Памфилов, Тиртей, скорее всего, был знаком с деталями мифического предания об Эгимии, хотя он не раскрывает этого в дошедших до нашего времени фрагментах элегии.

Геродот сообщает о неудачной попытке Гилла завоевать Пелопоннес, во время которой он был убит Эхемием, царем Теги (Hdt., IX, 26–27). После смены трех поколений (условия клятвы Гилла) внуки Гилла вновь предприняли поход на Пелопоннес. Одним из них был Аристодем, который сам завоевал Лаконию. В этом месте Геродот замечает, что именно Аристодем, правнук Гилла, а не его сыновья

Еврисфен и Прокл, как сообщают сами лакедемоняне, вопреки утверждениям всех поэтов, был руководителем этого похода (Hdt. VI, 52; также см.: Xen. Ages., VIII, 7).

Далее Геродот описывает спартанскую версию возникновения диархии при рождении близнецов у жены Аристодема Аргеи. Геродот подчеркивает, что это сказание передают только лакедемоняне и только они одни из всех эллинов (Hdt. VI, 53). Несмотря на то, что версия Геродота о приходе дорийцев в Пелопоннес существенно отличается от версий Тиртея, Пиндара и Фукидида (Thuc., I, 12, 3), она также содержит в себе элементы предания о возвращении Герклидов и, соответственно, происхождении спартанских царей из рода Геракла.

Более широко детали истории о возвращении Гераклидов представлены позднее Исократом (Isokr. Archidamus, 16–25), который вложил их в уста Архидамы, сына Агесилая II. Эта речь, написанная после поражения спартанцев при Левктрах и освобождения Эпаминондом Мессении (366 г. до н. э.), содержала, помимо описания дорийского вторжения в Пелопоннес, аргументацию одинакового права спартанцев на Лаконию и Мессению. В речи утверждается, что Лакедемон принадлежал Гераклидам по праву дарения, поскольку свергнутый и восстановленный в правах Гераклом Тиндарей после исчезновения Кастора и Полидевка отдал эту землю Гераклу в качестве вознаграждения, а кроме того, из-за родственной связи Диоскуров и Геракла (все трое являлись сыновьями Зевса).

И. Малкин подчеркивает [15. Р. 37], что среди источников именно в «Архидаме» Исократы ясно отображена связь между подвигами Геракла и притязаниями Гераклидов на Лакедемон как особом праве на эту землю, отличном от права на Аргос и Мессению, так как Геракл восстановил во власти изгнанного Тиндарея с единственной целью, заключавшейся в сохранении трона для него самого и его потомства. Мессения принадлежала Гераклидам как военная добыча самого Геракла, а также как земля, переданная спартанцам сыновьями Кресфонта (законными наследниками) после его вероломного убийства мессенцами.

Как отмечает Е. Тигерштедт [20. Р. 31–32], речь Архидамы примечательна из-за своего явного пристрастия, которое, конечно, не должно быть приписано Исократу. Однако невозможно точно определить, какое произведение являлось источником для Исократы. Е. Тигерштедт предположил, что это была генеалогическая переработка мифа, такая, например, как труд Гелланика или какой-нибудь другой политической памфлет о Спарте, так как ни Геродот, ни Фукидид не снабжали его всеми этими деталями. По мнению исследователя, Исократ использовал при создании «Архидамы» тот же самый источник, что и Платон в третьей книге «Законов» (Plat. Leg., III, 683 d f). Вопрос об общем источнике для «Архидамы» Исократы и этой части «Законов» Платона впервые поднял еще Б. Низе [16. S. 69].

Окончательную форму мифу о «возвращении Гераклидов» придал Эфор, чей труд может быть частично восстановлен по большой работе Страбона времен Империи. Он сообщает об Эгимии, первобытном царе дорийцев, его сыновьях Памфиле и Диме, а также о Гилле, сыне Геракла, усыновленного Эгимием в благодарность за помощь Геракла в его восстановлении на троне.

Эфор сообщает также о более ранней неудачной попытке Гилла покорить Пелопоннес, которая, возможно, была двукратной. Аристодем, царь спартанцев, умирает у него до завоевания, что противоречит спартанской версии, рассказанной Геродотом (Ephorus fr. 15–18 = Jacoby F.Gr.Hist., II C, p. 44 ff.).

Нельзя точно установить, повторял ли Эфор данные более ранних авторов или делал собственные выводы. Как мы можем видеть, он знал версию развития событий у Геродота, но не всегда ей следовал. В любом случае версия самого Эфора стала доминирующей. Она стала первостепенным источником для детальных сообщений о возвращении Гераклидов, которые можно найти в более поздних компиляциях времен Империи, таких как «Историческая библиотека» Диодора (Diod., IV, 33, 5; 37, 3–4; 57–58), «Мифологическая библиотека» Аполлодора (Apollodorus II, 7, 3; II, 8) и «Описание Эллады» Павсания (Paus., II, 18, 7–9; III, 1, 5–6; IV, 3, 5–7; 4, 1–4; VIII, 5, 1).

По мнению Е. Тигерштедта, из анализа всех вышеперечисленных версий мифа о возвращении Гераклидов можно сделать один общий вывод о том, что пересказанный каким-либо из этих авторов миф уже не является подлинно народным преданием, а всего лишь «пропагандистской псевдоисторией в форме мифа, может быть, основанной на народном предании» [20. Р. 34]. Цель создания этой «псевдоистории» заключалась в том, чтобы объяснить господство современных «Гераклидов» в Пелопоннесе, приписывая их предкам серию мифических завоеваний.

Что касается спартанских сюжетов, то в них пропагандистский мотив появляется впервые уже у Тиртея. Самую преувеличенную форму он принимает у Исократа, описывающего убийство Кресфонта еще до окончательного завоевания Мессении. Вместе с тем в других версиях он сам изображен негодяем, обманувшим своих братьев, когда был брошен жребий при разделе земли (Apoll., II, 8, 4; Polyae. I, 6; Paus., IV, 3, 4–5; Strab., VIII, 5, 6 (366 c); Diod., VIII, 13).

Антимессенская направленность предания указывает на то, что эта версия зародилась в Мессенскую войну, то есть не позднее времени жизни Тиртея (вторая половина VII в. до н. э.). Однако, как верно указывает Е. Тигерштедт [20. Р. 34–35], некоторые обстоятельства исключают возможность того, что миф о возвращении Гераклидов был создан в Спарте. Главенствующая роль Аргоса и его покровителя Темена, который стал единственным эпонимом для царской династии в Пелопоннесе, скорее всего, указывает на то, что миф (или его основные сюжетные линии) был распространен из Аргоса [1. С. 16].

По мнению Ю.В. Андреева, сама потребность в жребии и разделе земель в Пелопоннесе между Гераклидами стала определяющим фактором в развитии сюжета легенды под воздействием политических интересов правителей Аргоса и Спарты [1. С. 21]. Дату окончательного формирования этого мифа можно отнести к тому периоду, когда Аргос все еще был лидирующим государством в Пелопоннесе.

Скорее всего, эта история получила всеобщее признание до того, как приобрела настоящую антимессенскую форму. Поэтому проспартанская или

антимессенская направленность является более поздним наслоением на основе общей сюжетной линии. Что же касается отождествления «панэллинской» фигуры Геракла с основателем царских родов Аргоса, Лакедемона и Мессении, то оно также возникло значительно позднее. Ю.В. Андреев считал, что легенда о возвращении Гераклидов представляет собой результат искусственной контаминации по крайней мере двух первоначально не связанных между собой версий предания. Объединившая эти два сюжета синкретическая версия предания возникла в результате согласования двух противоречивых традиций, одна из которых отражала честолюбивые амбиции царей Аргоса и Спарты, пытавшихся обосновать легитимность своей власти с помощью ссылок на кровное родство с самим Гераклом, тогда как другая (более древняя) хранила память о дорийском происхождении важнейших социальных и политических институтов этих государств [1. С. 19].

Как уже указывалось, из всех дорийских царских династий только аргосская носит имя своего предполагаемого предка. Лакедемонские цари – это Агиады и Еврипонтиды, а мессенские – Эпитиды. Е. Тигерштедт считал, что либо и Кресфонт, и Еврисфен, и Прокл были смещены по генеалогическому дереву в более позднее время, либо они были изобретены специально для этой цели [20. Р. 34].

Все это побуждает нас признать, что происхождение спартанских царских родов от Геракла является второстепенным толкованием мифа о возвращении Гераклидов. К этому можно добавить и тот факт, что это героическое происхождение противоречит более старому преданию, согласно которому цари, как и все дорийцы, происходят от Эгимия, сына родового эпонима Дора. Поскольку разрыв с таким древним преданием был немислим, то от того и возник дошедший до нас компромисс, согласно которому Гилл, первоначально являвшийся сыном Эгимия, стал сыном Геракла, но все же приемным сыном Эгимия, а следовательно, единокровным братом Дима и Памфила.

Таким образом, миф о возвращении Гераклидов представляет собой генеалогическую фикцию, которую сочинили в Аргосе из политических мотивов, а затем переняли и развили дальше в Спарте. Эта история оправдывает и защищает первый и фундаментальный факт спартанской истории, а именно то, что спартанское государство было основано силой, с оружием в руках, по праву завоевания.

В работе У. Хуттнера, посвященной политической роли героического происхождения от Геракла и анализирующей различные примеры такой религиозной и политической пропаганды в истории Греции и Македонии, совершенно верно делается акцент на то, что при обсуждении политического значения генеалогии, восходящей к Гераклу, для спартанских царей необходимо учитывать данные источников, которые свидетельствуют о существовании в Спарте и других потомков героя [13. S. 44–46]. Таковыми являлись, например, геронт Гетомарид (Diod. XI, 50, 6), а также известный наварх Лисандр (Plut. Lys., II, 1; Arist. Pol., 30, 1). Причиной появления других потомков Геракла, как предполагает У. Хуттнер [13. S. 34], были брачные узы представителей обоих царских родов, которые заключались не только с партнерами собственно

из самих царских родов. О примерах такой генеалогии среди спартанцев нецарского происхождения уже в период Империи свидетельствуют некоторые посвященные надписи (IG IV 1 nr. 86; V 1 nr. 471; nr. 530; nr. 559; nr. 599; nr. 1174; SIG 893; SEG 11 nr. 847).

В связи с распространением традиции иметь героическую генеалогию нелишним будет заметить, что некоторые римские семейства, такие как Потции, Пинарии, а также Фабии, отчитывали свой род от Геракула (Liv. I, 7; Verg. A. 8, 185; Ov. Fast. 1, 543) [14. S. 494]. Тиртей обращается ко всем спартанцам как потомкам Геракла (Tyr. fr. 8, 1 ff.). Также и Пиндар в I и V Пифийских одах не дает точного определения потомкам Геракла и не указывает, что под теми нужно понимать только представителей спартанских царских династий (Pind. Pyth., I, 62–65; V, 69–72). Неоднозначно можно понимать и слова спартанского глашатая, сказанные им перед Ксерксом при требовании удовлетворения для спартанцев и Гераклидов за смерть Леонида, которые передает Геродот (Hdt., VIII, 114). В речи афинского посла Каллия (371 г. до н. э.), которую приводит Ксенофонт, Геракл определяется как родоначальник (архагет) всех спартанцев (Xen. Hell., VI, 3, 6). Плутарх в жизнеописании Лисандра (Plut. Lys., XXIV) подробно сообщает о реформаторском плане, который включал в себя лишение «монопольной» власти представителей двух царских домов и распространение права занимать эту должность на всех Гераклидов, а по словам некоторых авторов (Diod., XIV, 13, 2; ср.: Plut. Mor., 229 f), даже всех спартанцев. В Спарте существовала целая фила Гиллеев, т. е. потомков Гилла.

С другой стороны, нет недостатка в свидетельствах, которые признают только за спартанскими царями их происхождение от Геракла. Прежде всего, это родословные двух спартанских царских домов в лице их представителей Леонида и Леотихида у Геродота (Hdt., VII, 204; VIII, 131), в которых родоначальником выступает Геракл. В своем посвящении Агесилаю II Ксенофонт, рассуждая о благородном происхождении спартанского царя, ссылается на его генеалогическое древо, восходящее к самому Гераклу (Xen. Ages., I, 2). Исходя из этого можно сделать вывод, что все спартанские цари должны были быть Гераклидами. Существовала несомненная связь между прямым божественно-героическим происхождением и возможностью получить царский титул. Как сообщает Непот в биографии Агесилая, у спартанцев был обычай предков – всегда иметь двух царей из рода Геракла (Nep. Ages., I, 2). Из «Алкивиада» Платона известно, что существовала даже особая обязанность эфоров следить за женами спартанских царей, чтобы будущий царь не был случайно зачат от кого-то другого, не Гераклида (Plat. Alk. I, 121 b). Ксенофонт в «Лакедемонской политике» сообщает, что еще во времена Ликурга жреческие функции спартанских царей были им предоставляемы только по праву божественного происхождения (Xen. Lak. pol., XV, 2). Как справедливо отмечает Н. Рише [18. P. 248–249], изгнанный из Спарты по подозрению в коррупции Плистоанакт, согласно данным Фукидида (Thuc. V, 16, 2–3), был возвращен из изгнания

и вновь провозглашен царем после неоднократного изречения оракула Дельфийской Пифией, так как потомок сына Зевса имел полное право на возвращение на родину и господство там.

По причине подтвержденного Дельфийским оракулом происхождения не от потомка Геракла в начале V века в Спарте был свергнут царь Демарат (Hdt., VI, 65 – 69) [13. S. 49]. В следующий раз вопрос о ложном происхождении от Геракла был поднят после смерти Агиса II, в 399 г. до н. э. Тогда Агесилай, претендующий на царский титул, объявил Леотихида незаконнорожденным, ссылаясь при этом на связь его матери с Алкивиадом. Лисандр же, будучи сторонником Агесилая, своеобразно интерпретировал изречение оракула в пользу своего протеже, рассуждая о том, что очень уж хромым будет царствование, если во главе города будет стоять тот, кто не принадлежит к потомству Геракла (Xen. Hell., III, 3, 3; Plut. Lys., XXII, 3; Plut. Ages., III, 5; ср.: Paus. III, 8, 8–10).

Таким образом, в Спарте неоднократно манипулировали столь веским аргументом, каким являлось происхождение от Геракла, чтобы предъявить свои претензии на царство или, наоборот, лишить должности неудобного претендента. Высшей точкой подобных манипуляций можно признать приход к власти Ликурга в III в. до н. э., который, несмотря на свое знатное происхождение и имя, не происходил из царской семьи. Однако достоверность Полибия в этом моменте ставится под сомнение Ф. Уэлбэнком [21. P. 484], который признает Ликурга дальним родственником Еврипontiдов и Гераклидом. Тем не менее, как сообщает Полибий, чтобы стать царем, Ликург подкупил эфоров, заплатив каждому из них по таланту. Они должны были засвидетельствовать происхождение Ликурга от Геракла, чтобы оказать содействие в получении им царской власти (Polyb., IV, 35, 14).

В период своего правления, для того чтобы подчеркнуть свое происхождение от Геракла, Ликург повелел чеканить хемидрахмы с профилем Геракла [11. S. 117–124]. Подобную практику мы можем наблюдать еще ранее, в период правления Арея I, который стремился подражать во всем эллинистическим монархам и выпустил монеты, по типу почти соответствовавшие тетрадрахам Александра Македонского, с изображением Геракла [11. S. 112]. Во время правления Набиса также были выпущены монеты, на которых мы можем наблюдать образ Геракла [11. S. 124, 125, 126]. Кроме того, Набис хотел, по-видимому, помещением собственного имени на монетах показать всем свое родственное отношение к Гераклу. Как считает У. Хуттнер [13. S. 53], это вызывает правомочное подозрение ввиду, вероятно, семитского происхождения самого имени – Набис. П. Кэртлидж и А. Споуфорт предполагают, что Набис являлся потомком Демарата, бежавшего из Спарты еще в начале V в. до н. э. [9. P. 67–68; 10. Sp. 1471; 19. P. 16, 24].

Вместе с тем значительная роль, которую вообще играла личность Геракла в сознании спартанцев, находит свое выражение в том факте, что изображение героя было весьма популярным мотивом чеканок на более поздних спартанских монетах, когда Спарта уже не управлялась царями [11. S. 5, 45; 13. S. 51]. О том, что сам образ Геракла долгое время был почитаем в Спарте,

свидетельствует Павсаний, описавший рельеф на меди с изображением подвигов Геракла в храме Афины Меднодомной (Paus., III, 17, 3).

Начиная с V в. до н. э. в Древней Греции формируется философско-этическая интерпретация мифа и образа Геракла как примера добродетельной жизни [13. S. 53]. Казалось бы, подобная интерпретация мифа должна была иметь определенное воздействие на представителей царской диархии в Спарте, исходя из их принадлежности к роду Гераклидов. Однако подобное мнение можно принять лишь с некоторыми оговорками. Учения философов и речи риториков вряд ли имели широкое распространение в спартанском обществе, для которого даже в к. V – н. IV вв. до н. э. были характерны консервативные и изоляционистские тенденции. Что касается времени после окончания Пелопонесской войны, то воздействие указанной интерпретации можно распространить лишь на Лисандра (Plut. Ages., XX; Lys., XXIV, 5). Подражание Лисандра образу Геракла, возможно, нашло свое выражение в выпуске его политическими союзниками в Малой Азии монет с изображением юного Геракла, душащего змей [13. S. 54].

В этой связи важно отметить, что более позднее сравнение Лисандра с образом Геракла было не чуждо такому авторитетному философу, как Аристотель (Arist. Probl., 30, 1). Вместе с тем в противоречии между принципами реальной политики Лисандра (например, обман фасосцев во время выступления в храме Геракла и другие примеры вероломства и цинизма Лисандра [13. S. 50, 55]) и принципами открытой и честной борьбы, соответствующей потомкам Гераклидов, можно найти истоки его конфликта с Калликратидом (Plut. Lys., III, 4; Xen. Hell., I, 6, 1–5) и царем Павсанием [4. С. 461] (Paus., III, 5, 2; Diod., XIV, 33, 6). Также спорно, на наш взгляд, мнение Т. Африка о возможности сравнения Геракла как воплощения идеального кинического героя [12. P. 22–49] со спартанскими царями-реформаторами [6. P. 20–21]. По мнению американского исследователя, Клеомен III, имея склонность к кинической философии, явно подражал Гераклу и размещал изображение Геракла на своих монетах, подчеркивая свое гераклидское происхождение. Однако «проповедь» истинного кинизма содержала концепцию царской власти (в этическом аспекте), представленной в виде нереального персонажа – одинокого, бедного и страдающего базилея-философа, которого невозможно сравнивать с современными реальными политиками той эпохи [12. P. 221].

Утопические проекты философов (стоиков или киников), вызванные к жизни исходя из потребности в оправдательной пропаганде, являлись не более чем прикрытием для монархической власти, подминающей под себя полисное устройство [3. С. 188–190]. У. Хуттнер отмечает: «Свидетельства того, что спартанским царям был присущ этот обязательный нравственный идеал, единичны и необоснованны в своей подлинности. Геракл, кажется, не стал выраженным примером хорошего царя на любой случай» [13. S. 55].

Происхождение от Геракла предоставляло идеологическое обоснование для господства спартанских царей и за пределами Спарты. Прежде всего, к этому сле-

дует отнести оправдание господства над Мессенией из-за обмана Кресфонта при жребии Гераклидов. Легальность мессенской царской власти поэтому можно было поставить под сомнение, а войну Спарты против Мессении и ее подчинение объяснять лишь как восстановление справедливости. Еще одна версия толкования мифа о возвращении Гераклидов, как говорилось выше, представлена в речи Исократа «Архидам». Эта речь также является доказательством того, что отношение спартанских царей к роду Геракла было широко распространено как политический аргумент по меньшей мере в IV в до н.э. Однако и ранее (в конце VI в до н. э.) этот аргумент применялся спартанскими царями при оправдании своих внешнеполитических амбиций. На этот счет можно отнести и ссылку на ахейское происхождение Клеомена I и претензию Дориея на власть в Сицилии по праву завоевания Гераклом «страны Эрикаса» (Hdt., V, 43; Diod., IV, 23, 1–3; Paus., III, 16, 4).

Таким образом, как мы пытались показать, значение мифа о Гераклидах и героической генеалогии для идеологического обоснования спартанской царской власти достаточно велико. Также, как отмечает У. Хуттнер [13. S. 57–58], нельзя недооценивать личное религиозное отношение правителей Спарты к своему родоначальнику и осознание ими такого родства. Так, известно, например, о желании Леонида I спать в святилище Геракла в Фивах во время перехода к Фермопилам (Plut. Mor., 865 f) и причислении Геракла к составу пира, происходившего при спартанском «царском дворе», во фрагменте застольной песни Иона из Хиоса (Ion v. Chios fr. 2 [Edmonds 1968]). Кроме того, Павсаний и Лукиан (Paus., III, 14, 6–10; Lucien, Anacharsis, 38) сообщают, что на месте ритуальной битвы эфебов в Платановой аллее стояли статуи Геракла и Ликурга. Как считает Н. Рише [18. P. 477–478], такое сближение между Гераклом и Ликургом побуждает рассматривать их на одном уровне как защитников спартанских институтов, где Геракл является основоположником двух царских династий, а Ликург – легендарным законодателем полиса.

Вместе с тем, как отмечает У. Хуттнер, удивительно, что Геракл не был официальным богом-защитником и покровителем для гераклидских правителей в Спарте. Немецкий исследователь, подробно изучивший вопрос использования спартанскими царями гераклидского происхождения для обоснования своей власти, приходит к выводу о том, что именно Диоскуры были покровителями царей, которые, исходя из своей двойственности, считались символом диархии [13. S. 57]. Такой вывод подтверждают мнения и других антиковедов [8. P. 298–301; 17. P. 147].

Феномен ассоциации Диоскуров с царями в массовом сознании спартанцев был уже рассмотрен нами ранее [2. С. 375–388]. Культ Геракла, несмотря на отношение царей к его роду и присутствие образа героя уже в раннем лаконском искусстве, играл в Спарте только подчиненную роль. Также и большинство жертв, которые приносились царями во время походов, были посвящены Зевсу, Диоскурам, Аполлону, Аресу, Артемиде, Афине и музам [5. С. 41–42], но не самому Гераклу. Поэтому в роли бога-защитника царей Геракл едва ли выступал [13. S. 58].

Заключение

Исходя из анализа сообщений античных авторов, которые пересказывали мифическое предание о возвращении Гераклидов, мы можем сделать вывод, что происхождение царских семей от Геракла является его второстепенным истолкованием.

Особым спартанским добавлением к сюжету мифа о возвращении Гераклидов является история о происхождении царской династии при рождении близнецов во время правления в Спарте внука Гилла – Аристодема. Антимессенская направленность характерна для обеих версий предания о разделе земли по жребию. Это свидетельствует о том, что оно было также переработано в Спарте. Происхождение от Геракла являлось неременным условием при восхождении на престол, так как спартанские цари должны были быть только Гераклидами. Это не исключало различного рода политических манипуляций происхождением царей от Геракла, которые происходили в Спарте в разные периоды ее истории.

Вместе с тем, согласно данным источников, можно сделать вывод о существовании в Спарте других родов, представители которых также считались Гераклидами. Однако жреческие функции и царский титул являлись привилегией людей, происходящих только из героического рода, основоположником генеалогического древа которых был сам Геракл. Власть спартанских царей за пределами Спарты могла быть оправдана исходя из их принадлежности к роду Геракла.

Что же касается мнения о влиянии философско-этического образа Геракла на представителей царской династии позднеклассического и эллинистического времени, то его можно признать, по меньшей мере, дискуссионным. Образ Геракла и его культ не имели первостепенного значения в религиозной жизни спартанского полиса. Происхождение спартанских царей от Геракла являлось, прежде всего, важным пропагандистским средством для обоснования законности владения завоеванными дорийцами землями в Лаконии и Мессении в периоды ранней истории Лакедемона, а в классический период служило основой для проведения «проахейской» политики спартанских властей, связанной с отысканием и перезахоронением мощей ахейских героев, включая и перезахоронение мощей матери Геракла, Алкмены, уже в период правления Агесилая II. Это происходило при содействии Дельфийского оракула, как следование предписаниям Аполлона Пифийского. Такое пропагандистское воздействие было направлено на союзников Спарты по образованному Пелопоннесскому союзу и другие греческие общины, с целью подчеркнуть «панэллинский» характер руководства Спарты в мире греческих полисов.

© Дарвин А.Л., 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреев Ю. В. Дорийское завоевание. Историческая проблема в свете археологии. СПб.: Нестор-История, 2015. 222 с.
- [2] Дарвин А.Л. Диоскуры как мифологический прообраз спартанской диархии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей. Выпуск 5 / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 375–388.
- [3] Дарвин А.Л. Сфер Борисфенит и реформаторское движение в Спарте (историография вопроса) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Выпуск 2. СПб., 2003. С. 171–190.
- [4] Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики) СПб.: Гуманитарная академия, 2001. 510 с.
- [5] Печатнова Л. Г. Спартанские цари. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 352 с.
- [6] *Africa Th.* Philarchus and the Spartan revolution. Berkeley: University Press, 1961. 92 p.
- [7] *Baltrusch E.* Sparta. Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München: C. H. Beck, 1998. 128 s.
- [8] *Carlier P.* La royaume en Grece avant Alexandre / Ouvrage publie avec le concours du Centre National des Lettres. Strasburg: AECR, 1984. 562 p.
- [9] *Cartledge P.* Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta: A tale of two cities. London: Routledge, 2001. 328 p.
- [10] *Ehrenberg V.* Nabis (1; 2) // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. 1. Reihe. 1935. Bd. XVI. Hbbd. 32. Sp. 1471–1482.
- [11] *Grunauer-von Hoerschelmann S.* Die Münzprägung der Lakedaimonier (Antike Münzen und Geschnittene Steine VII). Berlin: Walter de Gruyter, 1978. 229 S.
- [12] *Höistad R.* Cynic Hero and Cynic King: Studies in the Cynic Conception of Man. Uppsala: Carl Bloms 1948. 234 p.
- [13] *Huttner U.* Die politische Rolle der Heraklesgestalt im griechischen Herrschertum. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 385 p.
- [14] *Lübker F.* Reallexikon des klassischen Altertums für Gymnasien. 5. Auflage, hrsg. von Max Erler. Leipzig: Verlag B. G. Teubner, 1877. 1272 S.
- [15] *Malkin I.* La mediterranee spartiate. Mythe et territoire. Paris: Les Belles Lettres, 2004. 395 p.
- [16] *Niese B.* Zur Verfassungsgeschichte Lakedämons // Historische Zeitschrift. 1889. Bd. 62. S. 58–190.
- [17] *Parker R.* Spartan religion // Powell A., editor. *Classical Sparta: techniques behind her success.* Ed. A. Powell. London: Routledge, 1989. p. 142–172.
- [18] *Richer N.* La religion des spartiates. Croyances et cultes dans l'Antiquite. Paris: Les Belles Lettres, 2012. 806 p.
- [19] *Texier J.-G.* Nabis (Annales litteraires de l'Universite de Besanson. Centre de recherches d'histoire ancienne 14). Paris: Les Belles Lettres, 1975. 111 p.
- [20] *Tigerstedt E.* The Legend of Sparta in classical Antiquity. Vol. 1. Stockholm: Almqvist & Wiskell, 1965. 526 p.
- [21] *Walbank F. W.* A historical commentary on Polibius. Oxford: Oxford University Press, 1957. 804 p.

REFERENCES

- [1] Andreev JuV. *Dorijskoe zavoevanie. Istoricheskaiya problema v svete archeologii* [Dorian conquest. Historical problem in the light of archeology]. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ.; 2015. 222 p. (in Russ).
- [2] Darvin AL. Dioskury kak mifologicheskii proobraz spartanskoi diarkhii [Dioscuri as a mythological prototype of the Spartan diarchy]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. Sb. statei. Vypusk 5*. [Mnemon. Studies and publications on the history of the ancient world: collected articles. Issue 5]. Ed. by E. D. Frolov. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ. 2006;(5): 375–388. (in Russ).
- [3] Darvin AL. Sfer Borisfenit i reformatorskoe dvizhenie v Sparte (istoriografiya voprosa) [Sphaerus of Borisphen and the reformatory's movement in Sparta (the historiography of the question)]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. Sb. statei. Vypusk 2* [Mnemon. Studies and publications on the history of the ancient world: collected articles. Issue 2]. Ed. by E. D. Frolov. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ. 2003;(2): 171–190. (in Russ).
- [4] Pechatnova LG. *Istoriya Sparty (period arkhaiki i klassiki)* [The history of Sparta (the archaic and the classical period)]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ.; 2001. 510 p. (in Russ).
- [5] Pechatnova LG. *Spartanskije tsari* [Spartan kings]. Moscow: Yauza, Eksmo Publ.; 2007. 352 p. (in Russ).
- [6] Africa Th. *Philarchus and the Spartan revolution*. Berkeley: University Press; 1961. 92 p.
- [7] Baltrusch E. *Sparta. Geschichte, Gesellschaft, Kultur*. München: C. H. Beck; 1998. 128 s.
- [8] Carlier P. *La royauté en Grèce avant Alexandre* (Ouvrage publié avec le concours du Centre National des Lettres). Strasbourg: AECR; 1984. 562 p.
- [9] Cartledge P. Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta: A tale of two cities*. London: Routledge; 2001. 328 p.
- [10] Ehrenberg V. Nabis (1; 2). In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. I. Reihe*. 1935; XVI(Hbbd. 32): 1471–1482.
- [11] Grunauer-von Hoerschelmann S. *Die Münzprägung der Lakedaimonier (Antike Münzen und Geschnittene Steine VII)*. Berlin: Walter de Gruyter; 1978. 229 S.
- [12] Höistad R. *Cynic Hero and Cynic King: Studies in the Cynic Conception of Man*. Uppsala: Carl Bloms; 1948. 234 p.
- [13] Huttner U. *Die politische Rolle der Heraklesgestalt im griechischen Herrschertum*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1997. 385 S.
- [14] Lübker F. *Reallexikon des klassischen Altertums für Gymnasien*. 5. Auflage, hrsg. von Max Erler. Leipzig: Verlag B. G. Teubner; 1877. 1272 S.
- [15] Malkin I. *La mediterranee spartiate. Mythe et territoire*. Paris: Les Belles Lettres; 2004. 395 p.
- [16] Niese B. Zur Verfassungsgeschichte Lakedämons. *Historische Zeitschrift*. 1889;(62): 58–190.
- [17] Parker R. *Spartan religion*. In: Powell A, editor. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 142–172.
- [18] Richer N. *La religion des spartiates. Croyances et cultes dans l'Antiquité*. Paris: Les Belles Lettres; 2012. 806 p.
- [19] Texier JG. *Nabis (Annales littéraires de l'Université de Besançon. Centre de recherches d'histoire ancienne 14)*. Paris: Les Belles Lettres; 1975. 111 p.
- [20] Tigerstedt E. *The Legend of Sparta in classical Antiquity. Vol. 1*. Stockholm: Almqvist & Wiskell; 1965. 526 p.
- [21] Walbank FW. *A historical commentary on Polibius*. Oxford: Oxford University Press; 1957. 804 p.

Origin of Spartan kings from Heracles

A.L. Darwin

Saint-Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

The descent of Spartan kings from Heracles is considered to be the secondary myth interpretation about the “Return of the Heraclidae”. It was associated with Dorian conquest of the Peloponnese in the ancient tradition (Tyrtaeus, Pindar, Herodotus, Isocrates, Ephor). The myth of the “Return of the Heraclidae” is known to be one of the genealogical fiction what was invented in Argos and developed further in Sparta. There was a powerful argument for inheritance the rights of the royal title and performing the functions of the high priest in the community if the person was known as the descendant of Heracles belonging to the royal dynasties (Agiades and Euripontides). Apart from that, the power of Spartan kings outside Sparta could be justified if they were related to Heracles. In addition, this belonging to the descendants of Heraclides was above everything. It was one of the most important propaganda arguments to substantiate the legitimacy of the possession of conquered lands in Laconia and Messenia and provide “pro-Achaean” policy by the authorities of Sparta. However, the image of Heracles and his cult did not have the essential meaning in the religious life of the Spartan polis. The heavenly patrons of the kings were “divine twins” – the Dioscuri (Tindaridae). To conclude, it seems to be very controversial that the philosophical and ethical image of Heracles (as the main cynic hero) had a great influence on the representatives of the royal diarchy of the late classical and hellenistic periods.

Key words: Spartan kings, Heracles, myth the “Return of the Heraclidae”, Tyrtaeus, Pindar, Herodotus, Isocrates, Ephor, Dorian conquest, propaganda argument, “pro-Achaean politics” of Sparta

Информация об авторе / Information about the author

Дарвин Алексей Леонидович – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

Darvin Alexey – postgraduate student, Saint Petersburg State University.

E-mail: darvin.aleksey@yandex.ru

Для цитирования / For citations

Дарвин А.Л. Происхождение спартанских царей от Геракла // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 237–249. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-237-249

Darvin A. L. Origin of Spartan kings from Heracles. RUDN Journal of World History. 2018. 10(3): 237–249. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-237-249

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.02.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-250-260

Краниология и археология восточноманычской катакомбной культуры – перспективы анализа совстречаемости признаков¹

А.А. Казарницкий

Институт истории
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Отдел антропологии
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Н.В. Панасюк

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

Проведено сопоставление опубликованных в последние годы данных краниологии носителей восточноманычской катакомбной культуры (эпоха средней бронзы, Северо-Западный Прикаспий), погребального обряда и состава погребального инвентаря в захоронениях данной культуры и вариаций орнамента одного из ее типичных керамических сосудов (курильниц). Выявлена тенденция более частой встречаемости курильниц в погребениях индивидов с прижизненной искусственной деформацией головы (как мужчин, так и женщин). Других совпадений во встречаемости краниологических и археологических признаков не обнаружено. При сравнении признаков орнаментации курильниц и признаков погребального обряда выявлено параллельное распространение типа орнамента в виде точечных вдавлений на чаше курильницы и увеличение частоты встречаемости в погребениях бронзовых ножей и стержней.

Ключевые слова: восточноманычская катакомбная культура, краниология, погребальный обряд, курильницы

Восточноманычская катакомбная культура (ВМКК) была распространена в степях Северо-Западного Прикаспия в XXV–XXIII вв. до н.э. и на сегодняшний день представлена многими сотнями исследованных археологами по-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №18-09-00309.

гребений из десятков курганных могильников [1]. Погребальный обряд этой культуры исследовался с разных позиций, но одной из актуальных проблем является сопоставление антропологических материалов с данными об инвентарных наборах. Суммарная краниологическая выборка из восточноманьчских катакомбных захоронений насчитывает 110 черепов достаточной для измерений сохранности, которые хранятся в фондах МАЭ РАН (колл. № 6699) либо известны только по краниометрическим бланкам из архива сотрудника отдела антропологии МАЭ РАН А.В. Шевченко (1937–2004), многие годы формировавшего палеоантропологическую коллекцию из памятников эпохи бронзы Восточной Европы.

Индивидуальные измерения черепов ВМКК общедоступны [2]. Также в свободном доступе находится представительная база данных о более чем 600 восточноманьчских катакомбных погребениях, вышедшая как электронное приложение к монографии М.В. Андреевой, посвященной описанию и подробному анализу этой культуры [1]. Благодаря недавнему специальному исследованию одного из наиболее характерных для катакомбных культур типа сосудов сформирована база данных о более чем тысяче керамических курильниц из памятников эпохи средней бронзы Предкавказья, из которых почти половина найдена на территории распространения ВМКК [3].

Поводом для данного сообщения стал вопрос о том, возможно ли по имеющимся в печати данным выявить какие-либо параллели между краниологической изменчивостью носителей ВМКК и вариацией их погребального обряда и/или способов орнамента курильниц.

Серьезной проблемой для анализа стало то, что во всех трех перечисленных публикациях используются перечни памятников, лишь отчасти совпадающие друг с другом. Из-за этого, например, из ста десяти черепов только для сорока двух можно найти информацию о соответствующих им погребениях в базе М.В. Андреевой (двадцать пять мужских и семнадцать женских). Курильницы встречаются в среднем только в каждом четвертом погребении ВМКК, поэтому в базе Н.В. Панасюк можно обнаружить всего двадцать четыре погребения, из которых известны одновременно и курильница, и череп или его измерения (тринадцать мужских и одиннадцать женских; причем в двух мужских погребениях курильницы сохранились настолько плохо, что данные об их орнаменте отсутствуют).

На предварительном этапе сопоставления упомянутых трех источников информации была отмечена более частая встречаемость курильниц в захоронениях, где умершие имели искусственную деформацию мозгового отдела черепа. Прижизненная кольцевая и/или лобно-затылочная деформация головы – одна из ярких особенностей носителей восточноевропейских катакомбных культур эпохи бронзы, и среди носителей ВМКК индивиды с деформированными черепами составляют треть мужской выборки и более двух третей женской. Из 50 мужских черепов без искусственной деформации головы шесть (12%) были обнаружены вместе с курильницами, при этом в серии из 16 де-

формированных мужских черепов случаев наличия курильниц – семь (44%). Из двадцати недеформированных женских черепов вместе с курильницей обнаружен только один (5%), в то время как из двадцати четырех деформированных таких десять (42%). Так как доля деформированных черепов в женской серии больше, чем мужской, то и курильницы в этой выборке встречаются в целом чаще в женских захоронениях. Подобное соотношение выборок индивидов с деформированными черепами и курильниц позволяет по-новому взглянуть на вопрос о роли ритуальной чаши в погребальном обряде ВМКК.

Если анализировать отдельно черепа разного пола с наличием искусственной деформации и отдельно – без нее, то численность итоговых выборок сокращается до нескольких индивидов, отчего сопоставление лишается смысла. Поэтому пока единственным возможным вариантом формирования краниологических выборок представляется объединение как деформированных, так и недеформированных черепов с учетом измерений только лицевого отдела, чтобы исключить очевидное влияние искусственной деформации на морфологию черепа.

Сопоставление краниологических и археологических данных проводилось следующим образом. На первом этапе анализировались отдельно мужская и женская краниологические выборки, сформированные в соответствии с наличием информации об этих же погребениях в базе М.В. Андреевой. Для внутригруппового анализа использовался метод главных компонент. Исходными признаками были выбраны скуловой диаметр, верхняя высота и верхняя ширина лица, средняя ширина лица, высота и ширина носа, высота и ширина левой глазницы, назомаллярный угол, симотические ширина и высота, угол выступления носа.

На втором этапе оценивались различия между погребениями, из которых происходят черепа, с помощью вычисления матрицы расстояний, обратных коэффициентам совместной встречаемости (*percent disagreement distance*) по 60 признакам погребального обряда (основное или впускное погребение, расположение дна входной шахты в материке или насыпи, расположение погребения в центре или одном из секторов кургана, катакомбная или ямная конструкция могилы, вогнутые стенки шахты и камеры, наличие горизонтального плоского дна, ориентировка входа в камеру, ориентировка скелета, поза скелета – скорченная на левом боку или вытянутая на спине, наличие расчлененного скелета, варианты положения рук погребенного, наличие или отсутствие погребального инвентаря). Матрица расстояний преобразовывалась в координаты для двухмерного графика методом многомерного шкалирования по алгоритму Гуттмана. Расстояние между погребениями в пространстве полученного графика интерпретировалось как мера различий между ними.

На третьем этапе аналогичная процедура проводилась с использованием другого набора из двадцати пяти признаков, характеризующих состав погребального инвентаря: наличие курильницы, жаровни, одного, двух и более трех керамических сосудов, типы сосудов, наличие одного или двух бронзовых

ножей, бронзового стержня и других бронзовых орудий, каменных орудий и оружия, костяных орудий и предметов, костей животных, частей или моделей повозок, наличие височных колец, наборных украшений, охры и подстилки.

На четвертом этапе координаты черепов в пространстве первых четырех главных компонент сопоставлялись с координатами погребений на графиках, полученных в результате многомерного шкалирования матриц расстояний по встречаемости признаков погребального обряда и инвентаря. Проводился подсчет коэффициентов корреляций между числовыми рядами координат анализируемых объектов, однако небольшая численность выборок позволяла оценить сходство графиков визуально и без привлечения дополнительных статистических методов.

Те же этапы анализа применялись к мужской и женской сериям, сформированным в соответствии с данными из базы Н.В. Панасюк об изменчивости десяти вариантов элементов орнамента курильниц из погребений ВМКК. Ограниченность выборки не позволяла вводить такие важные признаки, как локальность декоративных традиций и временную изменчивость орнаментальных мотивов.

Сравнение графиков изменчивости краниологических данных с графиками, отражающими степень сходства между погребениями по шестидесяти признакам погребального обряда, по двадцати пяти признакам состава погребального инвентаря и по десяти орнаментальным признакам восточномамычских курильниц позволяет прийти только к одному выводу: об отсутствии какой-либо взаимосвязи между морфологией черепов и археологическими признаками погребений, в которых они были обнаружены.

Дополнительным этапом исследования стал поиск взаимосвязей между изменчивостью признаков орнаментации курильниц и признаков погребального обряда с помощью метода главных компонент. Сопоставление материалов М.В. Андреевой и Н.В. Панасюк позволяет сформировать выборку из 129 курильниц, достаточной для анализа сохранности, описанных по 18 признакам (высота, диаметр, девять вариантов орнамента, включая его отсутствие, и семь зон орнаментации) и происходящих из погребений, о которых известны данные по 38 признакам погребального обряда и 34 признакам состава погребального инвентаря (табл. 1). Большое количество исходных параметров было сокращено за счет исключения признаков с нулевой частотой встречаемости в получившейся выборке и признаков со значительной долей отсутствующих наблюдений.

Цель сокращения количества признаков с нескольких десятков до двух-трех интегративных, обладающих наибольшими дифференцирующими возможностями, ради которой обычно применяется факторный анализ, в данном случае оказалась почти недостижима ввиду хорошо известной специалистам высокой степени гомогенности погребального обряда ВМКК. Каждая из полученных в результате проведенного анализа главных компонент отражает не более 4–5% общей изменчивости, отсутствует резкое снижение информатив-

ности первых нескольких компонент (т.н. «графика каменистой осыпи»). Тем не менее, первые ГК включают в себя несколько взаимоскоррелированных признаков. Следовательно, необходимо найти такие ГК, вариация которых не объясняется только случайностью, то есть на статистически значимом уровне отклоняется от нормального распределения, и отражает комплекс признаков и курильниц, и погребального обряда одновременно.

Таблица 1

Признаки для завершающего этапа анализа методом главных компонент

Признаки курильниц	Признаки погребального обряда	Признаки состава погребального инвентаря
1. Высота курильницы	1. Основное погребение	1. Керамический сосуд
2. Диаметр курильницы	2. Впускное погребение	2. Один керамический сосуд
3. Тип орнамента: нет орнамента	3. Дно входн. шахты в материке	3. Два керамических сосуда
4. Тип орнамента: шнуровой	4. Дно входн. шахты на уровне древнего горизонта	4. Три керамических сосуда
5. Тип орнамента: прочерченный	5. Дно входн. шахты в насыпи	5. Более трех керамических сосудов
6. Тип орнамента: круглый штамп	6. Погребение в центре кургана	6. Тип сосуда: реповидн короткошейный
7. Тип орнамента: спиральный штамп	7. Погребение в сев. секторе кургана	7. Тип сосуда: чугунок короткошейный
8. Тип орнамента: вдавления полый трубочкой	8. Погребение в сев.-вост. секторе кургана	8. Тип сосуда: высокошейный
9. Тип орнамента: точечные вдавления	9. Погребение в вост. секторе кургана	9. Тип сосуда: кувшин или кружка
10. Тип орнамента: треугольный штамп	10. Погребение в юго-вост. секторе кургана	10. Тип сосуда: миска, чашка, банка
11. Тип орнамента: ногтевые вдавления	11. Погребение в южн. секторе кургана	11. Бронзовый нож
12. Зона орнамента-ции: вся чаша	12. Погребение в юго.-зап. секторе кургана	12. Бронзовый стержень
13. Зона орнамента-ции: вся чаша и ножки	13. Погребение в зап. секторе кургана	13. Один бронзовый стержень
14. Зона орнамента-ции: бок чаши, срез венчика	14. Погребение в сев-зап секторе кургана	14. Два-три бронзовых стержня
15. Зона орнамента-ции: бок чаши и ножки, срез венчика	15. Погребение в катакомбе	15. Другие бронзовые орудия

Окончание табл. 1

Признаки курильниц	Признаки погребального обряда	Признаки состава погребального инвентаря
16. Зона орнаментации: поясok по верху	16. Погребение в яме	16. Каменные орудия
17. Зона орнаментации: только срез венчика	17. Вогнутые стенки шахты или ямы	17. Каменные орудия: пест
18. Зона орнаментации: чаша снаружи сбоку	18. Дно горизонтальное и плоское	18. Каменные орудия: просто камень
	19. С ориент-ка входа в камеру	19. Предметы и орудия из кости
	20. СВ ориент-ка входа в камеру	20. Кости животного в сочленениях, “тризна”
	21. В ориент-ка входа в камеру	21. Кости животного в сочленениях, МРС
	22. ЮВ ориент-ка входа в камеру	22. Кости животного в сочленениях, КРС
	23. Ю ориент-ка входа в камеру	23. Часть туши животного: нога/ноги
	24. З ориент-ка входа в камеру	24. Часть туши животного: голова и нога
	25. В ориент-ка скелета	25. Части повозок и их моделей
	26. ЮВ ориент-ка скелета	26. Височные кольца
	27. Ю ориент-ка скелета	27. Наборные украшения
	28. ЮЗ ориент-ка скелета	28. Охра
	29. Индивидуальное погребение.	29. Охра: стопы, голени, колени
	30. Парное погребение	30. Охра: таз, гр. клетка, кости рук
	31. Кенотаф	31. Охра: пятно отдельно от скелета
	32. Положение скелета скорченное на правом боку	32. Охра: кусок (куски) краски
	33. Положение скелета скорченное на левом боку	33. Охра: череп
	34. Скелет расчленен	34. Подстилка
	35. Обе кисти расположены возле бедер и коленей	
	36. Одна рука – вдоль тела, вторая – согнута под прямым углом	
	37. Средняя высота кургана	
	38. Средний диаметр кургана	

Гистограммы координат анализируемых 129 комплексов в главных компонентах проверялись с помощью критерия Шапиро–Уилка на соответствие нормальному распределению, наличие достоверных отличий от которого интерпретировалось как свидетельство того, что такая изменчивость не является

случайной и может быть использована для дифференциации выборки на обрядовые подгруппы. На рис. 1 представлены гистограммы координат в первых шести компонентах. Из них от нормального отличаются распределения в первой, второй и четвертой главных компонентах (ГК) при очень высоком уровне значимости ($p \leq 0,001$).

Гистограммы первой и второй ГК очень асимметричны, что также хорошо заметно и на двухмерном графике (рис. 2а).

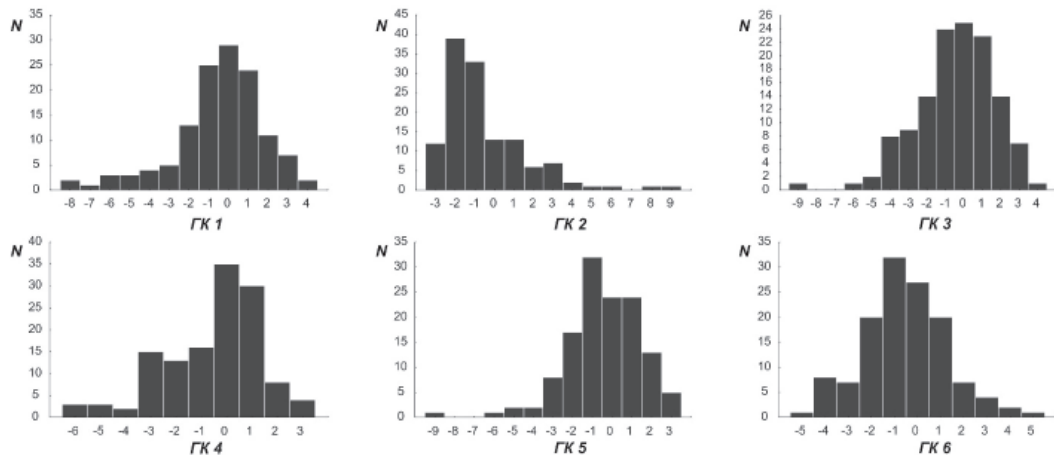

Рис. 1. Гистограммы координат в первых шести главных компонентах (ГК)
Figure 1. Histograms of coordinates in six general components (GC)

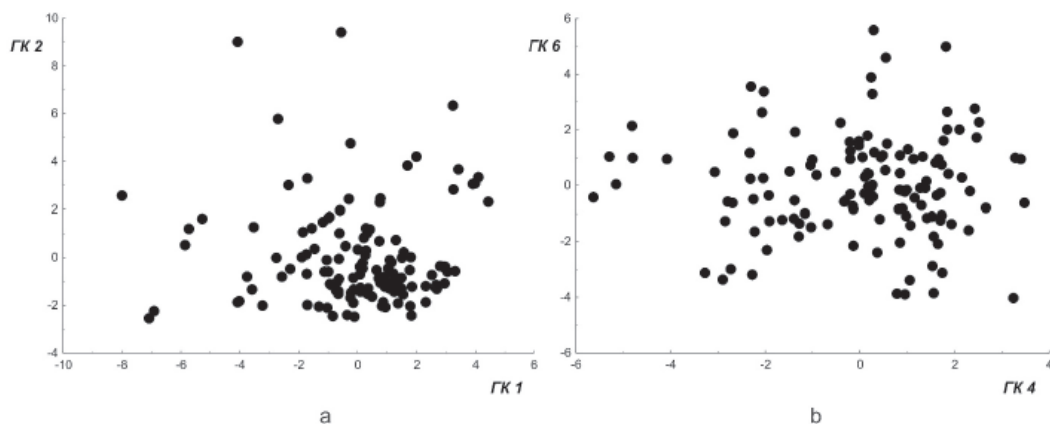

Рис. 2. Расположение анализируемых комплексов в пространстве некоторых ГК
Figure 2. Variation of some analyzed complexes in range of some GC

ГК1 отражает согласованную вариацию таких признаков, как диаметр и высота кургана, наличие охры на осевом скелете и костях рук, наличие наборных украшений, частей повозок и их моделей, ориентировка входа в по-

гребальную камеру и ориентировка скелета. Подобное сочетание признаков вполне логично и объяснимо, так как они отражают очевидную неординарность погребений с указанными чертами.

В ГК2 представлена иная встречаемость признаков: основное/впускное погребение, положение погребения в центре или каком-либо секторе кургана, наличие в погребении костей животных в сочленениях (т.н. «тризны»), в основном костей крупного рогатого скота).

Подавляющее большинство точек, сформировавших плотное скопление в правом нижнем квадранте рис. 2а, представляют собой слабо варьирующие по перечисленным признакам комплексы, в то время как верхнюю часть координатного пространства занимают основные погребения в центре кургана с костями животных, а левый нижний квадрант – погребения в сравнительно более крупных курганах с охрой на осевом скелете и костях рук, наборными украшениями и частями повозок или их моделями, чаще с северной ориентировкой входа в камеру и с восточной ориентировкой скелета.

Асимметричность гистограмм третьей и пятой ГК вызвана единичными выбросами, при исключении которых их распределение теряет значимые отличия от нормального. Начиная с шестой компоненты и далее все гистограммы также не отличаются по форме от нормального распределения. И только для ГК4 характерно как раз искомое сочетание признаков курильниц и погребального обряда вместе с асимметричностью и многовершинностью гистограммы (см. рис. 1). Благодаря этому в пространстве координат четвертой и шестой ГК (рис. 2б) наблюдается не менее трех очевидных скоплений с разной численностью точек. ГК4 объединяет в себе признаки наличия бронзового стержня, бронзового ножа, орнамента на курильнице в виде точечных вдавлений и величину диаметра курильницы, а также частоту встречаемости северо-восточной ориентировки входа в камеру и юго-западной ориентировки скелета.

В правой, наиболее многочисленной подгруппе из девяти комплексов (см. рис. 2б) средний диаметр курильницы – 16,7 см, точечные вдавления встречаются в 1% случаев (при этом довольно распространены круглый (30%) и спиральный (15,6%) штампы), нет погребальных камер, ориентированных входом на северо-восток, и почти нет юго-западных ориентировок скелета (1%), отсутствуют бронзовые стержни, и всего в 6% погребений есть бронзовые ножи.

В центральной подгруппе, почти втрое уступающей по численности предыдущей, диаметр курильниц в среднем 15,8 см, доля точечных вдавлений на их поверхности – 18% (круглых и спиральных штампов 21% и 6% соответственно), 18% погребальных камер ориентированы на северо-восток и столько же скелетов, ориентированных на юго-запад, в 58% погребений есть бронзовые ножи, в 51,5% – бронзовые стержни.

Наконец, в третьей подгруппе – малочисленной, состоящей всего из шести комплексов, расположенных в левой части графика 2б, средний диаметр курильниц – 15,4 см, на каждой третьей из них есть точечные вдавления при

отсутствии каких бы то ни было штампов, треть камер ориентирована на северо-восток, половина скелетов – на юго-запад, в каждом погребении есть бронзовый стержень и в пяти случаях из шести есть бронзовый нож.

Подобное распределение признаков погребального обряда дает возможность наметить направления в выделении обрядовых групп. Показательно, что эти группы в равной степени представлены во всех исследуемых могильниках. На этом основании можно предположить, что данные намечающиеся группы отражают временную динамику погребального обряда.

Разделение на подгруппы довольно условно, учитывая большие различия в их численностях. Например, первую (правую) подгруппу можно разбить еще на несколько, но смысл проделанной процедуры заключается не столько в дроблении общей выборки, сколько в обнаружении тренда в распространении точечных вдавлений на курильницах (при уменьшении частоты встречаемости круглого и спирального штампа) одновременно с увеличением доли погребений, содержащих бронзовые ножи и стержни, а также распространение ориентировок входа камеры на северо-восток и головы погребенного – на юго-запад. Таким образом, использование метода главных компонент предоставляет дополнительные аргументы в пользу полученных ранее выводов о выделении двух этапов существования восточноманычской катакомбной культуры, которые маркируются соответственно курильницами преимущественно с круглым и спиральным штампом, а затем с точечными вдавлениями [З. С. 122].

© Казарницкий А.А., Панасюк Н.В., 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреева М.В. Восточноманычская катакомбная культура. М: Таус, 2014. 271 с.
- [2] Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб: Наука, 2012. 264 с.
- [3] Панасюк Н.В. Курильницы катакомбных культур Предкавказья: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 517 с.

REFERENCES

- [1] Andreeva M.V. *Vostochnomanychskaya katakombnaya kul'tura* [East Manych catacomb culture]. M.: Taus, 2014. 271 p.
- [2] Kazarnizki A.A. *Naselenie azovo-kaspijskih stepej v ehpohe bronzy (anthropological essay)* [Population of Azov and Caspian steppes in the Bronze Age]. SPb.: Nauka, 2012. 264 p.
- [3] Panasyuk N.V. *Kuril'nicy katakombnyh kul'tur Predkavkaz'ya*. Dis. ... k.i.n. [Incense burners of catacomb cultures of Precaucasus. PhD hist. sci. diss.]. M., 2015. 517 p.

Craniology and archeology of the east manych catacomb culture – perspectives of the analysis of the consistency of signs

A.A. Kazarnizki

Chair of Ethnography and Anthropology
Institute of History
Saint Petersburg State University
7–9 University Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

Department of Anthropology
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)
3 University Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

N.V. Panasyuk

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10–2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

This thesis demonstrates results of a comparison of new published craniological data of the East Manych catacomb culture population (Middle Bronze Age, North-Western Caspian region), of the funeral rites and the artifacts' assortments in the burials of this culture and the types of decoration of incense burners – the special ceramic vessel. At least the more frequent appearance of incense burners in burials of individuals with an artificial deformation of the head (both men and women) is detected. Any other combinations of craniological and archaeological features are doubtful. The comparison of incense burners's decoration and attributes funeral rite demonstrates the correlation of point type of décor and more frequent use of bronze knives and piercers.

Keywords: East Manych catacomb culture, craniology, funerary rite, incense burners

Информация об авторах / Information about the authors

Казарницкий Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, кафедры этнографии и антропологии, Институт истории; отдел антропологии, младший научный сотрудник организации.

Kazarnizki Alexey – PhD in History, Associate Professor of Chair of Ethnography and Anthropology in Institute of History, Saint Petersburg State University.

E-mail: kazarnitski@mail.ru

Панасюк Н.В. – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, факультет гуманитарных и социальных наук.

Panasyuk Nathalia – PhD in History, Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: panasyuk_nv@rudn.university

Для цитирования / For citations

Казарницкий А.А., Панасюк Н.В. Краниология и археология восточноманьчской катакомбной культуры – перспективы анализа совстречаемости признаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 250–260. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-250-260

Kazarnizki A.A., Panasyuk N.V. Craniology and archeology of the east manch catacomb culture – perspectives of the analysis of the consistency of signs. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(3): 250–260. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-250-260

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 18.03.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-261-269

Этнокультурные контакты средневекового населения Восточного Приаралья по данным археологических исследований XX века

Е.Б. Барина

Институт этнологии и антропологии РАН
Россия, 119991, Москва, Ленинский проспект, 32А

В статье анализируются материальные доказательства контактов кочевого и оседлого населения Восточного Приаралья в период средневековья, которые известны по письменным источникам. В основу статьи положены материалы археологических исследований, проводимых советскими учеными на территории Восточного Приаралья. Комплексное археологическое исследование памятников Кескен-куюк-кала, Ходжаказган 3, Кыз-Молла, Зангар-кала, Сарлытам-кала, Сайкудук-кала, Асанас, Ходжа-Казган 1, Джан-кала (Дженд), Мурзалы, Кзай, Уйгарак, Иркибай, Кум-кала 2, Мартык, Кос-тобе, Бештам-кала и других в целом подтверждает сведения письменных источников, что на территории Восточного Приаралья сосуществовали две культурных традиции – хорезмийская и кочевническая. Причем последняя является симбиозом огузо-кыпчакских элементов, что четко проявляется при анализе видов, форм и орнаментов сосудов.

Ключевые слова: Восточное Приаралье, огузы, кыпчаки, Хорезм, средневековье

Введение

По письменным источникам достаточно хорошо известно, что с конца VII до конца IX вв. н.э., когда низовья Сырдарьи входили в состав печенежской конфедерации племен, сюда из более южных районов проникают в достаточно значительном количестве огузы или племена, входившие в их объединение. К рубежу IX–X вв. они вытесняют печенегов из Восточного Приаралья и тем самым открывают новый этап в этногенезе племен на данной территории.

В IX веке огузы заняли территории не только вокруг Аральского моря, но также земли от Каспийского моря на западе до Исфиджаба на востоке, от реки Ишим на севере до оазисов Средней Азии на юге. В XI веке огузы в основном уходят с территорий Восточного Приаралья.

Эта крупная миграция связана с кыпчакским движением. Заняв место покоренных огузов в низовьях Сырдарьи, кыпчаки непосредственно приблизились и вошли в контакт с крупнейшим среднеазиатским государством хорезмшахов.

Контакты эти были крайне противоречивы. С одной стороны, хорезмшахи приглашали кыпчакских воинов в свое войско, но, с другой стороны, ведя войны за расширение границ своего государства, они постоянно сталкивались с могуществом кыпчакских племен и пытались его подорвать путем оккупации зимних пастбищ кыпчаков в районе Дженда и Сыгнака.

В середине XII века они покорили все территории Восточного Приаралья, населенные кыпчаками, захватили крупные города во главе с Джендом и основали в этом районе ряд своих колоний. Но уже в 1219 году на эти земли вступили монгольские орды. А в середине XIII века, когда образовалось новое монгольское государство с центром на Волге, территория Восточного Приаралья оказалась под властью монгольских ханов.

Методы, материалы и обсуждение

Комплексное археологическое исследование территории Восточного Приаралья в целом подтверждает эти сведения.

Средневековые памятники Восточного Приаралья включают поселения городского и сельского типов. Хронологически они делятся на две группы: IX–XI вв., XII–XIV вв.

Первая группа поселений относится к периоду жизни на этих территориях огузов, вторая – ко времени прихода кыпчакских племен.

Поселения первой группы располагаются в двух не связанных между собой областях Восточного Приаралья. Памятники одной из них – северной (янгикиентской) подгруппы находятся к югу от устья Сырдарьи, памятники второй подгруппы – южной (инкардарьинской) размещались в верховьях Жаныдарьи и Инкардарьи.

К янгикиентской подгруппе памятников относятся два городища – Кескенкуюк-кала и Джанкент.

Для первого памятника характерны неправильные внешние очертания, он окружен стеной из сырцового кирпича, в северной части находилась цитадель. Застройка цитадели отличалась нерегулярностью. Ее восточную часть пересекала косая улица. От нее в разные стороны отходили небольшие кривые улочки и переулки. Культурный слой содержит большое количество костей животных (баранов, лошадей, верблюдов) и фрагментов керамики. Наряду с более ранними находились гончарные изделия X–XI вв., как поливные, так и неполивные.

Второй памятник Джанкент, известный по средневековым источникам, отождествляется В.В. Бартольдом с Янгикиентом – столичным городом огузских ябгу [1. С. 228]. В основе памятника лежит правильная геометрическая фигура – прямоугольник с абсолютно прямыми сторонами. Городище окружала оборонительная стена с башнями. В основании она сложена из квадратных сырцовых кирпичей, сходных по размерам с античными кирпичами Хорезма (40x40x9 см). Над этой кирпичной кладкой лежала пахса, ряды которой чере-

довались с камышовыми прослойками. Примыкавшие к стенам башни были округлой формы, шириной 3 м. Вход расположен в середине восточной стены. Перед ним стояло предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены с воротами, направленными перпендикулярно стене. Аналогичные предвратные сооружения встречаются во многих городах Хорезма. Они рассчитаны на обстрел врывающегося в город врага со стороны правого, незащищенного щитом бока. За крепостной стеной, с внешней ее стороны, находился широкий ров, входивший в оборонительную систему города и составлявший второй пояс обороны. Северо-западный угол городища занимала квадратная цитадель, размером 100x100 м. Цитадель и город имели сходную планировку – несколько пересекавшихся под прямым углом улиц делили их на крупные дома-массивы.

В.В. Бартольд считает, что Янгикент был основан хорезмийцами-мусульманами [2. С. 240–241]. Возможно, этот город был их колонией. На это указывает сходство в строительных материалах и архитектуре. Именно этим может объясняться резкое отличие планировки этого памятника от Кескен-Куюк-калы и памятников инкардарьинской подгруппы.

Вторая подгруппа огузских памятников IX–XI вв. – инкардарьинская – не только многочисленнее, но и разнообразнее по своему составу: она включает сельские поселения типа укрепленных усадеб и городища.

Сельские поселения, входившие в эту группу по своей топографии, довольно однородны. Все они состоят из большой квадратной постройки и обширного двора, обнесенного глинобитной оградой. Во дворе, помимо основной жилой усадьбы, находилось еще несколько небольших строений и, по-видимому, стояли юрты. Все постройки жались к внешней ограде, оставляя большую часть двора свободной. Ее использовали для загона скота.

Наиболее значительным из таких поселений является усадьба Ходжа-казган 3. Гончарные изделия, поднятые здесь, были в большинстве лепные. Некоторые сближались по отдельным чертам с поздней джетыясарской керамикой. Но в целом они представляют собой группу изделий с присущими им специфическими чертами – некоторой грубоватостью выделки, шероховатой поверхностью из-за присутствия в глине крупных примесей и своеобразным орнаментом в виде налепных полос с частыми пальцевыми вдавлениями.

Сосудов ремесленного изготовления на памятнике мало. Это обломки серых кувшинов с высокой, округлого сечения ручкой, т.е. типа, получившего широкое распространение в Хорезме в XII–XIII вв. [3. С. 304]. Присутствие этих изделий на огузских поселениях IX–XI вв. позволило С.П. Толстову высказать предположение, что они на Сырдарье древнее, чем в Хорезме, и попали в Хорезм вместе с проникновением туда в XI веке огузов [4. С. 281]. Форма сосудов была заимствована местными ремесленниками у соседних степных племен [5].

Из предметов украшения на Ходжа-казгане 3 были встречены лазуритовые подвески, находящие себе аналогии в материалах кочевнических погреб-

бений Западной Сибири [6] и южно-русских степей [7. С. 132], где они датируются X–XI вв.

Другие усадьбы инкардарьинский группы: поиск 15, 1960 г., поиск 17, 1960 г., Кыз-Молла, схожи по планировкам и находкам с усадьбой Ходжа-Казган 3. Единственным отличием является форма усадебных дворов, которая могла быть четырехугольной, круглой или овальной.

Входящие в инкардарьинскую группу огузских памятников городища размещаются не только на Инкардарье, но и на Жаныдарье. Таких городищ известно шесть: Зангар-кала, Сарлытам-кала, Сайкудук-кала, Асанас, Ходжа-Казган 1 и Джан-кала. Два последних городища существовали дольше всех: Ходжа-Казган 1 до XIV в., а Джан-кала был обитаем еще при каракалпаках.

Топография этих городов схожа. В них есть цитадель, расположенная в пределах города, обнесенного стеной, и, тоже защищенный стеной, пригород. Поэтому нет смысла рассматривать все памятники. Обратим внимание лишь на Асанас и Дженд – наиболее интересные из городищ этой подгруппы тем, что упоминались в сочинениях средневековых авторов.

Городище Асанас расположено к югу от Кзыл-Орды, у края прилегающей к Сырдарье современной культурной полосы. Оно было отождествлено В.А. Каллауром со средневековым городом Ашнас (Асанас или Эшнас) [8. С. 14], который, по сведениям Джувейни, был захвачен вместе с другими городами отрядами Джучи при его следовании из Сыгнака в Дженд [4. С. 282]. Собранный с этого городища подъемный материал свидетельствует, что этот город был основан не согдийскими купцами, как предполагалось ранее, а местными полусоседными огузскими племенами [5. С. 89].

Городище Джан-кала было отождествлено С.П. Толстовым [9. С. 60–61] со средневековым городом Джендом. В XI в. он выдвинулся среди прочих, но особенно большое значение приобрел в XII–XIII вв. В это время даже Аральское море стали называть Джендским. К сожалению, на Джан-кале не сохранилась ее первоначальная планировка.

Предметы, найденные на поселениях и городищах, позволяют охарактеризовать хозяйство и материальную культуру средневекового населения Восточного Приаралья и дают некоторые указания на его этнический состав.

Основным материалом для изучения являются гончарные изделия. Керамика IX–XI вв. сменяет ранее бытовавшую на этой территории джетыясарскую и четко отличается от нее как по внешнему облику, составу теста, из которого ее изготавливали, так и по форме и орнаментации. Вместе с тем она сохраняет еще некоторые черты, характерные для гончарных изделий предшествующего времени, таких как: затертость поверхности, наличие манжетовидного, хотя и несколько иначе выглядящего, венчика; раскидистость краев сосудов; определенное сходство в формах. Все это позволяет видеть в керамике этого периода последующую ступень в развитии местной сырдарьинской культуры. Это значит, что, несмотря на то, что к началу X века огузские племена вытесняют из Восточного Приаралья печенежские, значительная часть

местного населения осталась в этих районах, ассимилировавшись с пришлыми племенами. Это же подтверждает и анализ планировки раннесредневековых огузских городищ, которая во многом сходна с планировкой «болотных городищ», относящихся к третьему этапу джетыясарской культуры и принадлежавших печенегам.

В XII в. происходят существенные изменения в типе сельских поселений, когда на смену отдельным усадьбам предыдущего периода приходят открытые поселения, состоящие из большого количества домов, принадлежавших рядовому сельскому поселению, и одного более крупного, где жил владелец этого поселения. Это может быть связано с изменением этнической ситуации на территории Восточного Приаралья.

Из письменных источников известно, что в XI веке на смену державе огузских ябгу в эти земли пришли кыпчакские племена, вытеснившие основное огузское население (конечно, часть огузов ассимилировалась с кыпчаками, передав им элементы своей культуры). А уже в XII в. эти районы были завоеваны Хорезмшахами и колонизированы.

Из памятников XII – начала XIII века лучше других сохранились поселения Мурзалы, Кзай и точка 493. Они закончили свое существование с приходом монгол. Однако большое количество поселений продолжало существовать вплоть до XIV в. Среди них Уйгарак, Иркибай, Кум-кала 2, Мартык, Кос-тобе и другие. Кроме сельских поселений к этому периоду относятся городища Бештам-кала, Джан-кала, Кум-кала, Асанас, которые так же остались обитаемыми и в последующее время.

Мы ограничимся исследованием лишь нескольких памятников: поселений Мурзалы, Уйгарак, Иркибай и городища Джан-кала, расположенных на р. Жаныдарье. Первые результаты археологических исследований этих памятников были опубликованы в сборнике «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг.» [5].

Поселение Мурзалы находится вблизи сухого русла Арсы-бай, превращенного в канал, в 19 км к северо-востоку от колодцев Мурзалы, по которым оно и было названо. Поселение Уйгарак расположено в 6 км к югу от бугра Уйгарак. Иркибай расположен в 13 км от Чирик-Рабата и в 6 км к юго-востоку от колодца Иркибай.

Как уже говорилось выше, обводнение р. Жаныдарьи в XII–XV вв. стимулировало активное освоение прибрежных территорий и возникновение здесь множества поселений, например, Мурзалы, Уйгарак и Иркибай, которые были основаны в XII веке – в эпоху Великих Хорезмшахов. С.П. Толстов датировал эти памятники, исследовав не только архитектурные и топографические особенности, но и керамический, вещевой и монетный материал этих поселений [5. С. 77–89].

Поселение Мурзалы имеет общую площадь памятника около 700х600 м. В южной части поселения застройка сплошная, состоящая из главного, вытянутого вдоль канала жилого массива, площадью 70–50 м. В северной части,

ограниченной с севера большой песчаной грядой, расположено и несколько отдельных усадеб, состоящих из основного здания и расположенной рядом каптар-ханы (1). Главный жилой комплекс носит следы внутренней планировки. В 200–250 м к востоку от основного жилого массива обнаружены поля. В 1972 году на поселении Мурзалы были раскопаны два дома и заложено несколько траншей.

Найденный на поселении керамический материал делится на две основные группы: поливная и неполивная керамика, сходная с хорезмийской, и другая – грубая лепная варварская посуда. По мнению А.И. Тереножкина, изготовление керамики ручным способом прекратилось в Хорезме в VIII–X вв. [11].

Поселение Уйгарак расположено на большом канале, подходящим к нему с запада. Общая площадь поселения 500x400 м. Прослеживаются остатки нескольких крупных строений, поднимающихся над современной поверхностью на 1,5–2 м. Дома составляли сплошную тесную и беспорядочную застройку. Рядом с поселением остались следы орошаемых полей, на которых видны остатки полуоседлого типа, состоящих из юрт, полуземлянок и небольших хозяйственных построек. По предположению С.П. Толстова, жилые комплексы Уйгарака и окрестностей принадлежат населению разного этнического происхождения. «Вероятнее всего, что население городка было хорезмийским, а полуоседлые скотоводы-земледельцы – основные обитатели его окрестностей – были огузами» [4. С. 284]. Однако он не исключал, что вместе с огузами здесь могли присутствовать и печенежские племена [5. С. 84–85]. Свое предположение он основывает на двух факторах: во-первых, в комплексе керамики, в основном хорезмийской, значительную часть составляют изделия грубой ручной лепки с рельефным и наклепным узором, а также гончарные изделия, близкие по своему облику посуде южного Казахстана и Средней Сырдарьи. Во-вторых, географически Уйгарак находится всего в 150 км от Дженда, который до XI в. играл важную роль в жизни огузов, а затем – кыпчаков.

Поселение Иркибай, площадью 500x300 м, состоит из отдельных построек и усадеб (всего около 30 домов), расположенных вдоль большого арыка. Стены зданий сложены из квадратного сырцового кирпича 27x27x9 см и сохранились на высоту 1–1,2 м. Кое-где сохранились следы оград, окружающих усадьбы. Лучше других сохранились три усадьбы в центральной части поселения. Здесь различимы следы внутренней планировки. На поселении были найдены изделия из золота, бусы, монеты, но самым распространенным был керамический материал. Найденные сосуды относятся как к хорезмшахскому и золотоордынскому, так и варварско-кочевническому типам.

Городище Джан-кала (средневековый Дженд) находится примерно в 100 км к югу от станции Джусалы, в 4-х км от русла Жаныдарьи. Развалины, сохранившиеся на территории городища, разновременные. Большая часть сохранившихся остатков относится ко времени освоения города каракалпа-

ками. В комплекс поздних укреплений включены развалины средневекового здания, площадью 20х30 м, построенного из обожженного кирпича размером 28х28х4,5 см. Средневековые же постройки примыкают главным образом к большому каналу, пересекающему центральную часть городища, и представляют собой или большие бугры, усеянные керамикой, или основания стен из жженого кирпича.

Керамика городища относится к нескольким историческим периодам. Прежде всего это сосуды, характерные для Хорезма XIII–XIV вв. (кувшины серого обжига с ручкой округлого сечения, узкогорлые кувшины с плечами, украшенными орнаментом, и поливные кашинные изделия разных видов). Кроме известных в Хорезме типов керамики обнаружены изделия, аналогичные найденным на поселениях Мурзалы, Иркибай и Уйгарак (поливные открытые чаши с глазурированной облицовкой на красноватой поверхности – «красноангобированные», иногда украшенные росписью). Этот тип керамики характерен для кыпчакских изделий Южного Казахстана и датируется XII веком.

Заключение

Таким образом, керамический материал с памятников второй хронологической группы можно четко разделить на два вида: хорезмийскую и грубую ручной лепки – кочевническую. Это подтверждает то, что начиная с XII века на территории Восточного Приаралья сосуществовали две культурных традиции – хорезмийская и кочевническая. Причем последняя является симбиозом огузо-кыпчакских элементов, что четко проявляется при анализе видов, форм и орнаментов сосудов.

Наряду с керамикой, схожей с огузской IX–XI вв., большое количество сосудов и других изделий (лазуритовые бусины), которые находят аналогии на памятниках Южного Казахстана и принадлежат кыпчакам.

© Баринава Е.Б., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) С.П. Толстов считал каптар-хану (буквально – дом голубей) одним из характерных сооружений хорезмшахского времени [10. С. 159. Рис. 96].

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. Т. III. М.: Восточная литература, 1965. 711 с.
- [2] Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Восточная литература, 1963. 1024 с.

- [3] Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (XI–XVII вв.) // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М.: Наука, 1959. С. 261–342.
- [4] Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: ИВЛ, 1962. 321 с.
- [5] Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. 1. Вып. 6. М.: Изд-во АН СССР. 1963. 276 с.
- [6] Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Т. 98. ТГПУ. Томск, 1947. 310 с.
- [7] Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. № 4. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 1962. С. 127–134.
- [8] Каллаур В.А. Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 г. // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Протокол № 11 от 7.II.1900 г. 1900., Ташкент. С. 14–15.
- [9] Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948 г. 328 с.
- [10] Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948.440 с. URL: http://static.iea.ras.ru/books/Tolstov_Drevny_Horezm.pdf.
- [11] Тереножкин А.И. О древнем гончарстве в Хорезме // Изв. УзФАН. № 6. Ташкент, 1940.

REFERENCES

- [1] Bartol'd V.V. K istorii orosheniya Turkestana // Sochineniya. T. III. М.: Vostochnaya literatura, 1965. 711 s.
- [2] Bartol'd V.V. Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana // Sochineniya. T. II. CH. 1. М.: Vostochnaya literatura, 1963. 1024 s.
- [3] Vakturskaya N.N. Khronologicheskaya klassifikatsiya srednevekovoy keramiki Khorezma (XI–XVII vv.) // Trudy khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. IV. М.: Nauka, 1959. S. 261–342.
- [4] Tolstov S.P. Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. М.: IVL, 1962. 321 s.
- [5] Polevyye issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg. T. 1. Vyp. 6. М.: Izd-vo AN SSSR. 1963. 276 s.
- [6] Basandayka. Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybyshev. T. 98. TGPU. Tomsk, 1947. 310 s.
- [7] Makarova T.I. Ukrasheniya i amulety iz lazurita u kochevnikov X–XI vv. // Arkheologicheskii sbornik Gos. Ermitazh. № 4. L. : Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha. 1962. S. 127–134.
- [8] Kallaur V.A. Drevniye goroda Saganak (Sunak), Ashnas ili Eshnas (Asanas) v Perovskom uyezde, razrushennyye Chingiz-khanom v 1219 g. // Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii. Protokol № 11 ot 7.II.1900 g. 1900., Tashkent. S. 14–15.
- [9] Tolstov S.P. Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948 g. 328 s.
- [10] Tolstov S.P. Drevniy Khorezm: Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya. М.: MGU, 1948.440 s. URL: http://static.iea.ras.ru/books/Tolstov_Drevny_Horezm.pdf.

- [11] Terenozhkin A.I. O drevnem goncharstve v Khorezme // Izv. UzFAN. № 6. Tashkent, 1940.

Ethnocultural contacts of the medieval population of the Eastern Aral Sea region on the data of archaeological research of the XX century

E.B. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
32A Leninsky Ave., Moscow, 119991, Russia

The article analyzes material evidence of contacts of the nomadic and sedentary population of the Eastern Aral Sea region during the Middle Ages, which are known from written sources. The article is based on materials of archaeological research presented by Soviet scientists in the territory of the Eastern Aral Sea region. Comprehensive archaeological research of the monuments of Kesken-kujuk-kala, Khodja-kazgan 3, Kyz-Molla, Zangarkala, Sarlitam-kala, Saikuduk-kala, Asanas, Khoja-Kazgan 1, Jan-kala (Jend), Murzaly, Kzay, Uigarak, Irkibay, Kum-kala 2, Martyk, Kos-tobe, Beshtam-kala and others on the whole confirms the information of written sources that two cultural traditions coexisted on the territory of the Eastern Aral region – sedentary and nomadic. The nomadic tradition is a symbiosis of Oguzo-Kypchak elements, which is clearly manifested in the analysis of species, forms and ornaments of vessels.

Key words: Eastern Aral Sea region, Oghuz, Kypchak, Khorezm, Middle Ages

Информация об авторе / Information about the author

Баринаева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва.

Elena Barinova – Ph.D.(in History), Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences.

E-mail: BarinovaElena@rambler.ru.

Для цитирования / For citations

Баринаева Е.Б. Этнокультурные контакты средневекового населения Восточного Приаралья по данным археологических исследований XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 261–269. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-261-269

Barinova E.B. Ethnocultural contacts of the medieval population of the Eastern Aral Sea region on the data of archaeological research of the XX century. RUDN Journal of World History. 2018. 10(3): 261–269. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-261-269

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 09.05.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281

Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии

Б.У. Китинов

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

Слово «калмак» присутствует в целом ряде средневековых мусульманских источников. В исследованиях специалистов оно понимается как показатель развития или сепаратизма («кусок», «отсталый»), или религиозной ориентации (не мусульмане) ойратов либо некоего кочевого народа. Для выявления происхождения и развития значения этого слова полагаем важным привлечь данные из ряда авторитетных источников; например, согласно «Тарих-и Рашиди» Калмак – это территория Западной и Юго-Западной Монголии, жители которой звались, соответственно, калмаками и в основном не были мусульманами. В условиях борьбы различных течений ислама в процессе исламизации улусов Джучи и Чагатая это слово получило широкую трактовку и стало определением всех тех, кто остался язычником или буддистом, а поскольку такие «отказники» были во всех государствах чингисидов, то источники фиксировали присутствие калмаков едва ли не повсеместно. Кроме того, историческая традиция соотносит с калмаками буддистов ойратов, однако изначально ойраты не имели к первым никакого отношения, и лишь с их продвижением в эпоху Чингисхана на названные территории (Калмак) это слово было перенесено на ойратов уже как этноним. Ойраты становились буддистами с конца XIV – начала XV вв., чему способствовали политические, экономические, идеологические и иные причины. Изучение источников показывает, что слово «калмак» прежде имело смыслом название региона, народы которого были известны как немусульмане, в связи с чем приобрело религиозный контекст и по этой причине окончательно закрепилось за ойратами.

Ключевые слова: калмак, ойрат, ислам, буддизм, чингисиды

Введение

В исторической науке, изучающей кочевников Средней Азии, традиционно уделяется должное внимание исследованию достаточно запутанных вопросов об этно-религиозной принадлежности калмаков и переноса на ойратов (известных также как западные монголы) этнонима «калмык» (калмак).

В свое время В.В. Бартольд писал, что «это слово выводится (вероятно, только народной этимологией) из глагола калмак “оставаться”; оно будто бы обозначает “оставшихся” язычниками ойратов в противоположность “вернув-

шимся” (глагол донмек) вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (мусульманам, говорящим по-китайски)» [3. С. 538]. Его поддерживал такой известный калмыцкий ученый, как Ц.Д. Номинханов, отмечавший, что тюрки стали звать ойратов ««калмаками” только потому, что ойрат-монголы не приняли ислам, а остались шаманистами, или буддистами», и приводил в пример уйгуров: «Характерно, что те уйгуры, которые остались верными своей старой религии буддизму, получили прозвище “калганлар” (инфинитив: калмак), то есть оставшиеся, а другие уйгуры, которые последовали религии ислама, получили кличку “янганлар”, то есть вернувшиеся (к “справедливой вере”))» [14. С. 100]. Авторитетный калмыцкий историк У.Э. Эрдниев считал, что слово «калмык» имело значение «остаться», «отстать», «кусочек» и использовалось в качестве обозначения ойратов, «отошедших» от монгольского мира [21. С. 90].

По мнению В.П. Санчирова, калмаками «именуются в среднеазиатских персо- и тюркоязычных сочинениях средневековых авторов ойраты, которые были в то время язычниками-шаманистами» [7. С. 206]. Также современные калмыцкие ученые отмечают, что «сам этноним “калмык” (от тюрк. калмак) был заимствован русскими у тюркоязычных народов. Так соседи ойратов – сибирские татары, ногайцы, казахи, уйгуры, киргизы и др. – издавна называли западных монголов (ойратов)» [7. С. 12]. Ряд публикаций этой теме, с использованием большого массива источников, посвятил И.И. Дрёмов [5, 6], считающий, что существовал некий особый народ калмаков, который «появился» в Средней Азии не позднее второй половины XIV в. [6. С. 113, 116]. При этом он определяет этимологию слова исходя из значения «отсталый», как его, по мнению И.И. Дремова, понимали современники, и отрицает в нем религиозный контекст.

В настоящей статье автор, в целом соглашаясь с утверждением, что слово «калмак» изначально не было связано с ойратами, предлагает свое видение причин появления этого этнонима и определяет религиозный фактор как основной для его использования (в этнографическом смысле), что в последующем обусловило его перенос именно на западных монголов.

Методы и материалы

Целый ряд сочинений мусульманских авторов XV в. уже содержит в своем составе термин «калмак» в обозначении особой этнической группы: «Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина Йезди, закончена в 1424/1425 г.; «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей» Абд ар-Раззака Самарканди, закончено около 1475 г.; анонимное «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков»), составленное не ранее середины XV в. [16. С. 201, 207]. Это слово могло использоваться как этнографический термин уже в XIV в. В середине того века улус Чагатай после убийства Казан-хана (прав. 1343–1346) распался на две части: западную (Мавераннахр, часть Вос-

точного Хорасана, Афганистан) и восточную (часть улуса Чагатай к востоку от Мавераннахра), последняя известна также как Могулистан. Что касается улуса Джучи (Золотая Орда), то он в рассматриваемое время, в целом, оставался крепким государственным образованием.

Необходимо уделить должное внимание роли религиозного фактора у этих кочевников в данный период. Подданные чагатаидов и джучиидов следовали и буддизму, и исламу, были среди них и язычники, но серьезных межрелигиозных трений источники не зафиксировали. Например, правитель Дешт-и-Кипчака джучиид Токтагай (Тохта, прав. 1291–1313), по свидетельству Эльбирзали (1265–1340) «был неверным (державшимся) религии поклонения идолам, любил уйгуров, т.е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет. Он был правосуден и расположен к людям добра всякаго вероисповедания, но более других уважал мусульман» [17. С. 174]. Ситуация изменилась после смерти Токтагай, когда у власти оказался его племянник, известный Узбек-хан (прав. 1313–1341), при котором ислам стал единственной религией Золотой Орды. К периоду его правления относится наиболее раннее на сегодняшний день упоминание о калмаках как немусульманах:

«Когда Султан-Мухаммед Узбек-хан вместе со своим илем и улусом достиг счастья (удостоиться) милости бога, то по указанию таинственному и знаку несомненному, святой Сейид-Ата всех их привел в сторону областей Мавераннахра, а те несчастные, которые отказались от преданности святому Сейид-Ата и остались там, стали называться калмак, что значит “обреченный оставаться”. А когда каждого из тех людей, которые вместе со святым Сейид-Ата и Султан-Мухаммед-Узбек-ханом выступили в поход и шли (в Мавераннахр), спрашивали кто эти идущие, то они избирали (для ответа) имя предводителя и царя своего, которое было Узбек. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками, а люди, которые остались там – калмаками» [16. С. 206–207].

В отличие от джучиидов чагатаиды не проявляли рвения к исламу, и даже оказывали определенную поддержку буддизму – например, в 1339 г. чагатаидский правитель Есун Тимур (прав. 1336–1342) издал указ о защите буддийского монастыря йогачаров [22. Р. 189]. При Туглук Тимуре (прав. 1348–1363) отдельные этносы Могулистана продолжали оставаться приверженцами язычества и, вероятно, буддизма. Согласно краткой биографии Туглук Тимура он рос среди калмаков, в 16 лет его привезли в Могулистан, где спустя два года стал ханом (около 1248 г.) [18. С. 38]. Мной уже был опубликован материал, где отмечалось, что здесь под калмаками подразумевались ойраты [10. С. 376–377]. Уже в те годы ойраты придерживались, в той или иной степени, буддизма, поскольку Туглук Тимур проявлял интерес к этой религии. Так, согласно тибетским источникам, Четвертый черношапочный Кармапа Ролпе Дорджэ (Rol pa'i rdo rje, 1340–1383) в 1363 г. получил приглашение от «правителя То-хора... чагатаидского монгола Тоглак Темура» [25. Р. 147], но отказался посетить Могулистан, поскольку годами ранее тот принял ислам.

Другие косвенные свидетельства о роли буддизма у народов Центральной Азии в рассматриваемый период можно обнаружить, изучая внешнюю политику династии Мин. При новом правителе Минской династии Чжу-ди (прав. 1402–1424, девиз правления Юнлэ) Китай стал активно интересоваться и соседями, и дальними странами. В источниках отмечается, что император решил послать миссию к известному тибетскому ламе Пятому черношапочному Кармапе Дешин Шегпа (*De bzhin gshegs pa*, 1384–1415) в 1403 г. [19. С. 86–87; см. также: 8. С. 113–115], после того, как «был наслышан о его сверхъестественной практике Пути, когда тот бывал во дворах центрально-азиатских правителей» [24. Р. 75], под кем подразумевались, скорее всего, тюрки.

Исследование проблемы

Ойраты были представлены во всех чингисидских улусах, в их (ойратов) состав могли входить отдельные тюркские народы (роды), что, конечно, сказалось на известном проникновении к ним ислама; возможно, некоторая часть ойратов, например, отдельные деятели среди чоросов, имевших тюркское происхождение, стали (были) мусульманами. Даже имя одного из глав ойратов начала XV в. – Махаму (Махмуд) – свидетельствует об определенном присутствии ислама среди элиты ойратов.

Окончательный поворот ойратов к буддизму случился, вероятно, около конца XIV – начала XV вв. и был связан с целым рядом причин: политических, экономических, идеологических. К первым следует отнести начавшееся формирование государственных образований как у ойратов (основное местожительство – Западная Монголия), так и у соседних кочевых народов, когда на политическое самоопределение мог повлиять особый идеологический фактор – чингисидство: ойраты не были связаны происхождением с «золотым родом», но оказались окружены народами (монголами и тюрками), которые возглавлялись чингисидами. В условиях сложных региональных политических процессов ойратам следовало найти иную сильную идейную основу, которую смог предоставить буддизм; к слову, ойраты в Персии в подобной ситуации обратились к исламу [9]. Также свою роль в «буддизации» ойратов сыграли экономические причины, в основном связанные с разрешением Минской династии начать с ней торговлю лошадьми. Последнее особенно выделяется Й. Элверскогом, указывающим, что именно такой поворот в сфере экономики повлиял на отказ ойратов от ислама и восприятие буддизма, поскольку «быть мусульманином было, вроде, помехой в делах с Китаем в то время» [22. Р. 197]. На наш взгляд, данное утверждение несколько категорично, поскольку именно мусульманские купцы еще со времен Чингисхана, а то и ранее, вели посредническую торговлю между кочевниками и Китаем. Также сложно согласиться с иным утверждением Й. Элверскога, что «ойраты – одна из немногих наций в истории ислама, кто отказался от этой веры. Буддийская конвертация ойратов-мусульман, кажется, была бескровным событием» [ibid.]. Он не приводит

сведений, подтверждающих это предположение, но считал маловероятным, что ойраты до правления известного хана Эсена (сер. XV в.) были буддистами; между тем имеющиеся источники позволяют заключить, что среди них было немало язычников, а буддизм был представлен в их среде еще со времен Чингисхана и его первых преемников [11. С. 66, 73; 10. С. 377; 7. С. 241].

Кроме экономической, следует выделить также и идейную сторону конвертации ойратской знати и народа в буддизм – это стремление Эсена к власти над Монголией. Не будучи чингисидом, он решил опереться в своих притязаниях на буддизм, а именно – восстановить значимость этой религии до уровня, который был при Хубилае: хан как ответственный за светские дела, а лама – как отвечающий за духовную сферу.

К упомянутым политическим, экономическим и религиозно-идеологическим причинам поворота к буддизму можно указать и на такой специфический, как этнический: присоединении к ойратам этносов торгутов и хошутов [11. С. 88–89], а также на продолжавшийся процесс увеличения доли монгольского этнического субстрата в их составе.

В русских документах ойраты назывались «калмыками», «калмаками», «колмаками», а также по собственно родовым названиям: дербеты, торгуты, хошуты и др. [12; 13. С. 7]. При этом калмыки могли определяться как «белые», «черные», «зенгорские», «волжские» и др. В. Бакунин отмечал: «примечания достойно, что хошоуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками и доныне не называют, а называют... ойрот. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку». [2. С. 22]. Из всех ойратов только те, кто поселился в России, восприняли это слово как этноним, тогда как остальные западные монголы себя таковыми, как правило, не называли; тем не менее, как отмечалось выше, их так именовали соседи-мусульмане, от кого это слово и перешло к русским.

По мнению И.И. Дремова, ойраты стали известны как калмыки после того, как среднеазиатские народы в XV в. (а позже и русские в Сибири) столкнулись с ойратским союзом [6. С. 116]. В.П. Санчилов считает: «термин “калмак” утвердился за ойратами, лишь начиная с первой половины XV в., т. е. с того самого времени, к которому относятся первые упоминания во вторжении ойратов на территорию мусульманских государств Средней Азии и Восточного Туркестана, в первую очередь Могулистана» [15. С. 12]. Действительно, с XV в. это слово (со временем в варианте «калмык») прочно закрепляется за ойратами.

Калмыки (ойраты) как Йаджудж (Йаджудж и Маджудж соответствуют библейским Гогу и Магогу) упоминаются в сочинении османского автора Сейфи в отношении событий второй половины XVI в. [15. С. 21]. По мнению западных исследователей, в XVII в. мусульмане называли калмыков-буддистов как маджус/маги (majus/magi) (зороастрийцы) или даже тарса (tarsa) (христиане), поскольку они испытывали нехватку слов для обозначения буддистов [23.

Р. 286. Note 17]. «Более того, в одной мусульманской работе конца XIX века ...определение калмак, часто используемое для описания всех монголо-говорящих людей в исламских и русских источниках, также воспринималась как религиозная категория, включающая в себя всех тибетских буддистов, включая и монголов (ойратов, джунгар, моголов) и тибетцев (Tibet Qalmūqlarī)» [27. Р. 349].

На наш взгляд, в происхождении слова «калмак», а также в наименовании ойратов калмаками/калмыками определяющую роль мог сыграть географический фактор.

В важном источнике XVI в. «Тарих-и Рашиди» отмечается: Каракорум и Калмак – это «исконные земли» Чингисхана [18. С. 366].

Скорее всего, под Калмаком подразумевались такие территории, как Западная и Юго-Западная Монголия, поскольку ниже М. Хайдар, автор «Тарих-и Рашиди», отмечал: «На севере Кашар [граничит] с горами Моголистана, которые тянутся с запада на восток... Те горы, с одной стороны, простираются до Шаша, а с другой, пересекая Турфан, упираются в земли калмаков» [18. С. 367]. Следует согласиться с В.В. Бартольдом, что «слово калмак, по-видимому, впервые появляется в Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди как будто не как этнографический, а как географический термин. Говорится, что после изгнания монгольской династии из Китая в ее владении остались только ее «коренные области» (юрт-и асли), т.е. Каракорум и Калмак; позднее «эмиры ойратов» отняли у них и это» [3. С. 538].

Калмак как регион продолжал упоминаться и позже [20. С. 356]. Например, полное название сочинения Сейфи «Таварих» (Хроника), (хиджры, 1582/1583 г.) в переводе с турецкого звучит следующим образом: «История правителей Индии, Синда, Хитая, Кашмира, Ирана, Кашгара, Калмака, Чина, многих прежних правителей, потомков Чингисхана, Хакана и Фагбура и правителей Хиндустана». Таким образом, это слово, вероятно, первоначально обозначало определенный регион, и тех, кто там проживал, именовали калмаками (а это могли быть разные народы, т.е. не только ойраты). Нечто подобное имело место в тибетской историографии: монголыязычные племена обозначались терминами «сог» (sog) и «хор» (hor).

Необходимо отметить, что «тибетцы в древности, по-видимому, не отличали монголов от тюрков и всех называли хорами» [4. С. 216]. В частности, этноним хор-по, упомянутый в «Красной книге» Кунги Дордже, в случае, относящимся ко второй половине IX в., следует соотносить, как справедливо указывал Ю.Н. Рерих, с уйгурами [26. Р. XVII], а в отношении событий периода монгольских завоеваний – с монголами (hor rgyal po ching ges – монгольский хан Чингис). Тибетцы называли тюрков Восточного Туркестана как сог-по, и позже, когда их земли были заняты монголами и ойратами (с XIII в.), а сами тюрки стали подданными ойратов, к последним перешло это тибетское определение. Близкое имело место во времена завоевания Бабуром Индии – в тибетских источниках его подданные моголы также назывались сог-по; в целом

же это слово закрепилось за ойратами. Подобных примеров, когда народы получали свое имя вслед за наименованием региона их проживания множество.

Слово «калмак» могло иметь следующую динамику появления и развития: к востоку от земель, населенных мусульманами (улусы Джучи и Чагатая), лежал обширный регион Калмак, жители которого звались калмаками, они воспринимались как чуждые, не мусульмане (язычники и буддисты); в этническом плане это было смешанное население, со временем стали преобладать ойраты. Когда часть подданных Узбек-хана в сер. XIV в. отказалась принимать ислам, то их прозвали уже известным для мусульман словом «калмак», с соответствующим смыслом. Этим же словом стали именовать всех, кто, будучи тюрко-монгольского происхождения, не следовал исламу либо был враждебен к этой религии; неудивительно, что в краткий исторический период в самых разных землях, где жили мусульмане, «вдруг появился» народ калмаков. Что касается прежнего названия территории (Калмак), то оно было впоследствии заменено на новое – Джунгария, в связи с наименованием народа, его занявшим – джунгарами, однако смогло сохраниться (в форме «Калмык») в прежней роли топонима у иных ойратов, перекочевавших в Прикаспий и Поволжье, где было создано Калмыцкое ханство, а те ойраты стали известны как калмыки (топоним стал этнонимом).

Едва ли не со времен Чингисхана ойраты (самоназвание народа) были известны соседям как ойраты – для монголов, вэй-ла-тэ (у-лу-тэ) – для китайцев (для которых религиозная ориентация ойратов не была чуждой), но для народов Средней Азии, которые в рассматриваемый период времени проходили через длительную полосу борьбы различных направлений ислама, они были, прежде всего, язычниками – калмаками. То, что мусульмане не различали ойратов, состоявших, как правило, из четырех основных народов («четыре ойрата», что традиционно указывалось в монгольских и китайских источниках), а определяли их единым термином, говорит, скорее, в пользу именно религиозного значения слова калмак/калмык, который, как показано, еще ранее появился как географический термин.

Как следует из приведенного выше материала, не всех калмаков следует воспринимать калмыками (ойратами). Например, калмаки упоминаются среди узбекских племен (всего их насчитывалось от 32 до 92 племени) еще до XVIII в. [1. С. 157–159], при этом они шли под номером 11. А. Алексеев считал, что место в списке основано, скорее всего, исходя из численности и влияния этого племени. Он пишет: «часто калмаков отождествляют с калмыками (джунгарами), что не совсем верно. При дворе Аштарханидов служили обе этнические группы. При этом калмаки входили в число племен «илатийа», в то время как калмыки-джунгары поступали ко двору преимущественно в качестве военных рабов (гулам), из которых формировалась ханская гвардия. Наиболее влиятельным выходцем из этого придворного клана при Убайдуллах-хане был его верховный кош-беги Тура-Кули инак» [1. С. 168].

Таким образом, это мог быть и один народ, и разные народы в определенный период времени, и часто в источниках они смешиваются; такое становится особенно явно, когда речь идет о религиозных ориентациях, особенно при отсутствии или недостатке информации о конкретной религии, а также людей, населявших восточные земли. Возможно, знания мусульманских авторов о народах восточнее ойратов оставались ограниченными, что в свое время признавалось автором «Тарих-и Рашиди»: «**Ту сторону, кроме [земель] калмаков, никто не видел и не знает**» [18. С. 367].

Слово «калмак», изначально географический термин, стало единым общим наименованием для идентификации кочевников Центральной Азии, не принявших ислам или враждовавших с мусульманами, в число которых входили не только ойраты и монголы постюаньского периода, но и другие немусульманские, в т.ч. тюркские народы (например, народы Алтая).

Заключение

Под Калмаком в эпоху Чингисхана подразумевались земли Западной и Юго-Западной Монголии. Народы, занимавшие Калмак, в т.ч. и ойраты, звались калмаками и были известны как немусульмане. Позже это слово использовалось как омоним для определения тех, кто отказался от ислама, распространявшегося в полиэтнической среде улусов Джучи и Чагатая, и оставались буддистами или язычниками; первыми так прозвали часть народа, в основном ставшего известным как узбеки. В конце концов слово «калмак» закрепилось за ойратами, поскольку только они были знакомы их соседям-мусульманам как принципиальные последователи буддизма, занявшими земли Калмака; «окалмакивание» ойратов стало одним из факторов, в известном смысле ускорившего их буддизацию, с одной стороны, и повлиявшего на исчезновение в их среде ислама, имевшего незначительное влияние, с другой. В свою очередь, буддизация ойратов имела одним из важнейших результатов «омонголивание» ойратов, или, вернее, их отказ от «отюречивания». С XV в. религия, а именно буддизм, становится для ойратов определяющим показателем идентичности. Это происходит в связи со становлением государства, которое должно было базироваться на определенной идеологии, имевшей потенциал противостоять праву чингисидов.

© Китинов Б.У., 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 228 с.

- [2] Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- [3] Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1968. 759 с.
- [4] Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 240 с.
- [5] Дремов И.И. Калмаки Дешт-и-Кыпчака (к проблеме тюркизации и исламизации монголов в Золотой Орде) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. Т. 14. Вып. 4. 2014. С. 96–101.
- [6] Дремов И.И. Калмаки Средней Азии XIV–XVI веков // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. № 3. 2012. С. 104–117.
- [7] История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. 1. 848 с.
- [8] Карма Тринле. История Кармап Тибета. М.: Алмазный путь, 2010. 221 с.
- [9] Китинов Б.У. Эмир Ноуруз и распространение ислама у ойратов в Персии // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. № 3. 2017а. С. 41–52.
- [10] Китинов Б.У. «Ойраты-огеледы... пересекли реку Манкан»: этно-религиозная ситуация у ойратов в середине XV – начале XVI вв. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. Т. 9. № 4. 2017б. С. 370–382.
- [11] Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2004. 190 с.
- [12] Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII вв. // Известия Российской академии наук. № 12–15. Пг., 1919.
- [13] Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- [14] Номинханов Ц.Д. Происхождение этнонима «калмык» // Вестник Академии наук Казахской ССР. № 11. 1958. С. 99–103.
- [15] Санчилов В.П. «Калмаки» в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: Калмыцкий НИИ истории и филологии, 1987. С. 6–27.
- [16] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- [17] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. XVI, 564 с.
- [18] Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и Рашиди. Ташкент: ФАН, 1996. 727 с.
- [19] Хрестоматия по истории Китая в средние века (XV–XVII вв.). М.: Изд-во МГУ, 1960. С. 86–87. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XV/Chrestomat/text3.htm> (вход выполнен 7.06.2018).
- [20] Шараф ад-Дин Йезди. Зафар-Наме / пер. с перс. А. Ахмедова. Ташкент: САНАТ, 2008. 484 с.
- [21] Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1980. 282 с.
- [22] Elverskog J. Buddhism and Islam on the Silk Road. University of Pennsylvania press, 2010. 340 p.

- [23] Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes. Ed. Anna Akasoy et. al. Ashgate, 2010. 391 p.
- [24] Karmay H. Early Sino-Tibetan Art. Aria & Phillips Ltd., 1975. 128 p.
- [25] Richardson H.E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note // Journal of the Royal Asiatic Society. October, 1958. Pp. 139–164.
- [26] Roerich G. The Blue Annals. Vol. 1. Delhi, 1976.
- [27] Ron Sela. Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th–18th Centuries // Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling. Ed. Roberto Vitali with assistance from Gedun Rabsal and Nicole Willock. Dharamshala (H.P.), India, 2014. Pp. 345–359.

REFERENCES

- [1] Alekseev A.K. Political history of the Tukay-Timurids: Based on the materials of Bahr al-asrar, the Persian historical work. SPb.: St. Petersburg University, 2006. 228 p. (In Russian)
- [2] Bakunin V.M. Description of the Kalmyk peoples, and especially of them Torgaut, and the deeds of their khans and owners. Writing of 1761. Elista: The Kalmyk Publishing House, 1995. 153 p. (In Russian)
- [3] Barthold V.V. Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples // Collected Works. Moscow: Nauka, 1968. 759 p. (In Russian)
- [4] Damdinsuren C. Historical roots of the Geseriada. M.: Russian Academy of Sciences, 1957. 240 p. (In Russian)
- [5] Dryemov I.I. Kalmaks of Desht-i-Kypchak (to the problem of Turkization and Islamization of the Mongols in the Golden Horde) // Proceedings of the Saratov University. Issue: History. International relations. Vol. 14. No. 4. 2014. Pp. 96–101. (In Russian)
- [6] Dryemov I.I. Kalmaks of Middle Asia of XIV–XVI centuries // Herald of the Caspian region: archeology, history, ethnology. No. 3. 2012. P. 104–117. (In Russian)
- [7] History of Kalmykia from Ancient Times to Our Days. Elista, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russian)
- [8] Karma Trinley. History of the Karmaps of Tibet. M.: Diamond Way, 2010. 221 p. (In Russian)
- [9] Kitinov B.U. Emir Nouruz and the spread of Islam among the Oirats in Persia // LOCUS: people, society, cultures, meanings. No. 3. 2017a. Pp. 41–52. (In Russian)
- [10] Kitinov B.U. “Oirat-Ogelds... have crossed the Mankan River”: the ethno-religious situation in the Oirats in the middle of the XV – beginning of the XVI centuries // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: The world history. Vol. 9. No. 4. 2017b. Pp. 370–382. (In Russian)
- [11] Kitinov B.U. The Sacred Tibet and the Warlike Steppe: Buddhism in Oirats (XIII–XVII centuries). M.: KMK Scientific Publications Group, 2004. 190 p. (In Russian)
- [12] Kotvich V.L. The Russian archival documents on relations with Oirats in the XVII–XVIII centuries. The News of the Russian Academy of Sciences. No. 12–15. Pg., 1919. (In Russian)
- [13] Moiseyev V.A. Dzungarian Khanate and Kazakhs (XVII–XVIII centuries.). Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 p. (In Russian)
- [14] Nominkhanov Ts.D. The Origin of the Ethnonym ‘Kalmyk’ // Bulletin of the Academy of Science of the Kazakh SSR. No.11. 1958. Pp. 99–103. (In Russian)

- [15] Sanchirov V.P. “Kalmaks” in the “History” of the Turkish author of the 16th century Seifi Chelebi // Little researched sources on the history of pre-revolutionary Kalmykia and the tasks of their study at the present stage. Elista, 1987. Pp. 6–27. (In Russian)
- [16] Tizengauzen V.G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Extracts from Persian works, processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volyn. Moscow–Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 308 p. (In Russian)
- [17] Tizengauzen V.G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic works. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1884. XVI, 564 p. (In Russian)
- [18] Haidar Mirza Muhammad. *Tarih-i Rashidi*. Tashkent: Fan, 1996. 727 p. (In Russian)
- [19] Reader on the history of China in the Middle Ages (XV–XVII centuries.). M.: Publishing house of Moscow State University, 1960. Pp. 86–87. (In Russian) URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XV/Chrestomat/text3.htm> (accessed 7.06.2018)
- [20] Sharaf ad-Din Yazdi. *Zafar-Nama* / transl. from the Persian by A. Akhmedov. Tashkent: SANAT, 2008. 484 p. (In Russian)
- [21] Erdniev U.E. *Kalmyks*. Elista: Kalmyk book publishing house, 1980. 282 p. (In Russian)
- [22] Elverskog J. *Buddhism and Islam on the Silk Road*. University of Pennsylvania press, 2010. 340 p.
- [23] *Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes*, ed. Anna Akasoy et. al. Ashgate, 2010. 391 p.
- [24] Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips Ltd., 1975. 128 p.
- [25] Richardson H.E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note // *Journal of the Royal Asiatic Society*. October, 1958. Pp. 139–164.
- [26] Roerich G. *The Blue Annals*. Vol. 1. Delhi, 1976.
- [27] Ron Sela. *Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th–18th Centuries* // *Trails of the Tibetan Tradition*. Papers for Elliot Sperling. Ed. by Roberto Vitali with assistance from Gedun Rabsal and Nicole Willock. Dharamshala (H.P.), India 2014. Pp. 345–359.

Kalmak and oirats: toponym in the religious history of the peoples of Central Asia

B.U. Kitinov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10–2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The word *Kalmak* is spread in a number of medieval Muslim sources. In research of the scholars this word is understood as an indicator of development or separatism (“piece”, “backward”), or religious orientation (not Muslims) for Oirats or some kind of nomadic people. To define the origin and development of its meaning, it is important to draw data from a number of important sources; for example, according to “*Tarikh-i Rashidi*”, *Kalmak* means the territory of Western and South-Western Mongolia, whose inhabitants were called, respectively, as *Kalmaks*, and mainly were not Muslims. In the context of the struggle of different Islam traditions during the process of Islamization of the uluses of Juchi and Chaghatay, this word began to denote

all those who remained pagan or Buddhist, and since such “refuseniks” had been found in all the Genghisid uluses, the sources recorded the presence of Kalmaks almost everywhere. Besides, the historical tradition relates the Buddhist Oirats to Kalmaks, but initially Oirats had nothing common with that nation, and only with Oirats’ movement in Genghis Khan’s times to the named territories (Kalmak), this word was transferred to them, already, as an ethnonym. Oirats became Buddhists at the end of the fourteenth – beginning of the fifteenth centuries, facilitated by political, economic, ideological and other reasons. A study of the sources leads to conclusion, that the Kalmak’s first meaning was the region’s name, where peoples were known as not Muslims, and therefore this word acquired a religious context and for this reason was finally entrenched to the Oirats.

Keywords: Kalmak, Oirat, Buddhism, Islam, Genghisids

Информация об авторе / Information about the author

Баатр Учагевич Китинов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

Баатр Китинов – PhD in History, Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: kitinov@mail.ru

Для цитирования / For citations

Китинов Б.У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 270–281. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281

Kitinov B.U. Kalmak and oirats: toponym in the religious history of the peoples of Central Asia. RUDN Journal of World History. 2018. 10(3): 270–281. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 23.04.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-282-296

Индонезийские подходы к восприятию международных отношений и мировой политики

Т.И. Понька, Сибарани Даме Мария Нова, Н.С. Куклин

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

В статье авторы анализируют истоки и основы политической культуры Индонезии, выявляют особенности национальных подходов к международным отношениям, рассматривают влияние национальных особенностей восприятия международных отношений на внешнеполитический курс Индонезии. Актуальность исследования обусловлена малой степенью изученности проблемы влияния политической культуры, идей, традиций и идеологий на внешнюю политику Республики Индонезии. Целью исследования является выявление характерных особенностей и анализ истории развития индонезийского политического мышления, идеологических и концептуальных основ внешней политики государства. Исследование носит междисциплинарный характер на стыке теории и истории международных отношений, культурологии, социологии, этнологии. Авторы применяют сочетание системного, сравнительного и исторического (историко-генетического) метода. Также авторы исследования опираются на школу конструктивизма в международных отношениях. Результаты исследования представлены в виде выводов, содержащих в себе анализ эволюции и оценку влияния факторов идеологии и традиционной политической культуры на восприятие индонезийским обществом международных отношений и мировых политических процессов.

Ключевые слова: Индонезия, западные теории международных отношений, этнокультурные факторы, идеология

Введение

С момента возникновения в 60-е гг. XX века и в течение последующих тридцати лет в теории международных отношений господствовал т.н. «западный подход», а при анализе мировых процессов, международных отношений, мировой политики применялись философско-мировоззренческие основы, понятия, категории, термины западного, преимущественно англо-американского мира. В то же время уже с 1960-х гг. в некоторых регионах мира, в частности, Азиатско-Тихоокеанском, происходили значительные перемены, которые «западный подход» объяснить и спрогнозировать их последствия не всегда мог. Япония, Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, КНР, Индонезия демонстрировали такие темпы экономического роста и социального преоб-

ражения, которые Западу давно не снились. Молодых экономических гигантов Азиатско-Тихоокеанского региона уже не устраивала сложившаяся система международных отношений, обеспечивавшая только западные интересы. Философы, историки, политологи этих стран стали разрабатывать свои, «незападные», идеи и подходы к мироустройству, международным отношениям, основанные на реалиях своих регионов и своих стран, на основе своих культурных традиций и философских воззрений.

Одной из таких стран является Индонезия – крупнейшее государство Юго-Восточной Азии, основатель и лидер АСЕАН, 16-я экономика мира по объему ВВП в 2015 г. [17]. Индонезия, обладая выгодным геостратегическим положением, богатой ресурсной базой, самым многочисленным мусульманским населением в мире и демонстрируя высокие темпы экономического роста, стала проводить «независимую и активную» внешнюю политику, сочетая тонкое виденье международных процессов и древние, самобытные национальные идеи внешних сношений и государственности.

На территории Индонезии с древности сложилась уникальная политическая культура, сформировавшая национальный образец государственности и свою, самобытную манеру общения с другими народами, что находит явное отражение в современной внешней политике Индонезии.

«Международные отношения через призму яванской философии»

Основой индонезийского общества с древнейших времен является яванский этнос. Яванцы составляют большинство национальной элиты, именно яванцы в наибольшей степени влияют на внутреннюю и внешнюю политику страны. Колыбелью яванской культуры является центральная Ява, территория вокруг современных городов Джокьякарта и Суракарта (Соло). Синтезированная из различных религий и течений, яванская философская традиция выработала собственный взгляд на мироустройство. Основные категории, созданные на базе яванской культуры, такие как коллективизм, синкретизм и стремление к поддержанию гармонии, являются ключевыми для понимания политической культуры современной Индонезии, ее идеологической основы и других важных моментов жизни индонезийского общества. [15. Рр. 7–8].

Многие из пришедших на Яву традиций и религий были ассимилированы. Синкретизм философских идей и религиозных установок жив до сих пор и ярко проявляется, например, в популярном яванском религиозно-философском течении Кебатинан (см. примеч. 1)¹.

¹ Примеч. 1. Кебатинан – яванское религиозно-философское течение, представляющее собой смешение анимистических, буддистских, индуистских и исламских (особенно суфийских), верований и практики. Оно уходит корнями в яванскую синкретическую традицию.

«Иные истоки самобытного сознания»

Индонезийская культура, являясь одной из древнейших на земле, впитала в себя в разное время индийские, китайские, мусульманские, европейские традиции, в то же время развила свои самобытные идеи и концепции внешней политики и государственности, отвечающие ее статусу, мультиэтничности, мультиконфессиональности и геополитическим характеристикам. История древней и средневековой государственности на Малайском архипелаге связана с влиянием индийской культуры на все сферы жизни местного населения. Так, два крупнейших средневековых государства архипелага – Шривиджайя и Маджапахит – являлись образцом индуизированного типа общества и государства. Китайское влияние на местные народы наблюдается уже в период правления династии Тан (618–907 гг. н.э.) [20]. Китай исторически представлял свою модель вассалитета от политического центра (Поднебесная). До сих пор около двух миллионов человек китайского происхождения проживает в Индонезии.

С развитием морской торговли на севере о. Суматра среди народа ачех широкое распространение на острове получает ислам, который затем достигает и о. Ява, крупного культурного центра яванской цивилизации, и в дальнейшем распространяется и на другие острова Нусантары (см. примеч.)². Серьезным отличием яванского типа ислама стало наложение традиционных индуистских и местных обрядов. С прибытием европейских колонизаторов активно распространяется и христианство. По сей день христиане, несмотря на свою малочисленность (около 6%) [9. С. 79–91], представляют влиятельную группу внутри страны. Так, на протяжении длительной истории Индонезия испытывала значительное внешнее влияние, которое также значительно обогатило местные культуры.

Основы и истоки современной национальной идеологии Индонезии

Идеологической основой современной Индонезии является совокупность разработанных ранее при президентах Сукарно и Сухарто идейных систем организации внешней и внутренней политики и их эволюция. Эти конструкты в своей основе восходят к перечисленным выше традициям и философии индонезийских народов. Идеология Панча сила³, провозглашенная в 1945 г. пре-

² Нусантара (Nusantara от древнеяв. *nusa* – остров, *antara* – другой, отдаленный, вся территория) – термин, обозначавший в средневековой яванской литературе территорию, входившую в состав империи Маджапахит с центром на Яве. В настоящее время в узком значении – поэтическое название Индонезии (архипелаг, родина). В более широком – историко-культурное понятие, обозначающее область расселения народов австронезийской языковой семьи.

³ Панча Сила — пять принципов, лежащих в основе индонезийской модели построения общества «справедливости и процветания»: 1) вера в единого Бога; 2) справедливая и цивили-

зидентом Сукарно и закрепленная в Конституции страны от 17 августа 1945 г., является главной основой функционирования индонезийского государства по сей день [UUDRI, 1945].

Панча сила вырабатывалась в непростых условиях борьбы за независимость и становления суверенного индонезийского государства. Этой философии было необходимо объединить различные политические силы, представленные исламскими идеологами, социалистами, коммунистами и националистами. Серьезное влияние на ее развитие оказали взгляды учителей Сукарно из движения Сарекат ислам (Союз ислама), таких как Чокроаминото и Агус Салим, которые фактически были основателями исламского социализма в Индонезии, идеи, сочетавшей учение Корана и пророка Мухаммеда с принципами социальной справедливости, свободы и равенства. Синкретизм раннего идеологического поиска – традиционный яванский синкретизм затронул и другие идеи. Так, лидер индонезийского коммунистического движения Тан Малака считал, что в Индонезии революция, коммунизм и ислам совместимы [27].

Во внешней политике после провозглашения независимости Индонезия обозначила принципиальные позиции. В 1948 г. премьер-министр Индонезии М. Хатта произнес речь под названием «Лавируя между двумя камнями», в которой высказал свое мнение о холодной войне и отношениях Индонезии с СССР и США. В частности, Хатта заявил, что, проводя свою внешнюю политику, Индонезия должна руководствоваться только собственными интересами, а не интересами сверхдержав. Предложенная Хаттой доктрина получила название «Доктрины активной независимости» и до сих пор является основой индонезийской внешней политики. «Независимость» означала самостоятельность без внешних давлений и влияний, «активность» – построение конструктивных мирных отношений со всеми государствами. Индонезия сыграла значимую роль в создании Движения неприсоединения, приняв в 1955 г. Бандунгскую конференцию 29 государств Азии и Африки, что позволило Сукарно изолировать регион от процессов холодной войны и заложить основу для регионального лидерства Индонезии.

Сухарто, пришедший к власти в 1965 г. после событий переворота и подавления мятежа «Движения 30 сентября», выстраивал политику «нового порядка» (противовес старому порядку Сукарно) на более рациональных основах, чем его предшественник, обращая внимание на экономические реформы и борьбу с идеологизированностью, мистическими конструкциями и абстрактными лозунгами, свойственными эпохе Сукарно. Социальная функция «нового порядка» заключалась в создании благоприятных условий для перевода страны на рельсы ускоренного капиталистического развития [3. С. 9–15].

лизованная гуманность; 3) единство страны; 4) демократия, направляемая разумной политической консультацией и представительства; 5) социальная справедливость для всего народа Индонезии.

Новую идеологию Сухарто выстраивал на старых конструкциях Панча силы, простой для восприятия в народе. С.А. Воронин считает, что Сухарто провозгласил своего рода «иджтихад» концепции Панча сила, т.е. призвал «восстановить чистоту». Идеологическим декором были объявлены и концепция индонезийского социализма, и идеологические акронимы. По мнению С.А. Воронина, заслуга Сухарто как политического лидера состоит, прежде всего, в том, что он сумел вернуть политической системе Индонезии стабильность, предложив вместо широкого спектра невразумительных и малопродуктивных лозунгов-акронимов одну всем понятную и достаточно простую философию Панча сила [1. С. 3]. Одновременно с Панча сила Сухарто делает акцент на развитии традиционных яванских ценностей семьи, воспитания, культуры. Сам Президент, несмотря на довольно прагматичную политику, увлекается мистицизмом.

Режим «нового порядка» Сухарто отличался крайним прагматизмом при выборе стратегий внешней политики. Именно при Сухарто Индонезия, которая ранее воспринималась в регионе как довольно агрессивный игрок, нормализует отношения с Малайзией по ряду спорных вопросов, и выступает как сооснователь АСЕАН и берет на себя роль неформального лидера Ассоциации.

Индонезия возвращается в ООН в 1967 г., после того как покинула организацию в 1965 г., происходит нормализация отношений с США и разрыв с КНР, сопровождавшийся активной политикой давления на китайские диаспоры, промаоистские и местные коммунистические партии и группы в Индонезии. Некоторые авторы склонны указывать на непосредственное участие США в организации репрессий против коммунистов. По некоторым версиям, даже министр иностранных дел Индонезии того периода Адам Малик имел активные связи с США, которые были причастными к антикоммунистическому перевороту 1965–1967 гг. [11. С. 178–188].

Как Сукарно, так и Сухарто проводили активную и иногда агрессивную внешнюю политику в отношении народов, говорящих на австронезийских языках, о чем свидетельствует индонезийско-малайзийская конфронтация 1963–1966 гг. при Сукарно и оккупация Восточного Тимора в 1975–1999 гг. при Сухарто. С одной стороны, это можно расценить как объективную реакцию сильного государства и стремление к расширению зон влияния и территорий в условиях несформированных границ постколониального региона, с другой, – возможно, такими «полумифологическими» личностями двигало проистекающее из яванских традиций стремление к распространению своей власти, на эти родственные «по крови» народы.

Развитие национальных идей Индонезии во внутренней и внешней политике в период «реформации»

Свержение Сухарто в 1998 г. сопровождалось забастовками студентов и молодежи, прогрессивного поколения, которое из-за развития технологий и общего уровня образованности стало проводником новых демократических

идей и достижений современного мира, что совпало с народной ментальной установкой о благополучии всей общины и народа. Неудивительно, что и демократические принципы столкнулись с уникальной способностью индонезийского общества к поглощению и ассимиляции.

Падение режима привело к обострению многих проблем внутри индонезийского общества. Начался период «реформации», главными лозунгами реформаторов стало искоренение такого зла, как коррупция, возвращение армии в казармы, восстановление гражданских свобод [14. С. 4]. Обострились вопросы сепаратизма и терроризма, на повестку дня вновь встала проблема независимости Восточного Тимора, накалилась ситуация и в провинции Ачех, населенной сторонниками полной исламизации и отделения от Индонезии.

«Тысяча друзей и ни одного врага» Сусило Бамбанг Юдойоно

Приход к власти в 2004 г. отставного военного С.Б. Юдойоно ознаменовал завершение периода «реформации» и наступления демократических изменений в политической системе. По сравнению со старыми политиками, такими как Абдурахман Вахид или Мегавати Сукарнопутри Юдойоно в ситуации «реформации» был фигурой новой, и его предвыборная платформа значительно отличалась от политических сил, ассоциируемых со старыми порядками. Народ хотел видеть в нем своего спасителя из легенд (*ratuadil*) – мифологического героя, который должен прийти в самые трудные времена и спасти свой народ.

Во внешней политике новый Президент продолжил и развил курс М. Сукарнопутри на всяческое развитие двусторонних связей и усиление роли Индонезии в международных организациях.

После демократического бума «реформации» происходит также возвращение идеологического фундамента в политику страны. Примечательно, что при второй администрации С.Б. Юдойоно в кругах, приближенных к президентскому дворцу, заговорили о необходимости подвести под внешнюю политику солидную идеологическую основу. В этой связи здесь напомнили, что Панча сила имеет универсальный характер и вполне подходит к современным реалиям [14. С. 18]. Основой внешней политики в течение двух сроков его правления выступил принцип «тысяча друзей и ни одного врага», озвученный Юдойоно в 2005 году и заключавшийся в налаживании взаимовыгодных отношений со всеми странами, в особенности с КНР, Индией, Японией [6. С. 4]. Затем Президент выдвинул четыре принципа внешней политики, обозначенные в его выступлении от 19 августа 2005 года по случаю 60-летия МИД Индонезии, – конструктивность подходов, самобытность в современном виде, национализм и отказ от военных союзов с другими странами. Ранее 20 мая 2005 г. в своей речи перед индонезийским советом по международным делам (ICWA) Президент обозначил, что Индонезия является третьей в мире демократией и страной, где ислам успешно сосуществует с прогрессом

и демократическими принципами [26]. В той же речи Президент обращался к старым принципам индонезийской дипломатии касательно независимой и активной политики страны, сформулированными еще М. Хатта в 1948 г.

Подобная программа Президента свидетельствовала не только о преемственности эпохи Сукарно и обращению к истокам современной дипломатии, но и в очередной раз подтверждала ментальную способность к синкретизму у индонезийского народа, проистекающего из яванских корней, что наглядно иллюстрирует идейное сближение социализма и ислама в начале исторического пути страны и соединение ислама и демократических принципов современности.

Президентство Джоко Видодо

Одержавший победу на президентских выборах в 2014 г. губернатор Джакарты Джоко Видодо представил нации совершенно новый тип политического лидера. В отличие от предыдущих президентов, происходивших из богатых и известных семей, нынешний Президент Индонезии происходит из города Суракарта, из семьи плотника. Подобный расклад сил говорил о серьезных изменениях в сознании и ментальности индонезийцев, предпочитающих политиков нового типа, способных решать объективные проблемы, потомкам древних родов из военной знати, ассоциируемых с режимом Сухарто.

Серьезные изменения с приходом Джоко Видодо к власти произошли в сфере внешней политики. Так, новый министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди в своем первом ежегодном выступлении 8 января 2014 г. обозначила основные направления внешней политики Индонезии в перспективе на ближайшие 5 лет. Основными ее приоритетами явились меры по поддержанию суверенитета Индонезии, защита индонезийских граждан за рубежом, экономическая дипломатия. Министр также подтвердила продолжение индонезийской традиционной «свободной и активной» дипломатии [25].

«Морская ось мира»

Президентство Джоко Видодо отмечено весьма важной для самой Индонезии и региона инициативой – Индонезия должна стать морской державой в регионе. В 2014 г. Президент обнародовал доктрину «Индонезия – Морская ось мира» (ИМОМ) [22]. Ретно Марсуди отметила, что стремление Индонезии стать морской державой свидетельствует о новом уровне индонезийского самосознания, что разительно отличается от предыдущих попыток только лишь восстановить и улучшить международный имидж [19]. Ее смысл состоит в превращении Индонезии в мировую морскую державу.

Концепция морской оси имеет международный, региональный и внутренний аспекты и затрагивает интересы во многих секторах мировой политики и экономики. Для Индонезии доктрина определяет две основные задачи –

геостратегическую и геоэкономическую. Геостратегическая направленность предполагает значительное расширение сферы внешнеполитических интересов Индонезии. Как отмечает Л.М. Ефимова, главная цель новой доктрины – повышение статуса Индонезии до уровня влиятельной мировой державы [7. С. 196–204].

Следует отметить, что подобный внешнеполитический курс на расширение морского влияния Индонезии является продолжением доктрины 1957 года *Wawasan Nusantara*, провозглашавшей Индонезию архипелажным государством и позволившим добиться расширения территориальных вод страны до 12 морских миль и закрепить подобный международно-правовой статус страны. Развитие доктрины «государства-архипелага» послужило бы формированию единой идентичности всех индонезийцев, обусловленной их единством как нации архипелага. Джокови продолжил линию «государства-архипелага» как во внутренней, так и во внешней политике, наряду с сохранением «Панча сила» в программах своей партии на государственном и народном уровне.

Еще одним необычным явлением во внешней политике Индонезии стало некоторое снижение приоритетности АСЕАН, до этого являвшегося основой внешней политики страны, которое, однако вполне объясняется желанием укрепить двусторонние связи с целью успешной реализации «Морской оси» как глобального проекта, не завязанного целиком и полностью на регион АТР. В начале президентства Джоко Видодо его советник по иностранным делам и известный аналитик Ризал Сукма также подтвердил снижение приоритетности АСЕАН своим высказыванием: «Ранее мы говорили АСЕАН – краеугольный камень нашей внешней политики, теперь сама внешняя политика станет приоритетом» [21]. Также Индонезия в настоящее время активно участвует в деятельности ООН, в рамках которой ставит вопрос о предоставлении ей статуса постоянного члена СБ ООН. Организация исламского сотрудничества, АТЭС, G20 и многие другие форумы, региональные и международные организации в различных сферах АСЕАН продолжают оставаться приоритетом даже при Джоко Видодо [18].

«Индонезия – лидер исламского мира»

Как уже было упомянуто, ислам имеет давнюю историю в Индонезии и принял в ходе развития множество видов, адаптируясь под местные культурные центры, а где-то сохраняясь неизменным. В настоящее время ислам является мощной идеологией в арсенале индонезийского руководства, позволяя сплотить нацию, практически полностью состоящую из мусульман внутри страны, и продвигать позиции на международной арене.

Востоковед М.Н. Гусев отмечает, что в условиях неспособности ближневосточных государств взять на себя лидерство в мировой мусульманской общине Индонезия объективно стремится претендовать на главные позиции,

потеснив исторических лидеров. Интересным представляется и то, что Индонезия выступает против строгого ассоциирования ислама с арабской культурой. Гусев считает, что «обладание символами религии перестает сочетаться с неизбежностью представлений о том, что те, кто ее персонифицируют, естественным и закономерным образом и должны стоять во главе всемирной уммы» [2. С. 92–94]. М.В. Кирчанов в свою очередь называет сформировавшийся тип ислама в Индонезии либеральным и полагает, что такое явление является показателем деарабизации ислама в стране [10. С. 99–110]. Также Индонезия активно стремится решать вопросы, связанные с жизнью мусульман во всем мире, и повысить свою значимость в ОИС. Индонезийские общины и организации мусульман всячески позиционируют себя как образец устройства мусульманского сообщества, и не только на традиционных площадках, но и охватывая новые территории развития ислама, такие как, например, Европа. По сей день Индонезия активно борется с исламофобией и выступает за продвижение ислама как религии мира.

Активное позиционирование Индонезии в исламском мире позволяет поставить вопрос: не превратится ли Индонезия в полностью исламскую страну? Представляется, что многочисленные особенности Индонезии, культурные традиции, многоконфессиональность и промежуточное состояние между светским и религиозным государством, скорее всего, не позволят ей превратиться в полностью исламскую страну с ярко выраженным исламским уклоном, при этом Индонезия может явить миру новый тип восприятия религии, принципов существования уммы и ее развития.

Заключение

Подводя итог рассмотрению влияния как древних традиций, так и национальных идеологий, сформированных на их основе, на внешнюю политику, можно прийти к выводу, что индонезийская культура сформировала масштабную самобытную концепцию мировосприятия, философии, традиций, которые по сей день являются важной основой менталитета индонезийцев и политических элит страны.

Основами современного индонезийского общества и политической культуры являются по большей части яванская культура, характеризующаяся синкретизмом, синтезом идей и религий, адаптации их к сложной системе мироустройства преимущественно индуистского происхождения. Также индонезийское общество является коллективистским. В дополнении стоит отметить, что поскольку Индонезия является крупнейшей мусульманской страной в мире, в которой велико влияние ислама; исламский путь является одной из внешнеполитических стратегий, при этом государство придерживается умеренной политики в этой сфере. Внутри страны существует два основных типа ислама, в провинции Ачех представленной торгово-морской культурой с консервативной формой ислама и яванский тип с преобладанием адата. Послед-

ний тип оказал серьезное влияние на развитие идей исламского социализма и совмещения демократии и ислама.

Определенно сильно также влияние различных неяванских и немусульманских культур, народностей, исповедующих анимизм, христианство в разных его течениях, буддизм, индуизм и другие учения. Внутри них можно выделить так называемые прибрежные народы, основой которых является культура торговли и индивидуализма в ментальности.

Несмотря на колоссальное влияние традиций, устоев и ментальных установок на все сферы жизни индонезийского и в частности яванского обществ, политические решения, принимаемые лидерами страны на основе традиционных воззрений, мало отличаются от рационального поведения любой другой страны, защищающей свои национальные интересы. Большее влияние традиционных взглядов прослеживается на политику внутреннюю, роль лидеров, соотношение политических партий и поведение деятелей.

Основой государственной политики служат идеи: Панча сила, различные формы идей индонезийского социализма, идея «нации-архипелага» и единства в разнообразии, различные программы партий и лидеров. Самобытная индонезийская традиция, построенная на синкретизме множества древних культур и философских школ, охватывает широкие категории понимания бытия и мироустройства.

Таким образом, можно сделать вывод, что понимание идей яванской политической традиции, исламского фактора и знание идейно-философских основ индонезийского общества, безусловно, необходимы в анализе внешней политики и международных отношений Индонезии.

В противовес западному поиску универсального метода постижения международных отношений древняя традиция народов Нусантары вносит свой самобытный вклад и предлагает взглянуть с другой стороны на историю, власть и политику.

© Понька Т.И., Сибаран Д.М.Н., Куклин Н.С., 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воронин С.А. Национализм развития: необонапартистский режим Сухарто // Вестник МГОУ. 2013. № 3. С. 1–12. URL: www.evestnik-mgou.ru.
- [2] Гусев М.Н. Стремление к лидерству в исламском мире как общенациональная идея Индонезии // Ближний Восток и современность / отв. ред. А.О. Филоник. Вып. 33. М.: ИБВ, 2007. С. 92–94.
- [3] Другов А.Ю. Индонезия. 70 лет борьбы, преодоления и развития // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7. С. 9–15.
- [4] Другов А.Ю. Индонезийская Демократия: экзамен на зрелость // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2016. № 3. С. 116–126. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26415700>.

- [5] Другов А.Ю. Индонезия – опыт перестройки // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 1. С. 66–78. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21337000>.
- [6] Ефимова Л.М. К истории разработки программы «Новый путь для Республики Индонезия» // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2003. № 5. С. 52. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17249870>.
- [7] Ефимова Л.М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО-Университета. Мировая политика. 2015. № 6 (45). С. 196–204.
- [8] Захаров А.О. Политическое устройство Шривиджайи (по данным «Текстов Присяги» VII в.) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2009. № 4. С. 5–14. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12786441>.
- [9] Золотухин И.Н. Индонезия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность // Ойкумена. 2010. № 3. С. 79–91.
- [10] Кирчанов М.В. Либеральный ислам в современной Индонезии: основные векторы идеологического развития в первой половине 2010-х гг. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2016. № 1. С. 99–110. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25828990>.
- [11] Сумский В.В. Адам Малик и рождение Нового порядка в Индонезии. М.: Международная жизнь; Элиты стран Востока. 2009. С. 178–188.
- [12] Сумский В.В. Какой будет Индонезия при новом президенте? РСМД // Восточная Азия и АТР // Аналитика. 2014. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4021#top-content.
- [13] Тюрин В.А. Аче – политика на периферии исламского мира // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2010. № 3. С. 32–47. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=14930526>.
- [14] Хохлова Н.И. Внешняя политика Индонезии в период «реформации» после 1998 г. URL: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243279/autoref_khokhlova.pdf.
- [15] Anderson B.R. O'G, Siegel J. *Culture and Politics in Indonesia*. Ithaca & London: Cornell University Press, 1972. XV, pp.7–8.
- [16] Anderson B.R. O'G (1990). *Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia*. Cornell University Press, Ithaca. URL: <http://http://www.cornellpress.cornell.edu/book/?GCOI=80140100630430>.
- [17] Gross domestic product 2015. World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>.
- [18] Hellendorff B. Enjeux d'une présidence Jokowi. *Bruno Hellendorff Groupe de recherche et d'information sur la paix et la sécurité*, 2014, pp. 15.
- [19] Marsudi R. *Tiga Prioritas Politik Luar Negeri Indonesia*. 2014. URL: <http://international.sindonews.com/read/947842/40/tiga-prioritas-politik-luar-negeri-indonesia-1420705386>.
- [20] Museum Nasional Indonesia. URL: <http://www.museum.nasional.or.id/collections/sejarah/index.html>.
- [21] Prashanth Parameswaran. Is Indonesia Turning Away From ASEAN Under Jokowi // *The Diplomat*, 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/12/is-indonesia-turning-away-from-asean-under-jokowi/>.

- [22] Rendi A. Witar (13 November 2014). Jokowi launches maritime doctrine to the world // The Jakarta Post. Retrieved 14 April 2016. URL: <http://www.thejakartapost.com/news/2014/11/13/jokowi-launches-maritime-doctrine-world.html>.
- [23] Ridwan Nurseha Ali. Politik Luar Negeri Indonesia di Era Kepemimpinan President Susilo Bambang Yudhoyono Brawijaya University. 2014. URL: <https://www.scribd.com/doc/241463254/Politik-Luar-Negeri-Indonesia-di-Era-Kepemimpinan-President-Susilo-Bambang-Yudhoyono-2004-2014/>.
- [24] Sebastian L.C. and Lanti I.G. Perceiving Indonesian approaches to international relations theory. P. 158 // Non-Western International Relations Theory Perspectives on and beyond Asia. URL: <http://uluslararasigundem.com/wp-content/uploads/bsk-pdf>.
- [25] Sekretariat Kabinet Republik Indonesia. *Indonesia's Foreign Policy Priorities in 5 Years Ahead*. URL: <http://setkab.go.id/en/indonesias-foreign-policy-priorities-in-5-years-ahead/>.
- [26] Speech by H.E. Dr. Susilo Bambang Yudhoyono, President of the Republic of Indonesia before the Indonesian Council on World Affairs (ICWA). URL: <http://www.kemlu.go.id/en/pidato/presiden/Pages/Speech-by-H.E.-Dr.-Susilo-Bambang-Yudhoyono-President-of-the-Republic-of-Indonesia-before-the-Indone.aspx>.
- [27] Tan Malaka. *Komunisme dan Pan-Islamisme* (1922). URL: <https://www.marxists.org/indonesia/archive/malaka/1922-PanIslamisme.htm>.
- [28] *Undang-Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun 1945*. URL: <http://www.itjen.depkes.go.id/public/upload/unit/pusat/files/uud1945.pdf>.

REFERENCES

- [1] Voronin S.A. Natsionalizm razvitiia: neobonapartistskii rezhim Sukharto // Vestnik MGOU. 2013. No. 3. Pp. 1–12. URL: www.evestnik-mgou.ru.
- [2] Gusev M.N. Stremlenie k liderstvu v islamskom mire kak obshchenatsional'naiia ideia Indonezii // Blizhnii Vostok i sovremennost' / otv. red. A.O. Filonik. Vyp. 33. M.: IBV, 2007. Pp. 92–94.
- [3] Drugov A.Iu. Indoneziia. 70 let bor'by, preodoleniia i razvitiia // Aziia i Afrika segodnia. 2015. № 7. Pp. 9–15.
- [4] Drugov A.Iu. Indoneziiskaia Demokratiia: ekzamen na zrelost' // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2016. № 3. Pp. 116–126. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26415700>.
- [5] Drugov A.Iu. Indoneziia – opyt perestroiki // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2014. № 1. Pp. 66–78. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21337000>.
- [6] Efimova L.M. K istorii razrabotki programmy “Novyi put' dlia Respubliki Indoneziia” // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2003. № 5. Pp. 52. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17249870>.
- [7] Efimova L.M. Indoneziiskaia “Morskaia os' mira” i kitaiskii “Morskoi shelkovyi put' XXI veka” // Vestnik MGIMO-Universiteta. Mirovaia politika. 2015. № 6 (45). Pp. 196–204.
- [8] Zakharov A.O. Politicheskoe ustroistvo Shrividzhaii (po dannym “Tekstov Prisiagi” VII v.) // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2009. № 4. Pp. 5–14. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12786441>.
- [9] Zolotukhin I.N. Indoneziia v zerkale etnokonfessional'noi situatsii: istoriia i sovremennost' // Oikumena. 2010. № 3. Pp. 79–91.
- [10] Kirchanov M.V. Liberal'nyi islam v sovremennoi Indonezii: Osnovnye vektory ideologicheskogo razvitiia v pervoi polovine 2010-kh gg. // Vostok. Afro-Aziatskie obshchest-

- va: istoriia i sovremennost'. 2016. № 1. Pp. 99–110. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25828990>.
- [11] Sumskii V.V. Adam Malik i rozhdenie Novogo poriadka v Indonezii. M.: Mezhdunarodnaia zhizn'; Elity stran Vostoka. 2009. Pp. 178–188.
- [12] Sumskii V.V. Kakoi budet Indoneziia pri novom prezidente? RSMD // Vostochnaia Aziia i ATR. Analitika. 2014. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4021#top-content.
- [13] Tiurin V.A. Ache – politia na periferii islamskogo mira // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2010. № 3. S. 32–47. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=14930526>.
- [14] Khokhlova N.I. "Vneshniaia politika Indonezii v period "reformatsii" posle 1998 g. URL: http://mgimo.ru/files2/y11_2013/243279/autoref_khokhlova.pdf.
- [15] Anderson B.R. O'G, Siegel J. Culture and Politics in Indonesia. Ithaca & London: Cornell University Press, 1972. XV. Pp. 7–8.
- [16] Anderson B. R. O'G (1990). Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia. Cornell University Press, Ithaca. URL: <http://http://www.cornellpress.cornell.edu/book/?GCOI=80140100630430>.
- [17] Gross domestic product 2015. World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf>.
- [18] Hellendorff B. Enjeux d'une présidence Jokowi. *Bruno Hellendorff Groupe de recherche et d'information sur la paix et la sécurité*, 2014. P. 15.
- [19] Marsudi R. *Tiga Prioritas Politik Luar Negeri Indonesia*. 2014. URL: <http://international.sindonews.com/read/947842/40/tiga-prioritas-politik-luar-negeri-indonesia-1420705386>.
- [20] Museum Nasional Indonesia. URL: <http://www.museumnasional.or.id/collections/sejarah/index.html>.
- [21] Prashanth Parameswaran. Is Indonesia Turning Away From ASEAN Under Jokowi // *The Diplomat*, 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/12/is-indonesia-turning-away-from-asean-under-jokowi/>.
- [22] Rendi A. Witular (13 November 2014). Jokowi launches maritime doctrine to the world // *The Jakarta Post*. Retrieved 14 April 2016. URL: <http://www.thejakartapost.com/news/2014/11/13/jokowi-launches-maritime-doctrine-world.html>.
- [23] Ridwan Nurseha Ali. Politik Luar Negeri Indonesia di Era Kepemimpinan President Susilo Bambang Yudhoyono Brawijaya University. 2014. URL: <https://www.scribd.com/doc/241463254/Politik-Luar-Negeri-Indonesia-di-Era-Kepemimpinan-Presiden-Susilo-Bambang-Yudhoyono-2004-2014/>.
- [24] Sebastian L.C. and Lanti I.G. Perceiving Indonesian approaches to international relations theory. P. 158 // *Non-Western International Relations Theory Perspectives on and beyond Asia*. URL: <http://uluslararasigundem.com/wp-content/uploads/bsk-pdf>.
- [25] Sekretariat Kabinet Republik Indonesia. *Indonesia's Foreign Policy Priorities in 5 Years Ahead*. URL: <http://setkab.go.id/en/indonesias-foreign-policy-priorities-in-5-years-ahead/>.
- [26] Speech by H.E. Dr. Susilo Bambang Yudhoyono, President of the Republic of Indonesia before the Indonesian Council on World Affairs (ICWA). URL: <http://www.kemlu.go.id/en/pidato/presiden/Pages/Speech-by-H.E.-Dr.-Susilo-Bambang-Yudhoyono-President-of-the-Republic-of-Indonesia-before-the-Indone.aspx>.

- [27] Tan Malaka. *Komunisme dan Pan-Islamisme* (1922). URL: <https://www.marxists.org/indonesia/archive/malaka/1922-PanIslamisme.htm>.
- [28] *Undang-Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun 1945*. URL: <http://www.itjen.depkes.go.id/public/upload/unit/pusat/files/uud1945.pdf>.

Indonesian approaches to perception of the international relations and worldwide policy

Tatyana Ponka, Nikita Kuklin, Maria Sibarani

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10–2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

In this article authors analyze sources and bases of political culture of Indonesia, reveal features of national approaches to the international relations, and also consider influence of national peculiarities on the international relations and foreign policy perception in Indonesia. The relevance of the study is due to a low degree of research of the influence of political culture, ideas, traditions and ideologies on the Indonesian foreign policy. The purpose of the research is to identify the characteristics and to analyze the development of Indonesian political thinking, the ideological and conceptual foreign policy foundations. This article is an interdisciplinary paper at the junction of the theory and history of international relations, cultural studies, sociology, ethnology. The authors apply a combination of system, comparative and historical (historical-genetic) method. Also, the authors rely on the school of constructivism in international relations. The results of the study are presented in the form of conclusions containing analysis of the influence of ideological, ethnic and political factors on the perception of international relations and world political processes by Indonesian society.

Keywords: Non-Western international relations theory, Indonesia, Ethnocultural factors, ideology

Информация об авторах / Information about the authors

Татьяна Ивановна Понька – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Tatyana Ponka – PhD in History, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: ponka-rudn@mail.ru

Куклин Никита Сергеевич – соискатель направления «Международные отношения» кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Nikita Kuklin – Applicant for “International Relations” at the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: kouklinesawicki@gmail.com.

Сибарани Даме Мария Нова – аспирантка направления «Международные отношения» кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

María Sibarani – postgraduate student of the direction “International Relations” at the Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

Для цитирования / For citations

Понька Т.И., Сибаран Д.М.Н., Куклин Н.С. Индонезийские подходы к восприятию международных отношений и мировой политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 282–296. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-282-296

Ponka T., Kuklin N., Sibarani M. Indonesian approaches to perception of the international relations and worldwide policy. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(3): 282–296. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-282-296

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 02.04.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-297-310

Борьба с коррупцией в Республике Индонезия

А.В. Теплов

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

А.С. Бельченко

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Г.В. Кузьмина

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

О.Д. Рекстар

*Университет Джакарта
Индонезия, Джакарта*

В статье авторы рассматривают методы антикоррупционной политики Республики Индонезии. После получения Индонезией независимости власти страны уделяли серьезное внимание борьбе с коррупцией. Начиная с 1958 г. по инициативе Президента Сукарно в Индонезии впервые был создан специальный орган по борьбе с коррупцией. Но во время правления Президента Сукарно несмотря на все попытки не удалось одержать ощутимых побед над коррупцией. После перехода власти от Президента Сукарно к генералу Сухарто коррупция в Индонезии достигла невиданного размаха. Перелом в борьбе с коррупцией произошел в 2002 г., когда Президент Мегавати Сукарнопутри создает «Комиссию по искоренению коррупции», которая существует и по сегодняшний день.

Ключевые слова: коррупция, распространение коррупции, комиссия по искоренению коррупции, борьба с коррупцией в Индонезии

Введение

Коррупция существует в Индонезии начиная с древних времен. Еще до начала европейской колонизации иностранные торговцы, приплывавшие на Индонезийские острова для закупки или продажи товаров (особенно на о. Ява),

были вынуждены давать взятки как местным чиновникам, так и управляющим провинций, для того чтобы получить покровительство местных правителей. Ситуация не изменилась с приходом к власти голландцев, из-за сохранения старой аристократии и появления колониальной администрации количество взяток и их размер только увеличились. Местная верхушка всегда нуждалась в деньгах для демонстрации своего могущества, а новые голландские чиновники рассматривали свое пребывание в нездоровом климате и враждебном окружении за низкую зарплату как возможность за счет взяток от местного населения поправить свое материальное положение.

Только после получения Индонезией независимости в 1945 г. и отстранения старой бюрократии на короткий срок в стране удалось избавиться от коррупции в государственном секторе экономики. Но с началом национализации и приватизации голландской собственности новая государственная бюрократия быстро освоила привычку делать выгодные предложения только тем, кто больше заплатит чиновнику. Государственные чиновники, под управление которых перешли крупные компании, рассматривали их как средство для получения собственной выгоды и с удовольствием брали и давали взятки.

Исследование проблемы

Борьба с коррупцией в эпоху президента Сукарно

После прихода к власти Президента Сукарно в 1945 году перед страной стояла масса серьезнейших проблем, и в первую очередь выживание молодой республики. Несмотря на огромное количество как внешних, так и внутренних вызовов, правительство серьезно относилось к проблеме борьбы с коррупцией.

Законодательная база. Только к 1958 г. в стране была сформирована законодательная база для борьбы с коррупцией на государственном уровне. Ниже представлены несколько законов, принятых для борьбы с коррупцией:

«Peraturan Penguasa Militer № PRT/PM/06/1957 (Закон о военном управлении)» Закон по борьбе с коррупцией. Была дана характеристика коррупции. В соответствии с этим законом коррупция в Индонезии рассматривалась в нескольких аспектах, как акт, совершенный лицом в своих интересах, в интересах других лиц или действие от имени другого лица, которое прямо или косвенно может привести к финансовым потерям частных лиц или государства [1].

«Peraturan Penguasa Militer № PRT/PM/08/1957 (Закон о военном управлении)». Содержит информацию об органах власти, уполномоченных представлять государство в преследовании лиц, заподозренных в совершении коррупционных действий [2].

«Peraturan Penguasa Militer № PRT/PM/11/1957 (Закон о военном управлении)». Закон регулирует процедуры расследования, ареста, лишения свобо-

ды и применение конфискации незаконных доходов, полученных в результате коррупционных действий [3].

«Peraturan anti korupsi № Prt/Peperpu/013/58». В 1958 г. впервые был принят полноценный «Закон по борьбе с коррупцией» [4].

Деятельность «Комитета по исправлению государственного аппарата». Первым регулярным органом по борьбе с коррупцией в Индонезии можно считать «Panitia Retooling Aparatur Negara – PARAN» ПАРАН (Комитет по исправлению государственного аппарата). Комитет был создан в 1958 г. по инициативе Президента Сукарно. Комитет по исправлению государственного аппарата возглавлял генерал армии (в отставке) Абдул Харис Насутион, в руководство комитетом входили два бывших министра: министр юстиции М. Ямин и министр иностранных дел Руслан Абдулгани. Своей главной целью руководство комитета объявило реформирование аппарата государственной службы путем проведения реформ и более тщательного подбора чиновников и привлечения на работу только тех, кто разделял политические идеалы молодой республики. Задача привлечения на государственную службу новых чиновников, поддерживавших политику Президента Сукарно, была главной задачей комитета. Руководство комитета по исправлению государственного аппарата пыталось обязать государственных чиновников всех уровней заполнять декларации о доходах и сдавать их на обработку в ПАРАН. Но работа комитета натолкнулась на прямой саботаж чиновников, бланки деклараций они получали, но заполненные бланки в комитет не возвращали.

Комитет не смог перебороть всеобщее сопротивление чиновников, которые стали заявлять, что они ни при каких обстоятельствах не будут передавать свои заполненные декларации Комитету по исправлению государственного аппарата, а могут передавать их только непосредственно Президенту страны. В итоге противостояние комитета и высших государственных чиновников закончилось победой чиновников. В 1959 г. комитет заявил о своем роспуске и передал свои полномочия правительству во главе с премьер-министром Раден Хаджи Джуандом Картавиджайя.

«Операция Будхи». Следующий всплеск борьбы с коррупцией пришелся на 1963 г., когда Президент Сукарно своим указом «Keputusan Presiden № 275 tahun 1963» [5] объявил о начале операции по борьбе с коррупцией под названием «Операция Будхи». Возглавил эту операцию министр по координации обороны и безопасности, начальник штаба Вооруженных Сил генерал Насутион. Главной задачей, поставленной Президентом перед Насутионом, была проверка крупных государственных предприятий на предмет выявления коррупционных схем и доведение уголовных дел до суда и вынесения приговора. Первым предприятием, проверенным в рамках операции Будхи, стала национальная нефтяная компания «Пертамина». Являясь самым крупным государственным предприятием, Пертамина в лице ее директора отказалась предоставлять информацию и документы следователям, работающим в рамках операции Будхи. Примеру Пертамина последовали другие директора

крупных государственных фирм, они требовали, чтобы следователи представили им специальные полномочия, подписанные самим Президентом. В течение 3-х месяцев работы следователей и судей в рамках операции Будхи им удалось сохранить или вернуть в казну республики Индонезии 11 млрд рупий, значительную сумму для того времени. Против следователей, работающих в рамках операции Будхи, в СМИ была развернута клеветническая компания, их работа была признана неэффективной. По приказу Президента Сукарно операция Будхи была остановлена.

После прекращения действия операции Будхи власти Индонезии предприняли еще одну попытку обуздать коррупцию. В 1964 г. борьбу с коррупцией возглавил сам Президент Сукарно, под его личным контролем была создана организация под названием «Supreme Command for the Retooling of the Apparatus of the Revolution – KONTRAR».

Проблема разгула коррупции в Индонезии была настолько серьезной, что борьбу с ней пришлось возглавить самому Президенту страны, особые полномочия комиссии были подчеркнуты тем, что в нее кроме Президента входил министр иностранных дел Субандрио (а по совместительству начальник Управления внутренней безопасности и разведки Индонезии) и начальник штаба Сухопутных войск Индонезии генерал-лейтенант Ахмад Яни. Выбор членов комиссии обусловлен тем, что именно армия, полиция и дипломатический корпус были наиболее коррумпированы. Однако комиссия проработала недолго, из-за государственного переворота в 1965 г. Сукарно стало не до борьбы с коррупцией, работа комиссии остановилась.

Борьба с коррупцией в эпоху режима президента Сухарто

Во время правления Президента Сукарно (с 1968 по 1998 гг.) несмотря на все попытки не удалось одержать ощутимых побед над коррупцией. После перехода власти от Президента Сукарно к генералу Сухарто коррупция в Индонезии достигла невиданного размаха. Новый Президент оказался большим мастером использования государственного бюджета в своих личных целях и в интересах друзей и родственников.

С точки зрения экономической политики правление Президента Сухарто можно условно разделить на два периода. Первый период – с 1968 г. до середины 80-х годов XX века, когда главным локомотивом экономики страны были предприятия с государственной собственностью. Второй период длился с середины 80-х годов XX века до мая 1998 г. – в это время правительство Индонезии начинает следовать рекомендациям Всемирного банка и международного валютного фонда, переводя государственные предприятия в частные руки. «Влияние Сухарто ощущалось во всех областях политической и экономической жизни страны: правительство распределяло субсидии и обеспечивало режим благоприятствования стратегически важным отраслям; государственные банки выдавали займы под низкие проценты. Правительство

устанавливало и контролировало лицензионные ограничения, давая или не давая разрешение на выращивание апельсинов, производство сигарет, вырубку леса, строительство платных дорог, импорт риса. Режим Сухарто определял, кому и сколько иметь денег» [6].

В первые дни прихода к власти еще в качестве временно исполняющего обязанности Президента Индонезии в 1967 г. Сухарто начинает жестко критиковать старый порядок, который, по его словам, не был способен искоренить коррупцию в связи с тем, что вся власть в стране концентрировалась в руках Сукарно. Речи Сухарто по борьбе с коррупцией начинали, казалось бы, воплощаться в реальную борьбу. В том же 1967 г. в соответствии с указом Президента «*Keppres № 228 Tahun 1967*» [7] было объявлено о создании Группы по искоренению коррупции «*Tim Pemberantas Korupsi – ТКР*», которую возглавляет генеральный прокурор республики Индонезии Сугих Арто. Но граждане Индонезии быстро разочаровались работой этой группы. «Индонезийская коррупция при режиме Сухарто была большим бизнесом. Она начиналась на самом вершине и каскадом спускалась до самого низа. Те, кто занимал посты, позволяющие объявить войну коррупции, вовсе не собирались бороться с ней – потому что существовавшее положение вещей их более чем устраивало» [8].

Коррупция в Индонезии при новом Президенте достигла невиданных размахов при попустительстве и прямой вовлеченности властей в стране, с 1969 г. вспыхивают стихийные уличные демонстрации, достигшие своего апогея, когда 20 июля 1970 г. студенты вышли на улицы Джакарты с требованиями остановить коррупцию в высших эшелонах власти. Власть ответила силой, применив полицию для разгона демонстрантов, несколько человек было ранено, десятки арестованы.

Несмотря на силовое подавление протестов студентов, государству пришлось создать новую комиссию по борьбе с коррупцией: «Комиссия 4». Комиссия 4 состояла из высокопоставленных государственных чиновников, имевших репутацию честных людей. Комиссию возглавлял бывший председатель верховного консультативного совета Индонезии Вилопо, помимо него в комиссию вошли такие известные в стране люди, как Игнатий Джозеф Касимо Хендровайоно, Анвар Чокроаминото, профессор Герман Джоханнес, генерал-майор Сутопо Джувано. Перед комиссией были поставлены задачи очистить от коррупции министерство по делам религии, индонезийское бюро логистики, частную компанию «Варингин», акционерное общество «Мантраст», телекоммуникационную компанию «РТ Telekomunikasi Indonesia», государственную нефтяную компанию «Пертамина». Работа «Комиссии 4» активно поддерживалась населением Индонезии, было выявлено множество случаев коррупции, в т.ч. и два случая коррупции инкриминировались самому Президенту Индонезии. Комиссия передала материалы своих расследований непосредственно правительству Индонезии, но в ответ не последовало никакой реакции. Через пять месяцев работы комиссия была распущена, а официальные итоги ее деятельности никогда не были опубликованы.

С 1970 г. вплоть до 1977 г. в стране отсутствовал орган по борьбе с коррупцией, но в ответ на критику как местных, так и иностранных СМИ Президент Сухарто был вынужден создать новое агентство по борьбе с коррупцией. В 1977 г. адмирал в отставке Судомо в соответствии с «Instruksi Presiden Nomor 9 Tahun 1977» (президентской инструкцией № 9 от 1977 г.) [9] назначен руководителем агентства «Operasi Tertib» (Операция порядок), в задачи которого входила и борьба с коррупцией. Данное агентство не прославилось в этой борьбе.

Борьба с коррупцией после режима Сухарто

В мае 1998 г. Президент Сухарто уходит в отставку, к власти приходит Бухаруддин Юсуф Хабиби. Запрос от общества на борьбу с коррупцией был настолько высок, что уже через год в 1999 г. новый Президент вводит должность олбутсмана по борьбе с коррупцией и издает закон «Undang-Undang № 28 tahun 1999» [10] об очищении государственных структур от коррупционеров, в соответствии с этим новым законом была создана Комиссия по надзору за доходами государственных чиновников «Komisi Pengawas Kekayaan Pejabat Negara (КПКРН)»

Следующий Президент, Абдурахман Вахид, на основе закона «PP № 19 tahun 2000» [11] сформировал Совместную группу искоренения коррупции «Tim Gabungan Pemberantasan Tindak Pidana Korupsi (ТГПТК)». Но несмотря на создание все новых и новых структур, добиться видимых успехов в искоренении коррупции так и не удалось. В первую очередь это было связано с противодействием со стороны военных, полиции и прокуратуры. Именно эти государственные институты противодействовали и саботировали работу всех комиссий по борьбе с коррупцией.

Деятельность Комиссии по искоренению коррупции

Комиссия по искоренению коррупции (КПК) была создана в 2002 г. Президентом Мегавати Сукарнопутри в соответствии с законом «UU Nomor 30 Tahun 2002» [12] «Об искоренении коррупции». Необходимо обратить внимание на название комиссии, в котором указана ее главная цель – не «борьба с коррупцией», а «искоренение коррупции». Комиссия по искоренению коррупции (КПК) Индонезии является государственным учреждением и обладает репрессивными функциями. При создании комиссии предполагалось, что КПК будет работать профессионально, интенсивно и непрерывно [13]. Главная задача комиссии – искоренить коррупцию в государственных и частных предприятиях, а также организациях. КПК несет ответственность перед гражданами, функционирует открыто, регулярно докладывает о своей деятельности Президенту, парламенту и высшему аудиторскому управлению.

В соответствии со статьей 6 закона № 30 от 2002 г. выделено 5 категорий обязанностей, закрепленных за комиссией [14].

1. Координация деятельности учреждений, уполномоченных бороться с коррупционными правонарушениями.

2. Контроль за деятельностью учреждений, уполномоченных противодействовать коррупции.

3. Проведение предварительных расследований и судебных преследований при установлении фактов коррупции.

4. Проведение превентивных мероприятий по борьбе с коррупцией.

5. Проведение мониторинга деятельности государственных предприятий с целью выявления коррупционных схем.

Кроме того, комиссия по искоренению коррупции уполномочена проводить предварительные расследования, следственные действия и судебное преследование против лиц, заподозренных в коррупции.

1. Привлекать к ответственности сотрудников правоохранительных органов, государственных чиновников и других лиц, заподозренных в коррупции.

2. Возбуждать уголовные дела на лиц, наделенных властными полномочиями и находящихся в центре общественного внимания, заподозренных в коррупции.

3. Возбуждать уголовные дела на лиц, заподозренных в коррупции свыше \$100 тыс.

Комиссия по искоренению коррупции возглавляет совет из пяти человек, все эти люди являются государственными служащими или общественными деятелями. Члены комиссии могут выполнять прокурорские функции.

Совет из пяти человек, возглавляющий комиссию, избирается на четыре года, выборы осуществляются в соответствии с прозрачной и гласной процедурой, с возможностью переизбрания еще на один срок. Специальный «отборочный комитет» из представителей органов государственной власти и известных общественных деятелей формирует первичный список кандидатов. Этот список передается президенту Индонезии, который отбирает не менее двух кандидатов на одно место и направляет свой список в парламент, который в свою очередь утверждает окончательный список из пяти человек. Весь процесс выбора совета комиссии по искоренению коррупции широко освещается в национальных СМИ. Все граждане страны имеют возможность сообщать «отборочному комитету» любую информацию по каждой кандидатуре.

Генеральный секретарь. Работу комиссии обеспечивает генеральный секретарь, который назначается и отстраняется президентом страны, но который несет личную ответственность за выполнение своих обязанностей перед членами комиссии. Генеральный секретарь ставит перед комиссией задачи подготовки стратегии и тактики, обеспечивает:

- организацию работы комиссии,
- подготовку кадров и ресурсов,

- соблюдение безопасности и комфорта,
- работу отдела по связям с общественностью и правовой защиты всех структурных подразделений комиссии.

Генеральный секретарь КПК выполняет следующие функции.

1. Осуществляет краткосрочное и среднесрочное планирование, развитие и управление финансами комиссии, управление грантами от доноров, подготовку финансовой отчетности по результатам деятельности комиссии.

2. Осуществляет материально-техническое обеспечение, управление активами, закупки, организует аукционы конфискованных товаров, организует управление и следит за безопасностью здания, в котором находится комиссия.

3. Осуществление набор и увольнение сотрудников.

4. Следит за соблюдением трудовых отношений в организации генерального секретариата и выполняет другие обязанности, возложенные на него руководителем в соответствии с его функционалом (Ст. 6 Закона № 30 2002 г.) [15].

Комиссия по искоренению коррупции сама набирает сотрудников себе в штат. Списки кандидатур открыты для всеобщего обсуждения. Персонал набирается из проверенных сотрудников правоохранительных органов по методу прикомандирования.

Финансирование, направляемое для работы комиссии по искоренению коррупции, увеличивается из года в год. Но несмотря на это, результативность комиссии ограничивается ее бюджетом и небольшим количеством сотрудников.

Результаты деятельности комиссии по искоренению коррупции

Комиссия по искоренению коррупции имеет ряд уникальных особенностей по сравнению с другими правоохранительными органами Индонезии. Штатный состав комиссии уникален для правоохранительных структур государства, стоит начать с того, что эту структуру возглавляет совет из пяти уполномоченных и 2 советников, штатная численность организации составляет 987 сотрудников, среди которых есть специалисты в самых разных областях, от прокуроров до программистов. Пять человек уполномоченных работают как коллегиальный орган, который обеспечивает большую прозрачность и самостоятельность. Гораздо сложнее повлиять на решение пяти человек уполномоченных, чем на решение одного руководителя. Коллегиальный характер руководства комиссии по искоренению коррупции также имеет то преимущество, что объем работы руководителя организации распределяется на пять человек.

Комиссия по искоренению коррупции независима от исполнительной, законодательной, судебной власти. Финансовая деятельность комиссии контролируется специальным государственным органом – высшим аудиторским управлением – и несет ответственность за свою деятельность перед народом Индонезии. При выполнении задач комиссия имеет право при рассмотрении

дел о коррупции надзирать за деятельностью генеральной прокуратуры и национальной полиции.

Комиссия по искоренению коррупции имеет практически неограниченные права по расследованию дел о коррупции. Комиссия может организовать расследование практически против любого государственного чиновника, включая членов парламента, судей и даже военных, в качестве превентивной меры запрещать всем подозреваемым лицам выезд из страны. Хотя комиссия может расследовать коррупционные дела в отношении военнослужащих, у нее нет полномочий арестовать военных по фактам коррупции. За годы деятельности комиссии были привлечены к ответственности несколько членов парламента и другие высшие государственные чиновники.

Комиссия по искоренению коррупции имеет все следственные полномочия, присущие другим правоохранительным органам. КПК может организовывать прослушивание телефонных разговоров подозреваемых, проверять их банковские счета и налоговые выплаты, а также замораживать активы, имеет право выдать ордер на арест подозреваемых по фактам коррупции. Для рассмотрения судебных дел, расследуемых комиссией, создан специальный суд по коррупции. Он входит в систему судов общей юрисдикции, а судейский корпус формируется из окружных судей.

Помимо расследования дел коррупционеров комиссия также активно проводит профилактические мероприятия по предотвращению коррупции. К профилактическим мероприятиям относятся следующие.

1. Проверка соответствия уровня благосостояния государственных чиновников их заработным платам.
2. Анализ деклараций о доходах чиновников.
3. Внедрение антикоррупционных образовательных программ на всех уровнях системы народного образования, начиная со школы.
4. Создание и содействие распространению социальных программ по искоренению коррупции.
5. Проведение антикоррупционных кампаний в средствах массовой информации.
6. Мониторинг систем управления и отчетности всех государственных учреждений, с целью минимизации потенциальных возможностей для коррупционных действий чиновников.

Комиссия по искоренению коррупции полностью начала функционировать в конце 2003 г. и к настоящему времени достигла почти 100% общественного доверия. Процент доведенных до приговоров инициированных расследований нарушений законодательства в сфере государственных закупок и случаев коррупции достиг 86% [16].

Комиссия также успешно сотрудничает с правоохранительными организациями соседних государств, потому как коррупция давно вышла за рамки одной страны. КПК имеет успешный опыт сотрудничества с такими регио-

нальными государствами, как Сингапур, Малайзия, Филиппины, Австралия, Вьетнам и Китай.

Одним из ярких показателей, благодаря которому можно оценить деятельность КПК, безусловно, является объем возвращенных государству похищенных денег.

Следует обратить внимание, что в 2013 г. Комиссия по искоренению коррупции вернула в бюджет страны 1,196 млрд рупий, в то время как на ее содержание в том же году государство потратило всего лишь 357,6 млрд рупий. Из этого следует, что чистый доход от деятельности комиссии составил 838,4 млрд рупий [17].

КПК в результате своей деятельности является самым эффективным государственным органом по возвращению украденных у государства денег. Так, например, в 2014 г. Комиссия по искоренению коррупции вернула в бюджет государства уже 2,8 трлн рупий, в то время как генеральная прокуратура – 792 млрд рупий, а полиция – 67,7 млрд рупий [18].

Заместитель председателя комиссии по искоренению коррупции Аднан Панду Праджа в 2015 г. заявил, что за все время функционирования комиссии с 2003 по 2015 гг. в бюджет государства было возвращено 294 трлн рупий государственных денег [19].

При выполнении своих профессиональных обязанностей служащие комиссии по искоренению коррупции часто пресекают преступную деятельность людей, облеченных высокой государственной властью и работающих в таких организациях, как генеральная прокуратура, полиция, генеральный штаб вооруженных сил, верховный суд, парламент и др. Бескомпромиссная борьба с коррупционерами в верхних эшелонах власти вызывает постоянные попытки урезать полномочия комиссии или переподчинить ее какой-нибудь силовой структуре. Но все такие попытки не увенчались успехом.

В настоящее время из государственных организаций только Комиссия по искоренению коррупции обладает почти 100% поддержкой населения Индонезии. Такой поддержкой не может похвастаться не один государственный орган власти. Необходимо вспомнить, что создание КПК было вызвано потерей доверия общества к основным институтам власти, таким как парламент, полиция, суды и прокуратура. Успешное уже на протяжении многих лет функционирование комиссии по искоренению коррупции доказало, что даже в коррумпированном обществе при желании и политической воле, можно создать свободные от коррупции силовые структуры, эффективно работающие на благо народа.

Несмотря на явные успехи в борьбе с коррупцией, комиссия имеет два непреодолимых препятствия. Во-первых, это нехватка кадров – организация насчитывает всего 1 тыс. сотрудников, что плохо соотносится с масштабами самой Индонезии, где проживают 240 млн человек. Во-вторых, комиссия имеет ограниченное финансирование, за рамки которого выходить не может.

Использование социальных медиа для борьбы с коррупцией

Комиссия по искоренению коррупции в своей работе внедряет нестандартные методы борьбы с коррупцией и профилактики коррупционных преступлений. Специалисты комиссии в области компьютерных технологий разрабатывают методы для использования социальных сетей в деле борьбы с коррупцией. В социальных сетях сотрудники КПК размещают ролики, осуждающие коррупцию и призывающие граждан сообщать в комиссию о случаях коррупционных преступлений. Таким образом, использование социальных сетей может иметь успех среди молодых граждан Индонезии. Так как в настоящий момент практически каждый молодой индонезиец имеет мобильное устройство с выходом в Интернет, распространение информации о коррупционных преступлениях через социальные сети привели к тому, что в некоторых городах страны студенты и школьники стали собирать митинги с антикоррупционными требованиями.

Известно, что около 50 млн индонезийцев активно пользуются «Twitter» [20], а еще 70 млн – «Facebook» [21]. Многие молодые граждане Индонезии выступают с требованием размещать в сети Интернет информацию о всех государственных закупках, для того чтобы весь процесс стал гласным и прозрачным, что в итоге приведет к уменьшению коррупции.

Мощную поддержку всего населения Индонезии встретила инициатива губернатора Джакарты Басуки Чахя Пурнама, который через социальные сети размещает всю информацию о коммерческой деятельности правительства столицы Индонезии. Таким образом, каждый гражданин страны может в любое время ознакомиться с финансовыми отчетами и использованием бюджета самого крупного города страны. По мнению специалистов КПК, этот шаг губернатора Джакарты резко снизит коррупцию в столице, так как общество сможет контролировать расходы государственных средств.

В современной Индонезии средства массовой информации становятся одним из стратегических партнеров Комиссии по искоренению коррупции. Председатель комиссии по искоренению коррупции Абрахам Самад заявил, что социальные медиа должны стать средством для привлечения граждан республики в бескомпромиссной борьбе с коррупцией [22]. В этой связи высказался и бывший заместитель председателя КПК (2011–2015 гг.) Бамбанг Виджайанто, которые выделил пять слагающих успеха для СМИ в деле борьбы с коррупцией.

1. Контроль граждан за действиями чиновников.
2. Публичная отчетность чиновников за расходованием государственных средств.
3. Пропаганда необходимости борьбы с коррупцией.
4. Борьба с коррупцией.
5. Возвращение средств, выведенных из государственного оборота [23].

Специалисты Комиссии по искоренению коррупции также запустили специальное приложение «GRATIs» или «Gratification Information and Socialization», которое может быть установлено на любой смартфон. Приложение создано для профилактики коррупционных преступлений и должно формировать у граждан понимание, что «бесплатные подарки» государственным чиновникам приравниваются к коррупционным действиям. Кроме этого, приложение объясняет чиновникам, что т.н. «бесплатные подарки» также попадают под категорию должностных преступлений и что их не следует принимать от граждан.

© Теплов А.В., Бельченко А.С, Кузьмина Г.В., Рекстар О.Д., 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Aditya Fajar Indrawan ICW: KPK Lebih Banyak Selamatkan Uang Negara Ketimbang Polri dan Kejaksaaan. 17.02.2015. URL: <http://news.detik.com/berita/2835667/icw-kpk-lebih-banyak-selamatkan-uang-negara-ketimbang-polri-dan-kejaksaaan>.
- [2] Adnan Pandu Praja Benahi Sektor Pertambangan, KPK Galang GN Penyelamatan Sumber Daya Alam URL: <http://www.kpk.go.id/id/berita/siaran-pers/2679-benahi-sektor-pertambangan-kpk-galang-gn-penyelamatan-sumber-daya-alam>.
- [3] Crouch H. *Political Reform in Indonesia After Soeharto*. Singapore. ISEAS Publishing, 2010, p. 369.
- [4] Instruksi Presiden Republik Indonesia Nomor 9 Tahun 1977 Tentang Operasi TERTIB. URL: <https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http://cdn.kotaserang.com/pdf/inpres/77ip009.pdf>.
- [5] Kadisdik Maluku Tenggara Barat Tersangka Korupsi // Sentana. 13.06.2015. URL: <http://sentananews.com/news/news/kadis-dikbud-maluku-tenggara-barat-tersangka-korup-4095>.
- [6] Martiman Prodjohamidjojo Penerapan Pembuktian Terbalik dalam Delik Korupsi. Bandung. Penerbit Mandar Maju. 2001, p. 13.
- [7] Mochammad Jasin The Indonesian Corruption Eradication Commission. URL: http://www.unafei.or.jp/english/pdf/PDF_GG5_Seminar/GG5_Indonesia1.pdf.
- [8] Noor Aspasia Hasibuan Jumlah Pengguna Twitter di Indonesia Akhirnya Terungkap URL: www.cnnindonesia.com/teknologi/20150326141025-185-42076/jumlah-pengguna-twitter-di-indonesia-akhirnya-terungkap/.
- [9] Norimitsu Onishi Corruption Fighters Rouse Resistance in Indonesia // New York Times, 25 July 2009.
- [10] Peraturan Antikorupsi Nomor. Prt/Peperpu/013/58. URL: <http://megaslides.top/doc/180168/pasca-kemerdekaan-warisan-yang-ditinggal-oleh?mode=scroll>.
- [11] Peraturan Penguasa Militer № PRT/PM/08/1957. URL: <https://beritagar.id/artikel/laporan-khas/merdeka-dari-korupsi-tantangan-indonesia-abad-ke-21>.
- [12] Ponten Merah Pemberantasan Korupsi. URL: <http://www.kpk.go.id/id/berita/berita-sub/2464-ponten-merah-pemberantasan-korupsi>.
- [13] Santhos H. Wachjoe Bunga Rampai Hukum dan Filsafat di Indonesia. Yogyakarta. Deepublish, 2015, p. 7.
- [14] Status Budi Tetap Tersangka // Pikiran Rakyat. 23.02.2015.

- [15] Susetyo Dwi Prihadi Berapa Jumlah Pengguna Facebook dan Twitter di Indonesia? URL: www.cnnindonesia.com/teknologi/20150326141025-185-42076/jumlah-pengguna-twitter-di-indonesia-akhirnya-terungkap/.
- [16] Undang-Undang Nomor 30 Tahun 2002 URL: http://pustakahpi.kemlu.go.id/dir_dok/UU%20No%2030%20th%202002%20ttg%20Komisi%20Pemberantasan%20Tindak%20Pidana%20Korupsi.pdf.
- [17] Undang-Undang Nomor 30 Tahun 2002 tentang Komisi Pemberantasan Tindak Pidana Korupsi. URL: <http://www.sjdih.depkeu.go.id/fulltext/2002/30Tahun2002UU.htm>.
- [18] Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 19 Tahun 2000. URL: http://hukum.unsrat.ac.id/uu/uu_19_00.htm.
- [19] Upaya Pemerintah Indonesia dalam Memberantas Korupsi. URL: <http://www.edukasipkn.com/2015/09/upaya-pemerintah-indonesia-dalam.html>.
- [20] Любимцы президента // Forbes №92. 03.11.2011. (President's favorites // Forbes №92. 03.11.2011. (in Russian)) URL: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2011-11/75306-lyubimtsy-prezidenta>.

Anti-corruption policy of the Republic of Indonesia

Aleksei V. Teplov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Andrej S. Belchenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Galina V. Kuzmina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Ofando D. Rexstar

Universitas Jakarta
Jalan Pulomos Barat, Jakarta, Indonesia

Abstract: in this article, the authors consider the methods of anti-corruption policy of the Republic of Indonesia by analyzing the stages of the fight against corruption in the country. The fight against corruption is an integral part of the existence of the state apparatus of any country. The solution of any business practice with the help of “gifts” has always been a normal practice in the countries of the South-East Asia. After winning the independence, the Indonesian authorities were paying serious attention to the fight against corruption. Since 1958, on the initiative of the President Sukarno in Indonesia, for the first time, a special body to

combat corruption, named “the Committee for the Correction of the State Apparatus” was created. After the transfer of power from President Sukarno to General Suharto, the corruption in Indonesia reached unprecedented proportions. The turning point in the corruption fight took place in 2002, when President Megawati Sukarnoputri set up “The Corruption Eradication Commission”, which exists to the present day.

Key words: corruption spread of corruption, the commission for eradication of corruption, combating corruption in Indonesia

Информация об авторах / Information about the authors

Теплов Алексей Вячеславович – старший преподаватель кафедры компьютерных технологий Российского университета дружбы народов.

Aleksei V. Teplov – Senior Lecturer, Department of Computer Technologies, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: teplov_av@pfur.ru

Бельченко Андрей Станиславович – доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Andrej S. Belchenko – PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: belchenko_as@pfur.ru

Кузьмина Галина Васильевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Galina V. Kuzmina – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: kuzmina_gv@pfur.ru

Офандо Дитрон Рекстар – старший преподаватель Университета Джакарты.

Ofando D. Rexstar – Senior Lecturer at the University of Jakarta (Universitas Jakarta).

E-mail: rexstar_napitupulu@yahoo.com

Для цитирования / For citations

Теплов А.В., Бельченко А.С., Кузьмина Г.В., Рекстар О.Д. Борьба с коррупцией в Республике Индонезия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10 № 3. С. 297–310. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-297-310

Teplov A., Belchenko A., Kuzmina G., Rexstar O. Anti-corruption policy of the Republic of Indonesia. *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(3): 297–310. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-297-310

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 05.05.2018

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-311-319

The origins of interaction between Russia and Germany in the field of nature use in the context of forest management in the 13th–18th centuries

E. Babintseva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10–2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Taking into account the comparative analysis of establishment of environmental regulation of the specific state formations, the author considers the issue of mutual relations between Russia and Germany in the field of production and consumption of natural resources. Contrary to the periodization of the study of the ecological relations between the states in the second half of the 19th century, the earlier common grounds between the Russian side and the German side, related to the period of existence of the Holy Roman Empire and the Russian Empire, are in focus of attention. A number of ancient legal acts, including Russian chronicles such as the “*Russkaya Pravda*” and German local resolutions in the field of forest exploitation, are analyzed. A breach between the appearance and the borrowing of the experience in Russia is confronted. The sequence, the main stages and the nature of interstate interaction of Russia and Germany in the sphere of protection of forests and natural resources were unveiled during the research. The study concluded that the strengthening of the partnership between Russia and Germany in the field of environmental protection will have a positive impact on the Russian environmental situation. As a state with a long history of natural resource management, Germany can become a great source of experience and a model for modernization of the management of wood resources.

Key words: ecology, natural resource management, Waldmeister, forestry, Germany, Russia

Introduction

In comparison with other aspects of international cooperation, such as economics and geopolitics, the history of international cooperation in the field of environmental protection has been studied relatively recently. This is due to the fact that only in the second half of the 20th century, the ecology, as a field of moral-ethical and normative-legal regulation, has undergone fundamental changes. Even in the times of the primitive communal system, in the times of ancient civilizations, followed after it, and till the period of active industrialization and urban expansion, in some states, that appeared since the 18th century, the primitive environmental

regulation had only sacral, economic, resource and geopolitical aspect on the territory of Europe and modern Russia.

The mankind followed the extensive way of society development for many centuries. An individual considered the environment as the source of resource and raw basis for implementation of necessary management. In such situation, life of the society in ancient times flowed without consideration of necessity in implementation of renewable natural resources and saving of non-renewable resources.

Case Study

There were no clearly marked common grounds between the ancient German states and the old Russian states on the issues of natural objects for a long period of time. However, some scientists are still arguing about the theory of kinship of these ethnic groups, appealing similarity of religious and pagan beliefs, language and life. Relations on the subject of natural objects could only start because of joint management or territorial issues.

The starting point of interaction between Slavic tribes and the ancient Germans is often associated with the legendary battle of Alexander Nevsky on the Lake Peipus. The mention of the term “Germans”, related to the name of the representatives of the Germanic kingdoms, appears in the chronicles by the end of the 9th century [1. P. 3].

In its turn, the first mention of the term “Rus” on the territory of ancient Germany is contained in the “*Annales Bertiniani*” of 839 and in the Raffelstetten Customs Regulations, created between 904 and 906, is said about the trade of Russian merchants in the middle of Danube, on the territory of modern Austria [1. P. 5]. This very period of time should be considered as the beginning of the history of Russian-German international relations [2. Pp. 51–52].

At the same time, an active resettlement of representatives of German nationalities on the territory of Kievan Rus begins. This happens during the reign of Saint Olga of Kiev (945–964) in 959, after the death of Prince Igor when she returns from Constantinople to Kiev. Saint Olga of Kiev wasn't satisfied with the policy of the Emperor of the Byzantine Empire, that's why she sent an Embassy to Germany and began the establishment of relations with king Otto the Great immediately after her return. In addition to strengthening of political ties, the purpose of the delegation was to call German missionaries led by the Bishop to Russia for the baptism of the population. According to the information, the Princess was already baptized and along with the Norman name – Olga, received also a Christian name – Elena, by 959. The chronicle of Regino of Prüm (German Archbishop Adalbert) says:

“They came to king [Otto the Great], – as it turned out, in a false way – Elena's ambassadors, Queen of Russia, who was baptized in Constantinople under the Constantinople Emperor Roman, and asked to dedicate for this people the Bishop and priests” [1. P. 5].

In addition to the dignitaries of the clergy, the presence of Germans of secular classes on the territory of Kievan Rus was not uncommon. Besides the merchants interested in trade with Kiev, it was the Germans who served Russian princes, including as advisers. After the collapse of Kievan Rus, in addition to the Kiev trade turnover, trade was mainly between the merchants of Hansa and Pskov, Polotsk and Novgorod. Novgorod is notable for the fact that there is the so-called “German court” on its territory – a place where merchants lived and stored their goods.

Significant growth of the German population in Russia occurs during the reign of Ivan III and Vasily III. Even more its population increases already in the 16th century, under the reign of Ivan the Terrible. As a rule, there were foreigners under the Russian rulers, like before, as advisors and experts, who were well-versed in politics, diplomacy and military affairs. It was at this time when the “German settlements” appeared – the enclaves for living of representatives of the German Diaspora who were in Russia. Besides the representatives of the German lands, other foreigners came in such settlements. As it’s known, for many centuries the “Germans” were called people on the Russian territory, who used in their speech unknown language to the population.

However, natives of German kingdoms, at that time represented by the unification of the Holy Roman Empire, made a great contribution to the formation and development of the Russian army. They took part in its modernization, sharing not only experience, but also equipping arsenals of European weapons, engaged in design and construction of strategic military facilities, fortifications and fortresses. It is known that many Germans participated in the military campaigns of the Russian armies. Therefore, natives of the German nation of the Holy Roman Empire had stable cooperation with Russia, that tried to overcome feudal fragmentation: the Germans influenced some government’s actions, made the contribution to the development of the country’s economy, army and politics, took part in missionary and military campaigns under the auspices of the Russian state and gradually assimilated with the local people. This close cooperation shows that the basis for cooperation in all spheres of social life began to appear in Russia, including natural resource management.

If we consider the ancient legislative process in the first state forms of Russia and Germany, anyway touched upon the issue of environmental protection, it should be noted that, initially, up to the 16th century, ancient religious beliefs, primitive customs and pagan foundations of human philosophy had an enormous influence. In some fields, a man had an innocent perception of the world, identifying it with forces of nature and spirits. It is beliefs that can be attributed to the first informal environmental regulator, which had a serious impact on human behavior in relation to the environment. Both in German and Slavic tribes, the nature was central to paganism. A strong moral and ethical regulator was the belief in the influence of human interaction with nature, rituals and taboos on fate and events setting a number of restrictions in the field of natural resources, production and consumption. However, the nature of the impact on the natural environment was not critical due

to the small development of tools and technologies for mass and easy production of the necessary raw materials.

In the future, the beliefs and customs, that are rooted on the territory of the created state entities, are expressed in the first legislative acts regulating the process of natural resources, associated with the origins of property right. Some of them are mentioned only in chronicles. “*Russkaya Pravda*” by Yaroslav the Wise referred to such ancient legal acts dated the 9th–12th centuries on the territory of the Slavic nationalities and didn’t lose its relevance up to the 16th century, the Charters of the 15th–17th centuries, the Sobornoye Ulozheniye adopted in 1649 by the Zemsky Sobor. Information about a number of compiled edicts, directives and petitions has also reached the present times only in the form of chronicles. However, the common thing about them is that there were adopted acts during the reign of different rulers, that, to some extent, established the regulation of the volume and sphere of natural resources of the population. Usually, these acts were of a property and resource nature, they touched upon responsibility for abuse, theft, extraction above measure regulated the attitude towards the resources produced by hunting, fishing, beekeeping and on the territories of the land of the rulers, because these products were the basis of human life at that time [3].

In other words, the ecological management as a package of measures on regulation of relations between man and environment was seen not in the context of questions on environment’s protection, but in the context of natural resource management, and flora and fauna as a source of raw materials and the object of property relations.

The most famous decree on the territory of Kievan Rus was the decree on the Zasechnaya Cherta of Ivan the Terrible, which associated with natural objects. The idea of the so-called “Zasechnaya Cherta” dated back to the 14th–17th centuries. Zasechniye Forests, that were elevated to the status of the reserve by the decree of Ivan the Terrible, were also free from modern environmental interest. The idea of Zasechniy Heap was that some of them, which dumped their peaks to the south but not separated from the stumps of the trees and remained alive, were an invincible obstacle for the Tatar cavalry and carts. In other words, the forest, that was the protected subject of the decree of Ivan the Terrible, worked as a barricade. That’s why it was prohibited to cut it down [4. Pp. 16–20]. In such context, it is not necessary to refer the mentioned decree to the nature protection decree, which established the reserved status of the forest. This act refers to the 16th century, that in European history corresponds to the period of time of the Holy Roman Empire, which existed until 1806 and contained the territory of modern Germany. Such periodization gives grounds to look upon the events, that happened on the territory of the Empire, as the history of the formation of European environmental views.

Thus, the decree of the Salzburg’s Archbishop Eberhard II (also known as Eberhard von Regensburg) dated back to 1237 on prohibition of creation of meadows for grazing and pastures in the valley of the mining region of Gastein in order to protect the forests. Like all the regulators that existed at that time, they did not

have an ecological sense, but had a resource nature. This act of 1237 was closely connected with the mining industry and areas of growth of massifs in mountainous areas, which safety was necessary for the needs of the industry. However, the degree of effectiveness of the restrictions on wood production in the highlands is in doubt. “Pflegericht” (“Pflegericht”), which literally can be referred to as “the tutorial court” or “the tutorial management”, was created at that time in the service of the Archbishop in the 13th century for more effective management, and its officials independently appointed the so-called “Waldmeister” – a post that came into use in Russia during the reign of Peter the Great. This official was making oversight functions in the sphere of forestry, i. e. performed functions that are attributed to a forester. However, the functions of waldmeisters were greatly restricted because of the extension of the powers of the above-mentioned governing body of the Archbishop, that led to the loss of its effectiveness. The country began to feel the shortage of wood during the reign of the Archbishop Leonardo von Keiser (1495–1519). The Gastein mining and metallurgic plant reached its peak in production at that period of time. Forests suffered not only from greediness of heavy industries, but also from imperfect practice of logging, even with condition that the practice of replenishing management began to introduce under Archbishop Eberhard II – the forests were cut down not extensively, and planted again for the purpose of renewable resources. The wood material, intended for Hallein salt plant, was assigned and put on the account in accordance with a single rate, regardless of location and terms of delivery because of the differences in management prevalent at that time. Such events had a negative impact on the economy, not to mention the ecological condition of the forest [5. Pp. 108–109]. In general, it can be said that environmental regulation had a resource-saving and economic orientation on the territory of modern Germany in the Late Middle Ages. It should be noted that, in the 5th century and later, the ancient German people created their world view in relation to nature on the basis of pagan beliefs, worshiping natural forces and phenomena. Such a world view is a feature of the majority of ancient peoples of the world and carries the rudiments of human ecological consciousness [6. Pp. 7–11].

In the context of ecological development, the history of cooperation between Russia and Germany, which was part of the Holy Roman Empire up to 1806, began already under Peter the Great. Russia adopts the above-mentioned experience of forest management on the German territory, reorienting the extensive image of its management to the renewable wood resources of the state. However, the analysis of causal relationships still showed that there were no eco-centric purposes for governmental regulation, such as preservation of biodiversity and species. Any environmental activities in Germany and Russia still illustrated their tough economic and strategic principles.

The forest resources were considered as public property under Peter the Great. The expansion of military fleets and the construction of regular ships operating in the Baltic Sea have shown that the Russian Empire has weaknesses in the field of forestry. Peter the Great, in an effort to establish Russia’s status as a maritime nation,

followed the example of European monarchs and began to consider the question about forestry in Russia as one of the main matters of the state budget and as an important economic aspect as a part of a single economic mechanism. The initiatives of Peter the Great to construct the active fleet in the Baltic Sea revealed the weakest sides of forestry in Russia, when it was sometimes impossible to find suitable trees for shipbuilding purposes on such huge areas of forest land. The preservation and multiplication of tree species suitable for shipbuilding required a number of tough sanctions and penalties, followed by non-targeted cutting [7. Pp. 136–141]. Such prohibitions established both fines of 10 rubles for wood and proportionate to the damage caused to the state by cut down forest, and corporal punishment, and a number of especially mass felling was considered to be especially serious acts and was punished with death [8. P. 228].

The decree of 1703 established a seizure of forestry regardless of private or public ownership for the first time. Forest management was administered by a special office – *weltmeisterschaft* – after the formation of the Admiralty Boards and their offices [7. Pp. 136–141].

Similar model was borrowed from the experience of German forestry, which history lasted for several centuries by that time.

There appeared a post of *waldmeister* as it was in Germany, who had the functions of the forester. This post had a rank division with *Unter-* and *Oberwaldmeisters*. The so-called group of “kind people”, consisting of the Russian clerks and peasants, was also selected. They had a supporting role in regard to *waldmeisters* of different ranks. This is largely due to the fact that commonly foreigners, including immigrants from Germany, who already had experience in this sphere, became *waldmeisters*.

The control of all state forests was carried out by *oberwaldmeister*; *waldmeisters* worked at local level. *Unterwaldmeisters*, which were entrusted with supervision of 2,000–3,000 yards, went into disposal of *waldmeisters*, and “kind people” from clerks and peasants were chosen as their assistants. The system of *waldmeisters* became widespread in the Russian Empire over years. It worked in such major cities as St. Petersburg, Moscow, Kazan, Voronezh, Ryazan, Bryansk, Novgorod, Pskov and Smolensk [9].

There was a forest school in Europe, especially in Germany. Its impact on forestry in Russia was great, but it did not always correspond to its conditions and needs. The foreign specialists, who were accepted on the Russian forest service, referred to their duties not always fervently and faithfully. The German scientist K. F. Tyursher, who emigrated to Russia, wrote about his compatriots, employed on the Russian forest service, which were divided into gamekeepers without education, bringing a disgrace to the German name and the German forest science; the real experts, but not familiar and not willing to know local conditions and who believed that everything in Russia is bad, except for themselves; and the adventurers, unrecognized geniuses, who went to seek happiness in other people’s countries [10. P. 20]. A number of failures happened due to the low knowledge of foreigners about

the territoriality, natural conditions and the specifics of the economic management of local population.

These problems were admitted to be resolved not only by “kind people”, who represented the interests of local and interpreted the conditions of forest use in Russia for foreign guests, but also with special instructions and standards that began to appear in 1723. The name “Förstmeister”, which also meant a forest supervisor, who, by analogy with “kind people”, was supposed to have about six students, was used for the first time on the territory of the Russian Empire in one of the accompanying acts [11. P. 131].

Later, the idea of forestry developed under Anna Ioannovna, “The Regulation of the Plant and the Seeding of Forests for the Pleasure of Her Imperial Majesty Fleet” appeared in 1732.

The German naturalist Alexander von Humboldt was the author of the term “nature monument” in 1799, which was applied in regard to the highest mimosa in Venezuela [12. S. 746]. This event can be connected with a breakthrough in the study of the biosphere. The German scientists for the first time considered the natural object not as an object of fuel and construction consumption, but as a moral and ethical value. A large part of natural monuments began to appear on the territory of Russia already in 20th century.

Conclusion

The detailed study of the history of natural resource management in Russia and Germany makes it possible to identify the reasons for the existence of a modern environmental organization in these states. The close partnership between Russia and Germany in the environmental sphere actively continues to develop, despite the end of the year of ecology, announced in 2017. This cooperation can be characterized as productive, and the experience of the German state is useful, because Germany historically had a leading role in the field of environmental development in comparison with Russia. Russia’s focus on strengthening the international cooperation with Germany and borrowing the best practices on protection of natural objects will lead to stabilization and improvement of the environmental situation in the country.

© Babintseva E.A., 2018

REFERENCES

- [1] Schirokorad A.B. Germany. Confrontation through the Centuries [Protivostoyaniye skvoz veka]. Moscow: Veche, 2008. 109 p.
- [2] Levenstein O.G. German Population in Mari El: the Fate of My Father [Nemetskoye naseleniye v Mary El: Sudba moyego ottsa] // West-East: Research and Practice Yearbook [Zapad-Vostok: nauchno-praktichesky ezhegodnik]. Yoshkar-Ola, 2012. Pp. 51–52.

- [3] Sverdlova M.B. *Russkaya Pravda* (detailed edition) [*Russkaya pravda* (prostrannaya redaktsiya)] // Electronic Texts of the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) RAS. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (reference date: 30/05/18).
- [4] Savelyev A. *About Guarding Zasechnye Lines on the South of Ancient Rus* [*O storozhevykh zasechnykh liniyakh na yuge drevney Rusi*]. Moscow. 1876; A.I. Yakovlev. *Zasechnaya Cherta of the Moscow State in the 17th Century* [*Zasechnaya cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII v.*]. Moscow, 1916. Pp. 16–20.
- [5] *Handwörterbuch der Wirtschaftswissenschaft: (HdWW); zugleich Neuauflage des "Handwörterbuchs der Sozialwissenschaften"*. Albers W (Ed); 9: *Wirtschaft und Politik bis Zölle, Nachtrag*. Stuttgart: Fischer: s. 962
- [6] Rogozin O.D. *War and Peace in Terms and Definitions* [*Voyna i mir v terminakh i opredeleniyakh*]. Moscow: PoRog, 2004. P. 334.
- [7] Grebenshchikova G.A. *The Problem of Preservation of Shipbuilding Timber in the 18th Century* [*Problema sokhrannosti korabelnogo lesa v XVIII veke*] // *Historical Issues* [*Voprosy istoriyi*]. 2007. #12. Pp. 136–141.
- [8] *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire* [*Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperiyi*]. Vol. IV. St. Petersburg. 1830. N 1950, November 19, 1703. P. 228.
- [9] *A Century after the Establishment of the Forest Department* [*Stoletiye uchrezhdeniya Lesnogo departamenta*]. 1788–1898. St. Petersburg: typolithography. Yu.Ya. Rimana, 1898. 253 p. URL: <http://www.knigafund.ru/books/128563/read#page15> (reference date 05/30/18).
- [10] Filonenko I.Ye. *Memories of the Russian Forest* [*Vospominaniya o russkom lese*]. Moscow: KOMRID, 1993. P. 238
- [11] Puryaeva A.Yu. *Shipbuilding Timber in the Pre-Revolution Russian Forest Legislation* [*Korabelnye lesa v dorevolutsionnom lesnom zakonodatelstve Rossiyi*]. Volga Region Department of Rostekhnadzor. *Journal of the VSU. Series: Law*. No. 1. 2011. Pp. 131–138.
- [12] Johann Wolfgang von Goethe: *Zur Naturwissenschaft, Mineralogie und Geologie, Recht und Pflicht, 2-7; Aphorismen und Fragmente, Beobachten und Denken*. Zitiert nach: Ernst Lautenbach: *Lexikon Goethe Zitate. Auslese für das Jahrhundert aus Werk und Leben*, München 2004, ISBN 3-89129-800-5. S. 746.

Истоки взаимодействия России и Германии в области природопользования на примере лесного хозяйствования в XIII–XVIII вв.

Е.А. Бабинцева

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

Автор подходит к вопросу взаимоотношений России и Германии в сфере добычи и потребления природных ресурсов исходя из сравнительного анализа становления экологического регулирования в данных государственных образованиях. Вопреки принятой периодизации устоявшегося экологического взаимоотношения государств во второй половине XIX в. в фокусе внимания находятся более ранние точки соприкосновения рос-

сийской и германской стороны, относящиеся еще к периоду существования Священной Римской и Российских империй. Рассмотрен ряд древних правовых актов, включая летописные российские, такие, как «Русская права» и немецкие локальные постановления в сфере регулирования лесопользования. Сопоставлен разрыв между появлением и заимствованием опыта на территории России. В ходе данного исследования были выявлены последовательность, основные этапы и характер межгосударственного взаимодействия России и Германии в сфере охраны лесов и природопользования. По итогам исследования сделан вывод о том, что укрепление партнерства России и Германии в сфере охраны окружающей среды позитивно отразится на российской экологической обстановке.

Ключевые слова: экология, природопользование, вельдмайстер, лесное хозяйство, Германия, Россия

Информация об авторе / Information about the author

Бабинцева Екатерина Алексеевна – ассистент кафедры иностранных языков ФГСН РУДН.

Babintseva Ekaterina – Assistant Professor of the Chair of Foreign languages of the Faculty of Humanities and Social Sciences at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

E-mail: babintseva-ea@rudn.ru

Для цитирования / For citations

Бабинцева Е.А. Истоки взаимодействия России и Германии в области природопользования на примере лесного хозяйствования в XIII–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 311–319. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-311-319

Babintseva E.A. The origins of interaction between Russia and Germany in the field of nature use in the context of forest management in the 13th–18th centuries. RUDN Journal of World History. 2018. 10(3): 311–319. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-311-319

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 23.04.2018

ДЛЯ ЗАМЕТОК
